

Энтони Берджесс

СУМАСШЕДШЕЕ
СЕМЯ

Annotation

Энтони Берджесс — известный английский писатель, автор бестселлера «Заводной апельсин». В романе-фантастике «Сумасшедшее семя» он ставит интеллектуальный эксперимент, исследует человеческую природу и возможности развития цивилизации в эпоху чудовищной перенаселенности мира, отказавшегося от войн и от Божественного завета плодиться и размножаться.

- [Энтони Берджесс](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
- [Часть пятая](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
- [Эпилог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
- [notes](#)
  - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
-

Энтони Берджесс

Сумасшедшее семя

Название этого романа — перефразированная строка из народной песни «Взошедшее семя», опубликованной Джеймсом Ривсом в «Вечном круге».

Часть первая

Глава 1

Это был день перед ночью удара ножей официального разочарования.

Беатрис-Джоанна Фокс вышмыгивала горе осиротевшей матери, пока тельце в желтом пластиковом гробу передавали двум мужчинам из Министерства Сельского Хозяйства (Департамент Утилизации Фосфора). Это были веселые личности с угольно-черными лицами и сверкающими вставными зубами; один пел песню, недавно ставшую популярной. Многократно пробормотанная по телевизору обросшими юнцами невинного пола, она звучала неподобающе, вырываясь из глубокой басистой глотки мужественного представителя Вест-Индии. И ужасающе мрачно.

Обожаемый мой Фред,
Тебя слаще в мире нет,
От макушки и до пят
Ты вкуснее всех подряд.
Детка, детка, детка,
Ты моя котлетка.

Крошечный трупик звали не Фред, а Роджер. Беатрис-Джоанна всхлипнула, а мужчина продолжал петь, без всяких переживаний делая свое дело, которому привычка придала свойство легкости.

— Значит, вот так, — сердечно сказал доктор Ачесон, жирный кастрат англосакс. — Еще шматок фосфорного ангидрида для славной старушки Земли-Матушки. Я бы сказал, меньше полкило. Все равно каждая кроха на пользу.

Певец стал теперь свистуном. Посвистывая, он кивнул, передавая квитанцию.

— А если вы просто сделаете один шаг до моего кабинета, миссис Фокс, — улыбался доктор Ачесон, — я дам копию свидетельства о смерти. Отнесете ее в Министерство Бесплодия, и вам выплатят утешительные. Наличными.

— Я хочу одного, — просопела она, — вернуть своего сына.

— Переживете, — весело сказал доктор Ачесон. — Как все остальные. — Он благосклонно смотрел на двух черных мужчин, несших гробик вниз по коридору к лифту. Двадцать одним этажом ниже их ждал фургон. — И подумайте, — добавил он. — Подумайте с государственной точки зрения, с глобальной точки зрения. Одним ртом меньше кормить. Еще полкило фосфорного ангидрида подкормят землю. Знаете, миссис Фокс, в определенном смысле вы получите сына обратно. — Он направился в свой крошечный кабинет. — А, мисс Хершхорн, — сказал он секретарше, — свидетельство о смерти, пожалуйста.

Мисс Хершхорн, тевтонка-китаянка, быстро проквакала в аудиограф детали; из щели выскользнула отпечатанная карточка; доктор Ачесон поставил подпись — текучую, женственную.

— Вот, миссис Фокс, — сказал он. — И постарайтесь взглянуть на все это рационально.

— Я только вижу, — сурово сказала она, — что вы могли бы спасти его, если бы захотели. Только не думали, будто дело того стоит. Еще один рот кормить, фосфор для государства полезней. Ох, какие вы все бессердечные. — Она снова заплакала. Мисс Хершхорн, некрасивая тощая девушка с собачьими глазами и очень длинными прямыми черными волосами, сделала доктору Ачесону *моуе*^[1]. Они явно привыкли к подобным вещам.

— Он был в очень плохом состоянии, — мягко сказал доктор Ачесон. — Мы сделали все возможное, клянусь Нюхом Дожиим. Но такой тип менингеальной инфекции просто галопирует, знаете, попросту галопирует. Вдобавок, — укоризненно сказал он, — вы его к нам принесли недостаточно рано.

— Знаю, знаю. И проклинаяю себя. — Крошечная утиралка для носа промокла. — Но, по-моему, его можно было спасти. И мой муж так же думает. Только вы, кажется, не заботитесь больше о человеческой жизни. Никто из вас. Ох, бедный мой мальчик.

— Мы заботимся о человеческой жизни, — строго сказал доктор Ачесон. — Мы заботимся о стабильности. Мы заботимся, чтоб Земля не перенаселялась. Мы заботимся, чтоб всем хватало еды. Полагаю, — сказал он более любезно, — вам надо прямо пойти домой, отдохнуть. По пути к выходу предъявите свидетельство в Амбулатории, попросите, пусть выдадут пару таблеток успокоительного. Ну, ну. — Он потрепал ее по плечу. — Постарайтесь быть рассудительной. Постарайтесь быть современной. Такая интеллигентная женщина. Оставьте материнство простому народу, как природой и было задумано. Теперь, разумеется, —

улыбнулся он, — по законам вы так и должны будете сделать. Установленную для вас норму вы выполнили. Материнство больше не для вас. Постарайтесь больше не чувствовать себя матерью. — Он снова ее потрепал, превратив это в прощальный шлепок со словами: — А теперь простите меня...

— Никогда, — сказала Беатрис-Джоанна. — Я вас никогда не прощу, никого.

— Всего хорошего, миссис Фокс. — Мисс Хершхорн включила крошечный диктофон, который начал повторять — маниакальным синтетическим тоном — распорядок приемов доктора Ачесона во второй половине дня. Жирный зад доктора Ачесона грубо повернулся к Беатрис-Джоанне. Все было кончено: сын на пути к превращению в фосфорный ангидрид, а сама она — попросту распроклятая зануда сопливая. Она высоко вскинула голову, промаршировала в коридор, промаршировала к лифту. Она была красивой женщиной двадцати девяти лет, старомодно красивой, на такой лад, какой больше не одобрялся в женщинах ее класса. Прямое неизящное черное платье без талии не могло скрыть подвижную пышность бедер, сковывающий лиф не мог совсем спрямить роскошную округлость груди. Волосы цвета сидра она носила по моде прямыми, с челкой; лицо припудривала простой белой пудрой; не употребляла духов — духи были исключительно для мужчин — и все-таки, несмотря на естественную при ее горе бледность, как бы сияла, пылала здоровьем, источая строго не одобряемую угрозу плодородия. Было в Беатрис-Джоанне что-то атавистическое: она инстинктивно содрогнулась, увидев двух женщин-рентгенологов в белых халатах, которые вышли из своего отдела в другом конце коридора и медленно двигались к лифту, любовно улыбаясь друг другу, глядя друг другу в глаза, держась за руки, переплетя пальцы. Подобные вещи теперь поощрялись, — все, что угодно, лишь бы отвлечь секс от естественной цели, — по всей стране кричащие плакаты, выпущенные Министерством Бесплодия, изображали в насмешливых детских красках ту или другую однополую обнявшуюся пару с девизом: «Гомик сапиенс». Институт Гомосексуализма даже открыл вечерние курсы.

Войдя в лифт, Беатрис-Джоанна с отвращением глянула на хихикавшую обнявшуюся парочку. Женщины — обе кавказского типа — классически дополняли друг друга, пушистый котенок отвечал плотной лягушке-быку. Беатрис-Джоанну чуть не стошнило, она повернулась к целующимся спиной. На пятнадцатом этаже лифт подхватил фатоватого толстозадого молодого человека, стильного, в хорошо скроенном пиджаке без лацканов, в облегающих штанах ниже колен, в цветастой рубашке с

круглым вырезом на шее. Он бросил на любовниц резкий презрительный взгляд, раздраженно передернул плечами, с одинаковым неодобрением насупил на полноценную женственность Беатрис-Джоанны. И принялся быстрыми опытными мазками накладывать макияж, жеманно улыбаясь своему отражению в зеркале, целуя губами помаду. Любовницы фыркнули над ним или над Беатрис-Джоанной. «Ну и мир», — думала она, пока они падали вниз. Однако передумала, скрытно, но повнимательней присмотревшись, — может быть, это умный фасад. Может быть, молодой человек, как ее деверь Дерек, ее любовник Дерек, постоянно играет на публике роль, обязанный своим положением, своим шансом на повышение грубой лжи. Но опять не смогла удержаться от мысли, часто об этом думая, что в мужчине, способном пусть даже играть таким образом, должно быть что-то фундаментально нездоровое. Сама она точно никогда не сумеет прикидываться, никогда не пройдет через слюнявую возню извращенной любви, даже если от этого будет зависеть сама ее жизнь. Мир сошел с ума; чем же все это кончится? Когда лифт достиг первого этажа, она сунула под мышку сумочку, снова высоко вскинула голову, приготовилась храбро нырнуть в обезумевший внешний мир. Дверь лифта отказалась открыться по какой-то причине («Ну уж, в самом деле», — подсадовал толстозадый прелестник, сотрясая ее), и в тот миг болезненное воображение Беатрис-Джоанны, автоматически испугавшись ловушки, превратило кабину лифта в желтый гробик, полный потенциального фосфорного ангидрида.

— Ох, — тихо всхлипнула она, — бедный мальчик.

— Ну уж, в самом деле. — Юный денди, сияя помадой цвета цикламена, попрекнул ее слезами. Двери лифта расцепились, открылись. Плакат на стене вестибюля изображал обнявшуюся пару дружков мужского пола. «Люби своих братьев» — гласил девиз. Сестры захихикали над Беатрис-Джоанной.

— Ну вас к черту, — сказала она, вытирая глаза, — ну вас всех к черту. Вы нечистые, вот кто, нечистые.

Молодой человек, вихляясь и цыкая языком, заколыхал прочь. Лягушка-лесбиянка бережно обняла подружку, враждебно глядя на Беатрис-Джоанну.

— Я вот ей дам нечистых, — хрипло сказала она. — Вымажу ей морду грязью, вот что я сделаю.

— Ох, Фреда, — обожаясь простонала другая, — какая ты храбрая.

Глава 2

Пока Беатрис-Джоанна спускалась, ее муж, Тристрам Фокс, поднимался. С гулом возносился на тридцать второй этаж к Общеобразовательной Школе (Для Мальчиков), Южный Лондон (Канал^[2]), Четвертый Дивизион. Его поджидал Пятый класс (Десятый поток) мощностью в шестьдесят сил. Он должен был давать урок Современной Истории. На задней стейке лифта, полускрытая тушей Джордана, преподавателя искусств, висела карта Великобритании, новая, новый школьный выпуск. Интересно. Большой Лондон, ограниченный морем с юга и с востока, вгрызался все дальше в Северную Провинцию и в Западную Провинцию: его новым северным рубежом стала линия, бежавшая от Лоустофта к Бирмингему; западная граница падала от Бирмингема к Борнмуту. Говорят, собравшимся мигрировать из Провинций в Большой Лондон нечего трогаться с места, надо лишь обождать. В самих Провинциях еще было видно древнее деление на графства, но, благодаря диаспоре, иммиграции, смешанным бракам, старые национальные обозначения «Уэльс» и «Шотландия» больше не имели никакого точного смысла.

Бек, преподававший математику в младших классах, говорил Джордану:

— Надо бы отместить одно или другое. Компромисс, вот в чем всегда была наша беда, либеральный порок компромисса. Семь септ — гинея, десять таннеров — крона, восемь тошрунов — фунт. Бедные юные чертенята не знают, на каком они свете. Мы терпеть не можем от чего-то отказываться, вот наш большой национальный грех...

Тристрам вышел, предоставив лысому старику Беку продолжать свои инвективы. Прошагал к Пятому классу, вошел, заморгал на своих мальчиков. Майский свет из окна, выходившего на море, сиял на их пустых лицах, на пустых стенах. Тристрам начал урок.

— Постепенная категоризация двух основных оппозиционных политических идеологий по сущностным теологически-мифологическим концепциям. — Тристрам не был хорошим учителем. Говорил слишком быстро для учеников, употреблял слова, которые им было трудно правильно написать, склонен был мямлить. Класс покорно старался записывать его речи в тетради. — Пелагианство, — сказал он, — некогда было известно как ересь. Его даже называли британской ересью. Может кто-нибудь мне назвать другое имя Пелагия?^[3]

— Морган, — сказал мальчик по фамилии Морган, прыщавый парнишка.

— Правильно. Оба имени означают «морской человек».

Сидевший позади Моргана мальчик засвистел сквозь зубы на манер волынки, толкая Моргана в спину.

— Прекрати, — сказал Морган.

— Да, — продолжал Тристрам. — Пелагий принадлежал к расе, некогда населявшей Западную Провинцию. Он был тем, кого в старые религиозные времена называли монахом. Монахом. — Тристрам энергично выскочил из-за стола, начертал это желтое слово на синей доске, как бы опасаясь, что ученикам его правильно написать не удастся. Потом снова сел. — Он отверг доктрину первородного греха и сказал, что человек способен делом заслужить спасение. — Мальчики очень тупо таращили глаза. — Ничего, пока значения не имеет, — мягко сказал Тристрам. — Вам только надо запомнить, что все это предполагает способность человека к совершенствованию. Таким образом, пелагианство считалось лежавшим в сердцевине либерализма и вытекавших из него доктрин, особенно социализма и коммунизма. Я говорю слишком быстро?

— Да, сэр, — пролаяли и проскрипели шестьдесят ломавшихся голосов.

— Хорошо. — Лицо у Тристрама было мягкое, пустое, подобно мальчишеским, глаза за контактными линзами лихорадочно сверкали. Волосы с негроидной курчавостью; лунки ногтей — полускрытые синеватые полумесяцы. Было ему тридцать пять, почти четырнадцать он был учителем. Зарабатывал чуть больше двухсот гиней в месяц, но надеялся теперь, после смерти Ньюика, продвинуться до руководства Факультетом Общественных Наук. Что означало бы существенную прибавку жалованья, что означало бы квартиру побольше, лучший старт в мире для юного Роджера. Тут он вспомнил, что Роджер мертв. — Хорошо, — повторил он, точно сержант-инструктор во времена до установления Вечного Мира. — С другой стороны, Августин настаивал на наследственной греховности человека и на необходимости ее искупления с помощью божественной благодати. Это считалось лежавшим в основе консерватизма, всяких там *laissez-faire*^[4] и прочих непрогрессивных политических убеждений. — Он сияюще улыбнулся классу. — Противоположный тезис, ясно? — бодро сказал он. — На самом деле все очень просто.

— Я не понимаю, сэр, — пробасил большой лысый парень по фамилии Эбни-Гастингс.

— Ну, видите ли, — дружелюбно сказал Тристрам, — старые консерваторы ничего хорошего от человека не ждали. Человек считался по

природе стяжателем, желавшим все больше и больше своей личной собственности; не хотевшим сотрудничать эгоистическим существом, не слишком озабоченным общественным прогрессом. Грех в действительности просто синоним эгоизма, джентльмены. Запомните это. — Он подался вперед, сложив руки, скользнув локтями по желтому мелу, покрывшему стол, как взметенный ветром песок. — Что бы вы сделали с эгоистом? — спросил он. — Скажите.

— Дал бы пинка немножечко, — сказал очень светлый мальчик по имени Ибрагим Ибн-Абдулла.

— Нет. — Тристрам покачал головой. — Ни один августинец не сделал бы такого. Когда от кого-нибудь ждешь наихудшего, никогда не разочаруешься. Только разочарование прибегает к насилию. Пессимист — а это все равно что сказать августинец — получает какое-то мрачное удовольствие, наблюдая, в какие глубины может пасть поведение человека. Чем больше он видит греха, тем больше подтверждается его вера в первородный грех. Каждому нравится подтверждение своего глубочайшего убеждения: это одна из самых долговечных человеческих радостей.

Тристраму вдруг как бы наскучили эти банальные выкладки. Он оглядел свои шесть десятков, ряд за рядом, словно выискивал признаки плохого поведения, но все сидели тихо, были полны внимания, — чистое золото, — точно задались целью подтвердить тезис Пелагия. Микрорадио на запястье Тристрама трижды прожужжало. Он поднес его к уху. Комариный голосок голосом совести пропищал: *«Зайдите, пожалуйста, к ректору по окончании текущего урока»*, — слегка присвистывая на взрывных согласных. Хорошо. Должно быть, то самое; стало быть, сбудется. Скоро он встанет на место покойного бедняги Ньюика; может, выплатят жалованье задним числом. Теперь он встал буквально, схватившись руками, на манер адвоката, за пиджак в тех местах, где во времена лацканов были бы лацканы. И с новыми силами продолжал.

— В наши дни, — сказал он, — у нас нет политических партий. Мы признаем, что старая дихотомия живет внутри нас и не требует никакого наивного выражения в сектах и фракциях. Мы — и Боги, и Дьяволы, хоть и не одновременно. На последнее способен лишь мистер Живдог, а мистер Живдог, разумеется, просто вымышленный символ.

Все мальчики заулыбались. Все любили «Приключения мистера Живдога» в космикомиксах. Мистер Живдог был огромным забавным толстым демиургом, *sufflaminandus*^[5], подобно Шекспиру, населившим всю Землю никому не нужной жизнью. Перенаселение было его деянием. Однако ни в одной своей аванюре он побед никогда не одерживал: мистер

Гомик, человек-босс, всегда давал ему команду «к ноге».

— Теология, живущая в наших оппозиционных доктринах пелагианства и августинства, никакой больше ценности не имеет. Мы пользуемся этими мифическими символами, так как они на редкость соответствуют нашей эпохе, эпохе, которая все больше и больше полагается на перцепцию, изображение, пиктографию. Петтмен! — с внезапной радостью вскричал Тристрам. — Вы что-то едите. Едите в классе. Так нельзя, правда?

— Нет, сэр, — сказал Петтмен, — прошу вас, сэр. — Это был мальчик красноватой дравидской окраски с ярко выраженными чертами краснокожего индейца. — Это зуб, сэр. Мне приходится его все время сосать, сэр, чтоб болеть перестал, сэр.

— У мальчика вашего возраста не должно быть зубов, — сказал Тристрам. — Зубы — атавизм. — И сделал паузу. Он часто говорил это Беатрис-Джоанне, имевшей особенно замечательный естественный набор сверху и снизу. В первые дни супружества ей доставляло удовольствие кусать его за мочки ушей. «Прекрати, детка. Ой, милая, больно». А потом крошка Роджер. Бедный маленький Роджер. Он вздохнул и погнал урок дальше.

Глава 3

Беатрис-Джоанна решила, что, невзирая на нервный комок и молоток в затылке, не нуждается в успокоительном из Амбулатории. Ей ничего больше не нужно от Государственной Службы Здравоохранения, большое спасибо. Она наполнила легкие воздухом, будто перед нырком, и принялась прокладывать себе путь через толпы людей, набившихся в просторный вестибюль больницы. При такой мешанине пигментов, черепных индексов, носов, губ все это смахивало на гигантский зал международного аэропорта. Она пробилась к лестнице, постояла какое-то время, упиваясь чистым уличным воздухом. Эпоха личного транспорта практически кончилась; только государственные фургоны, лимузины и микроавтобусы ползли по забитым прохожими улицам. Она глянула вверх. Здания из бесчисленных этажей неслись в майское небо, голубоватое утиное яйцо с перламутровой пленкой. Пятнистое и облупленное. Высота с биением синевы и сиянием седины. Смена времен года была единственным неизменным фактом, вечным круговоротом, кругом. Но в современном мире круг превратился в эмблему статичности, ограниченный глобус, тюрьму. В вышине, на высоте,

как минимум, двадцати этажей, на фасаде Демографического Института стоял барельефный круг с проведенной к нему по касательной прямой линией. Символ желанной победы над проблемой народонаселения: касательная шла не из вечности в вечность, а равнялась по длине окружности круга. Стаз. Баланс глобального населения и глобальных запасов продовольствия. Умом она одобряла, но тело, тело осиротевшей матери кричало: нет, нет. Все это означало отказ от столь многих вещей; жизнь во имя благоразумия — противное богохульство. Дыхание моря коснулось ее левой щеки.

Она пошла на юг, вниз по большой лондонской улице; благородная, абсолютно головокружительная высота камня и металла искупала вульгарность вывесок и плакатов. *Солнечный сироп «Золотое Сияние»*. *«Национальное стереотеле»*. *«Синтеглот»*. Она проталкивалась в толпах, толпы двигались к северу. Униформ больше обычного, заметила она: полицейские, мужчины и женщины, в сером; многие неуклюжие, видно, новобранцы. Шла дальше. В конце улицы здравым видением блеснуло море. Это был Брайтон, административный центр Лондона, если побережье можно назвать центром. Беатрис-Джоанна шла с той скоростью, с какой приливная волна толпы влекла ее к холодной зеленой воде. Перспектива, увиденная из узкого головокружительного ущелья, всегда обещала нормальность, широту свободы, но реальный выход к кромке моря всегда нес разочарование. Приблизительно через каждую сотню ярдов стояли прочные пирсы, нагруженные блочными офисами или ульями многоквартирных домов, они тянулись к Франции. Но тут все-таки было чистое соленое дыхание; она его жадно пила. У нее было интуитивное убеждение, что если Бог есть, то обитает Он в море. Море говорило о жизни, шептало или кричало о плодородии; этот голос никогда нельзя было полностью заглушить. У нее возникло безумное ощущение — если бы только тело бедного Роджера можно было бросить в тигриные воды, пусть его поглотили бы волны или съели рыбы, чем холодно превратить в химикаты и молча скормить земле. У нее возникло безумное интуитивное ощущение, что земля умирает, что море вскоре станет последнимместилищем жизни. «Море, ты, что бредишь беспрестанно и в шкуре барсовой, в хламиде рваной несчетных солнц, кумиров золотых... — она это где-то читала, перевод с одного из вспомогательных европейских языков, — как гидра, опьянев от плоти синей, грызешь свой хвост...»^[6]

— Море, — тихо сказала она; променад был так же переполнен, как улица, откуда она только что вышла, — море, помоги нам. Мы больны, о, море. Верни нам здоровье, верни нас к жизни.

— Простите? — Это был староватый мужчина, англосакс, прямой, румяный, в пятнах, с серыми усами; в военную эпоху его сразу признали бы отставным солдатом. — Вы не ко мне обращаетесь?

— Извините. — Вспыхнув под костно-белой пудрой, Беатрис-Джоанна быстро пошла прочь, инстинктивно свернув на восток. Глаза ее устремились вверх к непомерной бронзовой статуе, которая высокомерно высилась в воздух на милю, на вершине Правительственного Здания, — фигура бородатого мужчины в классической одежде, сверкающая на солнце. Ночью ее заливал свет. Путеводная звезда для судов, морской человек. Пелагий. Но Беатрис-Джоанна помнила времена, когда это был Августин. Говорят, в другие времена это был Король, Премьер-Министр, популярный бородатый гитарист, Элиот (давно умерший певец бесплодия) [7], Министр Рыбоводства, капитан Мужской Хертфордширской Команды Священной Игры, а чаще и удобней всего — великий никто, магический Аноним.

Рядом с Правительственным Зданием, бесстыдно повернувшись лицом к плодородному морю, стояло более приземистое, более скромное здание в двадцать пять этажей, приютившее только одно Министерство Бесплодия. Над портиком красовался неизбежный круг с целомудренно целующей его касательной и большой барельеф с изображением обнаженной бесполой фигуры, разбивающей яйца. Беатрис-Джоанна подумала, что вполне можно забрать свои (столь цинично поименованные) утешительные. Это давало повод войти в здание, предлог поклоняться по вестибюлю. Вполне можно увидеть его, когда он будет уходить с работы. Она знала, на этой неделе он в смене А. Прежде чем пересечь променад, посмотрела на деловитые толпы почти новым взглядом, почти глазами моря. Это был британский народ; точнее, это были люди, населявшие Британские острова, — преимущественно евразийцы, евроафриканцы, европолинезийцы; беспристрастный свет отражался на сливовой, золотистой, даже на красновато-коричневой коже; ее собственный английский персик, замаскированный белой мукой, становился все реже. Этнические различия больше значения не имели; мир делился на языковые группы. Она на миг почти пророчески подумала: не ей ли вместе с еще немногими бесспорными англосаксами вроде нее предоставлено восстановить здравый смысл и достоинство нечистокровного мира? Она вроде бы припоминала, что некогда ее раса уже это сделала.

— Одним достижением англосаксонской расы, — сказал Тристрам, — было парламентское правление, которое стало со временем означать партийное правление. Позже, когда обнаружили, что правительственную работу можно вести быстрее без дебатов и без оппозиции, влекомой за собой партийным правлением, начали осознавать природу *цикла*. — Он подошел к синей доске и нарисовал желтым мелом неуклюжее большое кольцо. — Теперь, — сказал он, вывернув голову, чтобы взглянуть на учеников, — вот как осуществляется цикл. — Отметил три дуги. — У нас пелагианская фаза. Потом у нас промежуточная фаза. — Мел жирно обвел одну дугу, затем другую. — Она ведет к августинской фазе. — Еще жирная дуга; мел вернулся туда, откуда стартовал. — Пелфаза, Интерфаза, Гусфаза, Пелфаза, Интерфаза, Гусфаза и так далее, снова и снова. Вроде вечного вальса. Теперь можно подумать, какая мотивационная сила заставляет колесо вращаться. — Он серьезно стоял перед классом, похлопывая одной ладонью о другую, стряхивая мел. — Первым делом напомним себе, на чем стоит пелагианство. Действующее в пелагианской фазе правительство принимает на веру, что человек способен к совершенствованию, что совершенствования он может достичь своими собственными усилиями и что приближение к совершенству идет прямой дорогой. Человек желает совершенства. Он хочет быть хорошим. Граждане общества хотят сотрудничать со своими правителями, и поэтому нет реальной необходимости в способах принуждения, в санкциях, которые силой бы их заставляли сотрудничать. Законы, конечно, необходимы, ибо ни один отдельный индивидуум, сколь угодно хороший и готовый сотрудничать, не может точно знать полных потребностей общества. Законы указывают путь к возникающим способам совершенствования общества — это ориентиры. Однако вследствие фундаментального тезиса, что граждане желают вести себя как добропорядочные общественные животные, а не как эгоистичные звери в диком лесу, предполагается, что законы будут соблюдаться. Поэтому пелагианское государство не видит необходимости создавать изоциреный карательный механизм. Нарушишь закон — тебе скажут, чтоб ты этого больше не делал, или на пару крон оштрафуют. Твое неповиновение проистекает не из первородного греха, это не главная составляющая человеческого существа. Это просто изъяз, который можно будет отбросить где-нибудь по дороге к конечному человеческому совершенству. Ясно? — Многие ученики кивнули; их уже не волновало, ясно им или нет. — Хорошо. Таким образом, в пелагианской фазе, или в Пелфазе, великая либеральная мечта кажется достижимой. Нет порочной страсти к наживе, грубые желания держатся под рациональным контролем.

Например, частному капиталисту, жадной личности в цилиндре, нет места в пелагианском обществе. Следовательно, средствами производства распоряжается государство, государство — единственный босс. Но желание государства — желание гражданина, следовательно, гражданин трудится для самого себя. Более счастливое существование невозможно представить. Только помните, — пугающим полусшепотом сказал Тристрам, — помните, что мечты всегда несколько опережают реальность. Что убивает мечту? Что ее убивает, а? — Он вдруг грохнул по столу, как по крупному барабану, и прокричал крещендо: — Разочарование. *Разочарование*. РАЗОЧАРОВАНИЕ. — И просиял. — Правители, — сказал он благоразумным тоном, — разочаровываются, обнаруживая, что люди не так хороши, как они думали. Убаюканные мечтами о совершенстве, они ужасаются, когда срывают печать и видят людей такими, каковы они на самом деле. Возникает необходимость попробовать силой принудить граждан к добродетели. Вновь провозглашаются законы, грубо и поспешно сколачивается система проведения этих законов в жизнь. Вместе с разочарованием открывается перспектива хаоса. Иррациональность, паника. Когда разум уходит, приходит чудовище. Зверства! — вскричал Тристрам. Класс наконец заинтересовался. — Побои. Тайная полиция. пытки в ярко освещенных камерах. Осуждение без суда. Ногти вырывают клещами. Дыба. Обливание холодной водой. Глаза выдавливают. Расстрельные роты на холодной заре. И все это из-за разочарования. Интерфаза.

Он очень мило улыбнулся классу. Класс жаждал еще рассказов о зверствах. Вытаращенные глаза горят, рты разинуты.

— Сэр, — спросил Беллингем, — что такое обливание холодной водой?

Глава 5

Беатрис-Джоанна, оставив за спиной пустыню животворной холодной воды, вошла в открытый зев Министерства, в пасть, откуда пахло так, словно ее тщательно прополоскали дезинфицирующим раствором. Протолкалась к какому-то кабинету, гордо украшенному надписью: «УТЕШИТЕЛЬНЫЕ». Огромное количество осиротевших матерей ожидало у барьера, кое-кто — из числа говоривших с налетом безответственности — в праздничных выходных платьях, зажав в руках свидетельства о смерти, будто пропуск в лучшие времена. Стоял запах

дешевого спиртного — алк, так его называли, — и Беатрис-Джоанна видела огрубевшую кожу, мутные глаза закоренелых алкоголичек. Времена заклада утюгов кончились; государство платило за детоубийство.

— Похоже, задохнулся в простынках. Всего три недели ему и было-то, да.

— А мой обварился. Чайник опрокинул прямо себе на макушку. — Говорившая улыбнулась как бы с гордостью, точно дитя сделало нечто умное.

— Из окна выпал, да. Играючи, да.

— Деньги очень кстати.

— Ох, да, конечно.

Симпатичная нигерийская девушка взяла у Беатрис-Джоанны свидетельство о смерти, пошла к центральной кассе.

— Благослови вас Бог, мисс, — сказала старая карга, судя по виду, давно вышедшая из детородного возраста. Свернула банкноты, выданные евроафриканкой-чиновницей. — Благослови вас Бог, мисс. — Неловко пересчитала монеты, радостно побрела прочь.

Чиновница улыбнулась старомодному выражению; Бога теперь поминали не часто.

— Вот, миссис Фокс, — вернулась симпатичная нигерийка. — Шесть гиней три септы.

Каким образом получилась подобная сумма, Беатрис-Джоанна не потрудилась расспрашивать. С непонятным себе самой виноватым румянцем поспешно сунула деньги в сумку. Перед ней трижды сверкнули монеты в три шиллинга под названием септы, сыплясь в кошелек, — король Карл VI трижды загадочно улыбнулся налево. Король и королева не подчинялись законам воспроизводства для простых людей; в прошлом году погибли три принцессы, все в одной авиакатастрофе; престолонаследие следует обеспечивать.

«Больше не заводите», гласил плакат. Беатрис-Джоанна сердито протолкалась к выходу. Встала в вестибюле, чувствуя безнадежное одиночество. Служащие в белых халатах, деловые и шустрые, точно сперматозоиды, мчались в Департамент Противозачаточных Исследований. Лифты взлетали и падали с многочисленных этажей Департамента Пропаганды. Беатрис-Джоанна ждала. Вокруг нее со всех сторон щебетали и пришепetyвали мужчины и полумужчины. Потом она увидела, как и думала, точно в тот час, своего деверя Дерека, тайного любовника Дерека, с кейсом под мышкой; поблескивая кольцами, он оживленно беседовал с фатоватым коллегой, отмечал пункт за пунктом, разгибая сверкавшие

пальцы. Наблюдая за отличной имитацией поведения ортодоксального гомосексуалиста (за его вторичными, или общественными, аспектами), она не могла полностью подавить вспышку презрения, полыхнувшую в чреслах. Слышны были фыркавшие ударения в его речи; движения отличались грацией танцовщика. Никто не знал, — кроме нее, никто, — что за сатир уютно устроился за бесполой внешностью. Многие говорили, он вполне может очень высоко подняться в иерархии Министерства. Если бы, подумала она с мимолетной злобой, если б только коллеги узнали, если б только начальство узнало. Она могла бы его погубить, если бы захотела. Могла бы? Разумеется, не смогла бы. Дерек не такой человек, чтоб позволить себя уничтожить.

Она стояла в ожидании, сложив перед собой руки. Дерек Фокс попрощался с коллегой («Очень, *очень* хорошее предложение, милый мой. Я вам обещаю, завтра мы его должны реально *пробить*».) и на прощанье трижды лукаво шлепнул его по левой ягодице. Потом увидел Беатрис-Джоанну и, опасливо оглянувшись вокруг, подошел. Взгляд его не выдавал ничего.

— Привет, — сказал он, грациозно вильнув. — Что нового?

— Он сегодня утром умер. Он сейчас... — она овладела собой, — он сейчас в руках Министерства Сельского Хозяйства.

— Моя дорогая. — Это было сказано тоном любовника, слова мужчины к женщине. Он снова тайком оглянулся, потом прошептал: — Лучше, чтобы нас вместе не видели. Можно мне заглянуть? — Она поколебалась, потом кивнула. — Во сколько сегодня мой дорогой братец вернется домой? — спросил он.

— Не раньше семи.

— Я приду. Мне надо быть осторожным. — Он царственно улыбнулся проходившему мимо коллеге, мужчине с локонами Дизраэли. — Происходят какие-то странные вещи, — сказал он. — По-моему, за мной наблюдают.

— Ты ведь всегда осторожен, правда? — сказала она довольно громко. — Всегда, черт возьми, чересчур осторожен.

— Ох, потише, — шепнул он. И добавил, слегка оживившись: — Смотри. Видишь вон того мужчину?

— Какого мужчину? — Вестибюль кишмя ими кишел.

— Вон того маленького с усами. Видишь? Это Лузли. Я убежден, он за мной наблюдает. — Она увидела, кого он имеет в виду: маленького человечка, на вид дружелюбного, который поднес к уху запястье, как будто проверял, идут ли часы, а на самом деле слушал микрорадио, стоя в

сторонке на краю толпы. — Иди домой, дорогая моя, — сказал Дерек Фокс. — Я приду примерно через час.

— Скажи, — приказала Беатрис-Джоанна. — Скажи, пока я не ушла.

— Я люблю тебя, — проговорил он одними губами, словно через окно. Грязные слова мужчины женщине в этом заведении антилюбви. Лицо его скривилось, будто он жевал квасцы.

Глава 6

— Однако, — продолжал Тристрам, — разумеется, Интерфаза не может длиться вечно. — Лицо его скривилось в потрясенную маску. — Потрясение, — сказал он. — Правители потрясены своими собственными излишествами. Они понимают, что мыслили в еретических понятиях — греховности человека, а не прирожденной его добродетели. Санкции ослабляются; результат — полный хаос. Но к тому времени разочарование уже не способно хоть сколько-нибудь углубиться. Разочарование уже не способно потрясать государство, толкая на репрессивные действия; на смену приходит некий философический пессимизм. Иными словами, мы переключиваем в августинскую фазу, в Гусфазу. Ортодоксальный взгляд представляет человека греховным созданием, от которого вообще нельзя ждать ничего хорошего. Другая мечта, джентльмены, мечта, снова опережающая реальность. Со временем выясняется, что общественное поведение человека все же лучше того, на что имеет право надеяться любой пессимист-августинец; таким образом возникает некий оптимизм. Следовательно, вновь устанавливается пелагианство. Мы снова вернулись в Пелфазу. Колесо совершило полный оборот. Есть вопросы?

— Чем выдавливают глаза, сэр? — спросил Билли Чен.

Резко зазвонил звонок, пробили гонги, искусственный голос завизжал в громкоговорителях:

— Перемена, перемена, все, все на перемену. Пятьдесят секунд на перемену. Отсчет пошел. Пятьдесят, сорок девять, сорок восемь...

Тристрам одними губами произнес слова прощания, неслышные в гаме, вышел в коридор. Мальчики ринулись на уроки конкретной музыки, астрофизики, языкового контроля. Отсчет ритмично продолжался:

— Тридцать девять, тридцать восемь...

Тристрам пошел к служебному лифту, нажал кнопку. Световое табло показывало, что лифт уже несясь вниз с верхнего этажа (там располагались классы искусств с большими окнами; преподаватель искусства Джордан

стартовал, как всегда, быстро). «43–42–41–40», — вспыхивало на табло.

— Девятнадцать, восемнадцать, семнадцать...

Кретический метр отсчета сменился трохеическим. Лифт остановился, Тристрам вошел. Джордан рассказывал Моубрею, коллеге, о новых движениях в живописи, монотонно и глухо, как карты, бросал имена: Звегинцев, Абрахамс, Ф. А. Чил.

— Плазматический ассонанс, — выпевал Джордан. — В чем-то мир нисколько не изменился.

— Три, два, одна, ноль. — Голос смолк, но на каждом этаже, поднимавшемся перед глазами Тристрама (18–17–16–15), видно было, что мальчики еще не в классах, кое-кто даже не торопился. Пелфаза. Никто не пытается принуждать к выполнению правил. Дело сделано. Более или менее. 4–3–2–1. Первый этаж. Тристрам вышел из лифта.

Глава 7

Беатрис-Джоанна вошла в лифт Сперджин-Билдинг на Росситер-авеню. 1–2–3–4. Она поднималась на сороковой этаж, где ждала крошечная квартирка, пустая, без сына. Примерно через полчаса придет Дерек, в чьих успокаивающих объятиях она отчаянно нуждалась. Разве Тристрам не способен дать тот же товар? Это было не одно и то же, нет. У плоти своя капризная логика. Было время, когда прикосновения Тристрама доставляли удовольствие, волновали, экстатически возбуждали. Это давно прошло, — прошло, если точно сказать, вскоре после рождения Роджера, будто его зачатие было единственной функцией Тристрама. Любовь? Она думала, что по-прежнему любит Тристрама. Доброго, честного, нежного, щедрого, заботливого, спокойного, иногда остроумного. Только она любит Тристрама в гостиной, а не в постели. А Дерек любит? Она не сразу ответила на этот вопрос. 26–27–28. Как странно, думала она, что у них одна плоть. Однако плоть Тристрама стала мертвечиной; тогда как у старшего брата — лед и пламя, райский плод, невыразимо вкусный и возбуждающий. Она решила, что влюблена в Дерек, но не думает, будто любит его. 30–31–32. Она решила, что любит Тристрама, но в него не влюблена. Ибо женщина — до сих пор, с этих пор, временами — умудряется думать своими инстинктами (как в самом начале), запутанным клубком нервов (как сейчас) и (как должно быть всегда) всеми внутренними органами (мир. без конца). 39–40. (Аминь.)

Беатрис-Джоанна отважно повернула ключ в дверях квартирки, вошла

в знакомый запах «Анафро» (освежитель воздуха, разработанный химиками Министерства, где работал ее любовник, подававшийся во все здание через компрессор в подвале), в гул холодильника. Хотя она не располагала реальными стандартами сравнения, ее всегда, при каждом входе, заново ужасающе поражала скудость жизненного пространства (стандарт для группы людей с их уровнем дохода), — спальня-коробочка, кухня-гробик, в ванную только-только втиснуться, почти как в платье. Пересекла гостиную двумя добрыми шагами, возможными лишь потому, что вся мебель упрятана в потолок и в стены, откуда ее при желании можно вызвать, нажимая на переключатель. Беатрис-Джоанна заставила выскочить стул, некрасивое угловатое сидалище нехотя появилось. Уставшая, сидела, вздыхала. *Дейли Ньюсдиск* на стенном шпинделе еще поблескивал черным плоским солнцем. Она прибавила искусственный голос, бесполой, невыразительный.

— Забастовка на Национальных Заводах синтемолы продолжается. Рабочие не откликаются на призывы вернуться к работе. Руководители забастовки не желают идти на компромисс, требуя повышения платы до одной кроны трех таннеров в день. Докеры в Саутгемптоне в качестве жеста поддержки бастующих отказываются разгружать импортный синтемол.

Беатрис-Джоанна перевела стрелку на Женскую Волну. Настоящий женский голос с резким укусным энтузиазмом рассказывал о дальнейшем сокращении линии бюста. Она его выключила. Нервы все так же плясали, череп по-прежнему содрогался от неустанного биения молота. Она разделась, вымылась в тазике, именуемом ванной. Обсыпала тело простой белой пудрой без запаха, надела халат, сотканный из какого-то нового полимерного синтетического амида с длинной формулой. Потом подошла к стенной панели с кнопками и переключателями, велев паре металлических рук осторожно опустить из выемки в потолке пластиковый шкафчик. Открыла его, вытряхнула из коричневого пузырька две таблетки. Запила их водой из бумажного стаканчика, выбросила пустой стаканчик в дыру в стене. Он отправился в путешествие с конечной целью назначения в подвальной топке. А потом стала ждать.

Дерек запаздывал. Нетерпение нарастало. Нервы натянулись, застыли, в голове стучало. Возникали предчувствия смерти, верной гибели; потом она сказала себе, притянув здравый смысл, как какую-то чужеродную металлическую конструкцию, что все эти предчувствия — просто последствия уже прошедших и необратимых событий. Приняла еще две таблетки, отправив очередной стаканчик распадаться в огне на атомы.

Потом, наконец, раздался стук в дверь.

Глава 8

Тристрам стукнул в дверь секретарши ректора, сказал, что его зовут Фокс и что ректор хотел его видеть. Заиграли нажатые кнопки; над дверными косяками вспыхивали огоньки; Тристраму предложили войти.

— Входите, братец Лис^[8], — прокричал Джослин. Он сам, пожалуй, смахивал на лиса; конечно, не на францисканца. Лысый, дерганый, получил хорошую степень в университете Пасадины. Впрочем, сам был из Саттона, Западная Вирджиния, и хотя был по-лисы слишком скромн, чтоб об этом особенно упоминать, состоял в близком родстве с Верховным Комиссаром Североамериканских территорий. Должность ректора тем не менее получил исключительно по заслугам. По заслугам и благодаря абсолютно безупречной жизни без секса.

— Садитесь, братец Лис, — сказал Джослин. — Садитесь прямо тут. Хотите кофа? — И гостеприимно потянулся к розетке с таблетками кофеина на промокашке. Тристрам с улыбкой покачал головой. — Воодушевляет, когда это требуется больше всего, — сказал Джослин, приняв две. Потом сел за стол. Морской дневной свет поблескивал на длинном носу, на синеватом подбородке, высвечивал большой подвижный рот, преждевременно сморщенное лицо. — Я прослушивал ваш урок, — сказал он, кивая сперва на панель коммутатора на белой стене, а потом на встроенный в потолок микрофон. — Полагаете, много парнишки усвоили из всего этого?

— Им и не надо слишком много усваивать, — сказал Тристрам. — Знаете, просто общее представление. Это входит в программу, однако на экзаменах никогда не всплывает.

— Угу, угу, наверно. — Джослина это на самом деле не интересовало. Он тронул пальцами досье в серой обложке, досье Тристрама: Тристрам видел на обложке «ФОКС» вверх ногами. — Бедный старина Ньюик, — сказал Джослин. — Он был вполне хорош. А теперь это фосфорный ангидрид где-то в Западной Провинции. Но, по-моему, душа его бродит по-прежнему, — неопределенно сказал он. А потом быстро добавил: — Здесь, в школе, я имею в виду.

— Да-да, разумеется. В школе.

— Угу. Ну, — сказал Джослин, — а вы все стояли в очереди, чтоб занять его место. Я прочитал нынче ваше досье от корки до корки... —

Стояли. Тристрам проглотил изумленный комок. *Стояли,* сказал он, *стояли.* — Солидная книга.

Вы тут весьма хорошо поработали, вижу. И в департаменте старший. Вам бы попросту следовало автоматически занять это место.

Он откинулся назад, сомкнул кончики больших пальцев, потом все пальцы — мизинцы, безымянные, средние, указательные — коснулись копчиком кончика. Сам тем временем передернулся.

— Вы ведь понимаете, — сказал он, — что вакансии заполняю не я. Это дело Совета. Я могу только рекомендовать. Да, рекомендовать. Ну, звучит дико, знаю, только в наши дни человек получает работу не по достойной квалификации. Нет. Дело не в том, сколько у него степеней или хорошо ли он делает дело. Вопрос — употребляю этот термин в самом общем смысле — в его семейной истории. Угу.

— Но, — начал было Тристрам, — семья моя...

Джослин поднял руку, как бы запрещая движение транспорта.

— Я говорю не о высоте положения в мире вашей семьи, — сказал он. — Я говорю о том, какова ее численность. Или какой она была. — Он передернулся. — Это вопрос арифметики, а не евгеники, не социального положения. Ну, братец Лис, я не хуже вас знаю, все это абсурд. Только дела обстоят именно так. — Правая рука его неожиданно взлетела в воздух, зависла, упала на стол, как бумажная. — Сведения, — он произнес «сведения», — вот эти вот сведения свидетельствуют... сведения свидетельствуют... ага, вот: свидетельствуют, что вы в семье четвертый. У вас сестра в Китае (она ведь в Глобальном Демографическом Надзоре, верно?); брат не где-нибудь, а в Спрингфилде, штат Огайо. Я хорошо знаю Спрингфилд. А еще, разумеется, Дерек Фокс, гомик, высокопоставленный. А еще, братец Лис, вы женаты. И у вас один ребенок. — Он опечаленно посмотрел на Тристрама.

— Уже нет. Умер утром сегодня в больнице. — Нижняя губа Тристрама дрогнула, затряслась.

— А, умер? Хорошо. — Утешения теперь были чисто финансовыми. — Маленький, да? Очень маленький. Не слишком-то много P_2O_5 Ну, его смерть положения не меняет, пока речь идет о вас. — Джослин плотно сомкнул ладони, словно собравшись замаливать факт отцовства Тристрама. — На семью одни роды. Живой или мертвый. Один, двойня, тройня. Никакой разницы не составляет. Ну, — заключил он, — вы ни одного закона не нарушали. Не сделали ничего, чего теоретически не должны были делать. Были вправе жениться, если пожелаете; имели право

на одни роды в семье, хотя, разумеется, лучшие люди так просто не делают. Просто не делают.

— Проклятье, — сказал Тристрам, — будь оно все проклято, кто-то должен ведь продолжать расу. Не осталось бы человеческой расы, если б кое у кого детей не было. — Он разозлился. — И кого это вы имеете в виду под «лучшими людьми»? — спросил он. — Людей вроде моего брата Дерека? Этот властью ушибленный пупсик ползком, буквально пресмыкаясь, пролез наверх...

— Calmo, — сказал Джослин, — calmo^[9]. — Он только что вернулся с конференции по вопросам образования в Риме, в городе без папы. — Вы только что собирались произнести нечто очень оскорбительное. «Пупсик» — очень презрительный термин. Вспомните, гомики в сущности правят нашей страной, а уж если на то пошло, всем Англоязычным Союзом. — Он насупился, с лисьей жалостью глядя на Тристрама. — Мой дядя, Верховный Комиссар, — гомик. Я сам однажды был почти гомик. Не будем примешивать сюда эмоции. Это неприлично, вот что, угу, неприлично. Просто давайте попробуем parlare на этот счет calmamente^[10], а? — Он улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка казалась по-домашнему простецкой и по-кабацки залихватской. — Вам известно не хуже меня, что дело воспроизводства лучше оставить простому народу. Вспомните, сам термин «пролетариат» происходит от латинского *proletarius*, которое обозначает тех, кто обслуживает государство, поставляя ему своих отпрысков, или *proles*. Мы с вами должны быть выше подобных вещей, правда? — Он откинулся на стуле, улыбаясь и по каким-то соображениям выстукивая авторучкой об стол «О» азбукой Морзе. — На семью один новорожденный, таково правило или рекомендация, назовите как угодно; но пролетариат постоянно его нарушает. Расе не грозит опасность вымирания. Я сказал бы, прямо наоборот. Я слышал сверху слухи, впрочем, не важно, не важно. Факт, что ваши старик и старушка очень грубо нарушили правило, поистине очень грубо. Угу. Кем он был? Кем-то там в Министерстве Сельского Хозяйства, не так ли? Ну, я сказал бы, довольно цинично одной рукой помогать увеличивать национальный запас продовольствия, а другой сотворить четырех ребятишек. — Он видел, что антитеза довольно нелепая, но отмахнулся от этого. — И это не забыто, знаете ли. Не забыто, братец Лис. Грехи отцов, как было принято говорить.

— Все мы поможем Министерству Сельского Хозяйства в один прекрасный день, — мрачно буркнул Тристрам. — Из нас четверых получится симпатичная куча фосфорного ангидрида.

— И жена ваша тоже, — сказал Джослин, шурша многочисленными листами досье. — В Северной Провинции у нее сестра. Замужем за сельскохозяйственным чиновником. Двое детей. — Он с досадой цыкнул языком. — Вокруг вас, братец Лис, прямо какая-то аура плодородия. В любом случае, пока речь идет о должности руководителя факультета, вполне ясно, что при всех равных прочих условиях Совет предпочтет назначить кандидата с более чистыми семейными *съеденьями*. — Раздражение Тристрама сфокусировалось на произношении этого слова. — Уилтшир гомик. Краттенден не женат. Кауэлл женат, имеет одного ребенка, значит, он выбывает. Крам-Юинг пошел до конца, он *castrato*^[11], очень сильный кандидат. Фиддиан просто нуль. Ральф гомик...

— Ладно, — сказал Тристрам. — Принимаю приговор. Просто останусь на своем месте, глядя, как кто-нибудь помоложе — обязательно кто-нибудь, как всегда, помоложе — получит повышение через мою голову. Просто из-за моих *съедений*, — едко добавил он.

— Угу, вот так вот, — сказал Джослин. — Рад, что вы это приняли таким образом. Поняли, как на это посмотрит куча всяких шишек. Наследственность, вот именно, наследственность. Семейная склонность к сознательному плодородию, вот что. Угу. Все равно что наследственная преступность. Вещи нынче весьма щекотливые. Между нами, приятель, присматривайте за собой. Присматривайте за своей женой. Не заводите больше детей. Не скатывайтесь к безответственности, подобно пролетариату. Один такой ошибочный шаг, и вам конец. Угу, конец. — Он жестом как бы перерезал себе горло. — Множество многообещающих молодых людей на подходе. Люди с правильными идеями. Мне ужасно не хочется вас потерять, братец Лис.

Глава 9

— Дражайшая.

— Милый. Милый. Милый. — Они жадна обнялись еще в открытой двери. — Ох-ох-ох-ох-ох.

Дерек высвободился и плотно захлопнул дверь.

— Надо поосторожнее, — сказал он. — Не исключаю, что Лузли последовал за мной сюда.

— Ну и что тут плохого? — сказала Беатрис-Джоанна. — Можешь ведь ты навестить брата, если захочешь, правда?

— Не глупи. Лузли слишком, я бы сказал, дотошный для такого

маленького поросенка. Выяснит расписание работы Тристрама. — Дерек шагнул к окну и сразу вернулся, улыбаясь собственной глупости. С высоты стольких этажей по улице в глубине ползет столько неразличимых муравьев. — Может, я начинаю чересчур нервничать, — сказал он. — Да только... ну, происходят всякие вещи. Сегодня вечером я встречаюсь с министром. Видимо, меня ждет большая работа.

— Работа какого сорта?

— Боюсь, работа, которая означает, что мы не сможем особенно часто встречаться. В любом случае какое-то время. Для этой работы требуется мундир. Сегодня утром приходили портные снимать мерку. Грядут большие дела. — Дерек сбросил публичную кожу бесполого денди. Выглядел крепким, мужественным.

— Вот как, — сказала Беатрис-Джоанна. — Ты получишь работу, которая станет важнее наших встреч. Да?

Когда он вошел в квартиру и стремглав, в безумном порыве схватил ее в объятия, она думала, что они убегут вместе, чтобы вечно жить на одних кокосах, любить друг друга под баньянами. Но потом победило женское желание взять лучшее от обоих миров.

— Я иногда гадаю, — сказала она, — действительно ли ты говоришь серьезно. О любви и так далее.

— Ох, милая, милая, — нетерпеливо сказал он. — Но послушай. — Он не был настроен на праздное времяпрепровождение. — Происходят определенные вещи, которые гораздо важнее любви. Вопросы жизни и смерти.

Настоящий мужчина.

— Чепуха, — не задумываясь, сказала она.

— Чистки, если тебе известно, что это такое. Перемены в Правительстве. Безработных вербуют в полицию. О, большие дела, большие дела.

Беатрис-Джоанна принялась всхлипывать, чтоб казаться совсем слабой, маленькой, беззащитной.

— Был такой жуткий день, — сказала она. — Я была так несчастна. Мне было так одиноко.

— Дражайшая. Я просто чудовище. — Он вновь обнял ее. — Я очень виноват. Думаю лишь о себе.

Довольная, она продолжала хныкать. Он поцеловал ее в щеку, в шею, в лоб, зарылся губами в волосы цвета сидра. От нее пахло мылом, от него — всеми ароматами Аравии. Обнявшись, они неуклюже протопали на четырех ногах в спальню, словно исполняли вслепую танец, не организованный

музыкой. Пришлось долго давить на рубильник, чтоб откинулась на пол кровать — широкой дугой, подобно меловой Пелфазе Тристрама. Дерек быстро разделся, обнажив худощавое тело в буграх и прожилках мышц, а потом мертвый глаз телеэкрана на потолке получил возможность наблюдать за корчами мужского тела — коричневого, как корка хлеба, слегка красноватого, желтоватого — и женского — перламутрового, чуть-чуть тронутого голубизной и кармином, — в прелюдии к акту, который формально был одновременно адюльтером и кровосмешением.

— Ты не забыла... — тяжело выдохнул Дерек. И тут не было, да и быть не могло идеального наблюдателя, который припомнил бы миссис Шенди, а вспомнив, усмехнулся^[12].

— Да-да. — Таблетки она приняла; все вполне безопасно. И только дойдя до точки, откуда нет возврата, вспомнила, что приняла обезболивающие таблетки, а не противозачаточные. Рутинная привычка иногда подводит. А потом стало слишком поздно, и ей было плевать.

Глава 10

— Кончили с этим, — сказал Тристрам, непривычно хмурясь. — Прочитаете самостоятельно.

Седьмой поток Четвертого класса широко открыл на него глаза и рты.

— Я домой уйду, — сказал он. — Хватит с меня на один день. Завтра будет тест по материалу, изложенному на страницах с 267 до 274 включительно ваших учебников. Хронический Страх Перед Ядерной Угрозой и Наступление Вечного Мира. Данлоп, — резко сказал он. — Данлоп. — Физиономия у мальчишки была резиновая, но в век полной национализации фамилия не казалась ни подходящей, ни неподходящей^[13]. — Ковырять в носу — неприличная привычка, Данлоп, — сказал он. Класс захихикал. — На этом закончим, — повторил Тристрам в дверях, — всем желаю очень хорошо провести сегодняшний день. Или ранний вечер, — поправился он, взглянув на розовое морское небо.

Странно, что английский язык так никогда и не выработал форму прощания соответственно этому времени дня. Интерфаза какая-то. День пелагианский, ночь августинская. Тристрам храбро вышел из класса, прошел по коридору к лифту, понесся вниз, вышел собственно из гигантского здания. Никто не препятствовал его уходу. Учителя просто не выходили из классов до последнего звонка; следовательно, Тристрам по-прежнему неким мистическим образом был на работе.

Он с силой плыл в толпах на Эрп-роуд (потoki одновременно текли туда и сюда), потом свернул налево на Даллас-стрит. А там, как только повернул на Макгиббон-авеню, увидел то, чему по неизвестной на данный момент причине приписал прохвативший его озноб. На дороге, блокируя редкий транспорт, перед глазевшими толпами, державшимися на приличной дистанции, стояла рота мужчин в серой форме полиции — три взвода с взводными командирами, — стояла наготове. Почти все смущенно ухмылялись, шаркали ногами; рекруты, догадался Тристрам, новобранцы, но каждый уже вооружен коротким и толстым, тускло поблескивавшим карабином. Брюки сужены к черным эластичным подвязкам, натянутым на голенища сапог с толстой подошвой; забавно архаичные кители до пояса, с воротничками, со сверкающими медными собачьими ошейниками, при воротничках черные галстуки. На головах у мужчин серые фуражки, круглые, как круги сыра, над лобными долями слабо сверкают полицейские кокарды.

— Нашли им работу, — сказал мужчина рядом с Тристрамом, небритый мужчина в порыжевшем черном; с валиком жира под подбородком, хоть тело худое. — Безработные они. Были, — поправился он. — Самое время Правительству чего-нибудь для них сделать. Вон мой шурина, глядите, второй с краю в первом ряду, — с гордостью за шурина указал он. — Дали работу, — повторил он. Явно одинокий мужчина радовался возможности с кем-нибудь поговорить.

— Зачем? — спросил Тристрам. — К чему это все? — Но знал: это конец Пелфазы, людей собираются заставлять быть хорошими. И почувствовал определенную панику на свой собственный счет. Может, надо бы вернуться в школу. Может, никто ничего не узнает, если вернуться прямо сейчас. Это было глупо с его стороны, он никогда раньше не делал ничего подобного. Может, надо бы позвонить Джослину и сказать, что ушел раньше времени, потому что плохо себя чувствует...

— Чтоб призвать кое-кого к порядку, — с готовностью отвечал худой мужчина с валиком жира под подбородком. — Слишком много молодых хулиганов на улицах по ночам шляются. Никакой строгости к ним, никакой. Учителя уже не имеют над ними никакой власти.

— Некоторые из этих юных рекрутов, — осторожно заметил Тристрам, — подозрительно смахивают на молодых хулиганов.

— Вы моего шурина называете хулиганом? Лучший парень из всех, кто когда-нибудь на этом свете дышал, вот он кто, и почти четырнадцать месяцев был без работы. Никакой он не хулиган, мистер.

Теперь офицер занял позицию перед ротой. Щеголеватый, брюки

сшиты по талии, серебряные планки на эполетах сияют на солнце, на бедре пистолетная кобура из роскошного кожаменителя. И он крикнул неожиданно мужским голосом:

— *Ррот-та-а-а*, — рота застыла как пораженная громом, — *...ш-ш-шай*. — Шипение прогромыхало, как камешки; мужчины внимали неистово. — *Ппо ссвоимм посстаммм рра-а-а...* — гласная задрожала между двумя аллофонами, — *ззо-йдисссь*. — Одни повернули налево, другие направо, третьи ждали, смотрели, что сделают остальные. Из толпы послышался смех, насмешливые хлопки. Потом улица заполнилась шатающимися кучками неуклюжих полисменов.

Чувствуя какую-то тошноту, Тристрам направился к Эрншо-Мэншнс. В подвале под мощной холодной башней располагался магазин спиртного Монтегю. Единственной доступной в то время отравой был зловонный дистиллированный спирт из овощей и фруктовой кожуры. Назывался он алк; лишь желудок простого народа мог его принимать в чистом виде. Тристрам выложил таннер на стойку, его обслужили, подав стакан грязного липкого спирта, хорошо разбавленного оранжадом. Больше пить было нечего: засеянные хмелем поля и древние центры виноградарства исчезли вместе с пастбищами и табачными плантациями Вирджинии и Турции; ныне все было отдано более съедобным зерновым. Мир почти вегетарианский, не курит, пьет исключительно чай, кроме алка. Тристрам серьезно попробовал и после другой порции огненного оранжада за таннер почувствовал, что вполне с ним примирился. Повышение похоронено, Роджер похоронен. К черту Джослина. Он почти полностью выкрутил голову, оглядывая тесную маленькую забегаловку. Гомики, некоторые с бородами, ворковали между собой в темном углу; у стойки бара пили главным образом гетерики и угрюмые. Сальный толстопузый бармен поплелся к музыкатору в стене, бросил в щель таннер, и на волю зверем вырвалась громыхавшая конкретная музыка, — ложки колотят в жестяные миски, речь Министра Рыбоводства, вода спущена в унитазе, рев мотора: все записано в замедленном темпе, усилено или приглушено, старательно микшировано. Мужчина рядом с Тристрамом сказал:

— Жуть чертовская.

Он сказал это алкашам, не поворачивая головы и едва шевеля губами, словно сделав замечание, все-таки не хотел, чтоб оно было подхвачено в качестве повода втянуть его в беседу. Один бородатый гомик начал декламировать нараспев:

Мое мертвое дерево. О, верните мне мертвое,

мертвое дерево.

Дождик, дождь, перестань. Пусть земля остается
Сухой. Вбей богов в затвердевшую землю,
Просверлив в ней дыру, как придется.

— Бред чертовский, — сказал мужчина чуть громче. Потом покрутил головой, медленно и осторожно, из стороны в сторону, внимательно оглядел Тристрама справа от себя и выпивавшего слева, будто один был скульптурный изображением другого и требовалось сверить сходство. — Знаете, кем был? — сказал он. Тристрам призадумался. Угрюмый мужчина с глазами в угольно-черных ямах, красноватый нос, пухлый рот Стюартов. — Дай мне еще того же, — сказал он бармену, шлепнув монету. — *Думаю*, вам сказать не удастся, — триумфально объявил он, поворачиваясь к Тристраму. — Ну, — сказал он, со смаком и вздохом опрокидывая неразбавленный алк, — я был священником. Знаете, что это такое?

— Нечто вроде монаха, — сказал Тристрам. — Что-то связанное с религией. — Он благоговейно разинул на мужчину рот, точно это был сам Пелагий. — Однако, — возразил он, — больше ведь нет никаких священников. Ведь священников нет уже сотни лет.

Мужчина вытянул руки, растопылив пальцы, как бы сам себя проверял, не дрожат ли.

— Вот, — сказал он, — эти самые руки ежедневно творили чудо. — И более рассудительно продолжал: — Было немного. В паре очагов сопротивления в Провинциях. Народ, не согласный со всем этим либеральным дерьмом. Пелагий, — сказал он, — был еретик. Человеку необходима божественная благодать. — Он вернулся к собственным рукам, производя клинический осмотр, словно в каком-нибудь месте возникли признаки начинавшегося заболевания. — Еще той же дряни, — сказал он бармену, воспользовавшись теперь руками для поисков денег в карманах. — Да, — сказал он Тристраму. — Священники еще есть, хотя я больше не вхожу в их число. Изгнан, — прошептал он. — Расстрижен. Ох, Боже, Боже, Боже. — Он начинал лицедействовать. Один-другой гомик захихикали, слыша имя Господне. — Но им никогда не отнять эту власть, никогда-никогда.

— Сесил, ты старая корова!

— Ох, милые, только взгляните, что на *ней* надето!

Гетерики тоже взглянули, только с меньшим энтузиазмом. Зашла

троица полицейских рекрутов, широко улыбаясь. Один исполнил короткую чечетку, в завершение отдал честь, дернувшись, как паралитик. Другой изобразил, будто поливает помещение из своего карабина. По-прежнему играла далекая, холодная, абстрактная конкретная музыка. Обнявшиеся гомики рассмеялись, заскулили.

— Не за подобные вещи я был расстрижен, — сказал мужчина. — За реальную любовь, за реальную вещь, не за это богохульное издевательство. — Он угрюмо кивнул в сторону веселой кучки полицейских и штатских. — Она была очень юная, всего семнадцать. Ох, Боже, Боже. Однако, — с ударением сказал он, — они не смогут отнять божественную силу. — И опять взглянул на руки, на сей раз, как Макбет. — Хлеб и вино, — сказал он, — претворяются в тело и кровь... Но вина больше нет. И папа, — сказал он, — старый, старый, старый, на Святой Елене. И я, — сказал он с притворной скромностью, — распроклятый чиновник Министерства Топлива и Энергетики.

Один полисмен-гомик сунул в музыкатор таннер. Неожиданно грянула танцевальная мелодия, будто лопнул мешок спелых слив, — оркестр из абстрактных записанных звуков, на глубоком фоне медленная дробь, от которой тряслись все поджилки. Один полисмен начал танцевать с бородатым штатским. Грациозно, вынужден был признать Тристрам, танец сложный и грациозный. А расстрига-священник испытывал отвращение.

— Чертовский выпендрей, — сказал он, а когда один гомик, который не танцевал, сделал музыку громче, громко, без предупреждения гаркнул: — *Заткни этот чертов гвалт!*

Гомики глазели с умеренным интересом, танцоры уставились на него, открыв рты, по-прежнему мягко покачиваясь в объятиях друг друга.

— Сам заткни, — сказал бармен. — Нам тут ни к чему неприятности.

— Куча извращенцев, ублюдков, — сказал священник. Тристрам восхищался священническим языком. — Грех содомский. Господь обязательно поразит всех вас насмерть.

— Вот старый зануда, — фыркнул на него один. — Ну что у тебя за манеры?

А потом за него взялась полиция. Быстро, как в балете, со смехом; совсем не то насилие, что было в прошлые времена, про которое читал Тристрам; скорее щекотка, чем избиение. Только и до пяти не досчитать, как расстрига-священник привалился к стойке бара, пытаясь вздохнуть после падения с большой высоты, с целиком окровавленным ртом.

— Ты его друг? — спросил один полицейский Тристрама. Тристрам ошеломленно заметил, что губы у него выкрашены черной помадой в тон

галстуку.

— Нет, — сказал Тристрам. — Никогда его раньше не видел. Никогда в жизни его раньше не видел. В любом случае я как раз ухожу.

Он допил свой алк с оранжадом и пошел к выходу.

— И вдруг запел петух^[14], — пробурчал расстриженный священник. — Сие есть кровь моя, — сказал он, утирая рот. Он слишком наклюкался, чтобы чувствовать боль.

Глава 11

Пока они лежали, дыша все медленнее, достигнув магическим образом синхронности колебаний грудной клетки, его рука под ее расслабленным телом, она говорила себе, что, в конце концов, может, и не задумывала, чтобы так вышло. Дереку ничего не сказала; это ее личное дело. Она себя чувствовала довольно далекой, отдельной от Дерека, как, возможно, поэт, написавший сонет, чувствует себя отдельным от начертавшего его пера. Из подсознания выплыло иностранное слово *Urmutter*^[15], и она гадала, что оно означает.

Он первым вынырнул из паракхронизма^[16], лениво спросив, — мужчина, хронологическое животное:

— Который сейчас может быть час?

Она не ответила. Вместо этого сказала:

— Я не могу понять. Все это лицемерие и обман. Почему люди должны притворяться не тем, что они есть на самом деле? Все это гадкий фарс. — Она говорила резко, но еще как бы из некоего безвременья. — Ты любишь любовь, — сказала она. — Ты любишь любовь больше любого когда-либо известного мне мужчины. И все же относишься к ней как к чему-то постыдному.

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Дихотомия, — плавно бросив ей это слово, как мяч, набитый утиным пухом. — Вспомни о человеческой дихотомии.

— И что, — зевнула она, — насчет человеческой как ее там?

— Расхождение. Противоречие. Инстинкты говорят нам одну вещь, рассудок — другую. Если мы допустим, это может превратиться в трагедию. Но лучше видеть тут комедию. Мы были правы, — эллиптически продолжал он, — отбросив Бога и поставив на его место мистера Живдога. Бог — трагическая концепция.

— Не понимаю, о чем ты толкуешь.

— Не имеет значения. — Он зевнул вслед за ней, с опозданием, продемонстрировав белоснежные пластиковые коронки. — Противоречивые требования линии и круга. Ты — сплошная линия, в этом твоя проблема.

— Я круглая. Я шаровидная. Посмотри.

— Физически — да. Психически — нет. Ты по-прежнему творение инстинкта, после стольких лет учения, лозунгов, подсознательной кинопропаганды. Ты ни во что не ставишь положение в мире, положение в государстве. А я — да.

— Зачем это мне? У меня своя жизнь, которую надо прожить.

— У тебя вообще не было никакой жизни, которую надо прожить, не будь таких людей, как я. Государство — это каждый его гражданин. Допустим, — серьезно сказал он, — никто не беспокоится насчет рождаемости. Допустим, мы не заботимся, чтоб прямолинейное движение продолжалось, продолжалось и продолжалось. Мы буквально голодали бы. Клянусь Ньюхом Дожиим, у нас почти не было бы еды. Нам удалось достичь определенного стаза благодаря моему министерству и подобным правительственным департаментам всего мира, но это не может слишком долго продолжаться, нет, при таком ходе вещей.

— Что ты имеешь в виду?

— Старая история. Преобладает либерализм, а либерализм означает распущенность. Мы все предоставили образованию и пропаганде, свободной продаже противозачаточных средств, клиникам-абортариям и утешительным. Мы любим ребячески тешиться мыслью, будто люди вполне хороши, вполне разумны, чтоб сознавать свою ответственность. Но что происходит? Вот был случай, всего несколько недель назад, с одной парой в Западной Провинции, у которой шестеро детей. *Шестеро*. Что ты на это скажешь! Причем все живы. Очень старомодная пара — сторонники Бога. Толкуют об исполнении Божьей воли, о всякой такой чепухе. Один наш чиновник перемолвился с ними словечком, пытался вразумить. Вообрази — восемь тел в квартирке меньше этой. Но они не образумились. У них явно есть экземпляр Библии, Ньюх Дожий знает, где они ее откопали. Ты когда-нибудь ее видела?

— Нет.

— Ну, это такая старая религиозная книжка, полная всяких гадостей. Попусту тратить семя — большой грех; если Бог тебя любит, Он наполнит твой дом ребятишками. Язык тоже очень старомодный. Тем не менее они все время на нее ссылаются, твердят про плодородие, про бесплодную смоковницу, которая была проклята, и так далее. — Дерек с искренним

ужасом передернулся. — Пара к тому же вполне молодая.

— Что с ними стало?

— Что *могло* с ними стать? Им сообщили, что существует закон, ограничивающий потомство одним новорожденным, мертвым или живым, а они говорят, этот закон порочный. Если б Бог не задумал людей плодовитыми, говорят, для чего Он вложил в них инстинкт размножения? Им сообщили, что концепция Бога вышла из моды, они с этим не согласились. Им сообщили, что у них есть обязанность перед соседями, они это признали, но так и не поняли, как ограничение семьи может быть обязанностью. Очень сложный случай.

— И с ними ничего не случилось?

— Ничего особенного. Оштрафовали. Предупредили, чтоб больше не заводили детей. Дали противозачаточные таблетки, приказали пойти в местную клинику по контролю над рождаемостью и получить инструкции. Только, похоже, они ничуть не раскаялись. И таких людей множество, по всему миру, — в Китае, в Индии, в Восточной Индии. Вот что страшно. Поэтому должны произойти перемены. От данных о численности мирового населения волосы дыбом встают. У нас лишних несколько миллионов. И все из-за доверия к людям. Обожди, увидишь, через день-другой наш паек сократится. *Который час?* — снова спросил он.

Вопрос был не срочный; если б он захотел, мог бы вытащить руку из-под ее расслабленного теплого тела, откинуться в дальний угол крошечной комнатки, взять наручное микрорадио с часовым циферблатом с другой стороны. Он слишком разленился, не желал шевелиться.

— Думаю, около половины шестого, — сказала Беатрис-Джоанна. — Можешь проверить по телеку, если хочешь. — Свободной рукой ему с легкостью удалось щелкнуть переключателем у изголовья кровати. На окне опустилась легкая занавеска, отсекая достаточно дневного света; приблизительно через секунду на потолке заклокотала, мягко взвыла синтетическая музыка. Не духовая, не струнная, не ударная музыка, точно так же, как та, которую в тот же самый момент слушал напивавшийся алком Тристрам. Волновые колебания, водопроводный кран, судовые сирены, гром, марширующие ноги, вокализация в горловой микрофон, — короткая неразборчивая перевернутая симфония, больше предназначенная для удовольствия, чем для волнения. Экран над их головами молочно засветился, потом на него вулканической лавой вылилось цветное стереоскопическое изображение статуи, венчавшей Правительственное Здание. Каменные глаза над барочной бородой; крепкий, режущий ветер нос; сердитый высокомерный взгляд. Облака за ней двигались как бы в

спешке; небо было цвета школьных чернил.

— Вот он, — сказал Дерек, — кто бы он ни был, — наш святой покровитель. Святой Пелагий, святой Августин или святой Аноним, — кто? Сегодня вечером узнаем.

Святой образ потускнел. Потом расцвел впечатляющий храмовый интерьер — почтенный серый неф, стрельчатые арки. С алтаря маршем спускались две плотные мужские фигуры в белоснежных одеждах больничных санитаров.

— Священная Игра, — объявил голос. — Челтнемские Леди против Мужской Команды Вест-Бромвича. Челтнемские Леди выиграли жребий и будут бить первыми. — Плотные белые фигуры спускались осматривать ворота в нефе. Дерек щелкнул выключателем. Стереоскопическое изображение утратило глубину, потом погасло.

— Значит, чуть больше шести, — сказал Дерек. — Мне лучше идти. — Он вытащил онемевшую руку из-под лопаток любовницы и скатился с кровати.

— Еще полно времени, — зевнула Беатрис-Джоанна.

— Уже нет. — Дерек натягивал узкие брюки. Застегнул микрорадио на запястье, глянул на циферблат. — Двадцать минут седьмого, — сказал он. И добавил: — Священная Игра, в самом деле. Последний ритуал цивилизованного Западного Человека. — И хрюкнул. — Слушай, — сказал он, — нам лучше примерно с недельку не видеться. Что бы ты ни делала, не приходи меня разыскивать в Министерстве. Я как-нибудь с тобой свяжусь. Как-нибудь, — глухо сказал он, натягивая рубашку. — Будь, пожалуйста, ангелочком, — сказал он, надевая вместе с пиджаком гомосексуальную маску, — просто выгляни, посмотри, нет ли кого в коридоре. Не хочу, чтоб увидели, как я выйду.

— Ладно. — Беатрис-Джоанна вздохнула, вылезла из постели, накинула халат и пошла к двери. Посмотрела налево, направо, подобно ребенку, разучивающему правила перехода улицы, вернулась и сказала: — Никого.

— Слава Догу на сей раз. — Он произнес последний звук с преувеличенным свистом, чересчур нагло.

— Нечего разыгрывать передо мной гомика, Дерек.

— Каждый хороший артист, — поддразнил он ее, — начинает игру за кулисами. — Чмокнул в левую щеку, небрежно, как бабочка. — Прощай, дражайшая.

— До свидания.

Он завихлял по коридору к лифту; сатир внутри него заснул до

следующего раза, когда бы он ни наступил.

Глава 12

Еще как-то дрожа, несмотря на добавочные два стакана алка в пивном подвале ближе к дому, Тристрам вошел в Сперджин-Билдинг. Даже тут, в большом вестибюле, хохотали серые униформы. Ему не понравилось это, ни чуточки не понравилось. У дверей лифта ждали соседи по сороковому этажу — Вейс, Дартнел с Виссером; миссис Хампер и юный Джек Феникс; мисс Уоллис, мисс Рантинг, Артур Спрэгг; Фиппс, Уокер-Мередит, Фред Гамп, восьмидесятилетний мистер Эртроул. На табло лифта желто вспыхивало: 47–46–45.

— Я видел довольно ужасную вещь, — сказал Тристрам старому мистеру Эртроулу.

— А? — сказал мистер Эртроул.

38–37–36.

— Особые чрезвычайные предписания, — сказал Фиппс из Министерства Труда. — Всем приказано вернуться к работе.

Юный Джек Феникс зевнул; Тристрам впервые заметил черные волоски у него на скулах.

22–21–20–19.

— Полиция в доках, — говорил Дартнел. — Единственный способ обращения с этими сволочами. Грубость. Давно пора. — Он одобрительно взглянул на серую полицию в черных галстуках, словно на поминках по пелагианству, с легкими карабинами под мышками.

12–11–10.

Тристрам мысленно двинул гомика или кастрика в слащавую пухлую физиономию.

3–2–1.

И появилась физиономия — не слащавая и не пухлая — его брата Дерека. Оба изумленно уставились друг на друга.

— Ради Дога, — сказал Тристрам, — что ты тут делаешь?

— Ох, Тристрам, — просюсюкал Дерек, произнося имя в нос, гундося в неискренней нежности. — Это ты.

— Да. Ты меня искал или что?

— Вот именно, мой милый. Хотел сказать, как ужасно мне жалко. Бедный, бедный малыш.

Лифт быстро заполнялся.

— Это официальное соболезнование? Я всегда думал, твое министерство только радуется смертям. — Он нахмурился, озадаченный.

— Мое, твоего брата, — сказал Дерек. — *Не* официальное от МИБа. — Говорил он довольно сухо. — Я пришел с... — Он едва не сказал «с утешением», да вовремя сообразил, что это прозвучало бы цинично. — С братским визитом, — сказал он. — Видел твою *жену*, — (легкая пауза перед неестественно подчеркнутым словом придавала ему некую непристойность), — и она мне сказала, что ты еще на работе, поэтому я... В любом случае мне ужасно, ужасно жаль. Мы должны, — неопределенно добавил он на прощание, — встретиться как-нибудь вечером. Пообедать или еще что-нибудь. А сейчас мне надо лететь. Встреча с министром. — И улетучился, виляя задом.

Тристрам втиснулся в лифт, плотно прижался к Спрэггу и к мисс Уоллис, по-прежнему хмуясь. Что происходит? Дверь задвинулась, лифт начал подниматься. Мисс Уоллис, мертвенно-бледная коротышка с мокро блестящим носом, дышала на Тристрама, обдавая духом гидрированной дегидрированной картошки. Почему это Дерек соблаговолил нанести визит к ним в квартиру? Они не любили друг друга не только потому, что пунктом политики дискредитации самого упоминания о семье всегда было поощрение Государством вражды между братьями. Ревность постоянно присутствовала, обида из-за предпочтения и нежностей, выпадавших на долю Тристрама, любимца отца, — теплое местечко в папиной постели по утрам в выходные; верхушка яйца за завтраком; лучшие игрушки на Новый год. Другой брат и сестра добродушно пожимали на это плечами, Дерек — нет. Дерек выражал свою ревность скрытными пинками, враньем, пятнами грязи на воскресном скафандре Тристрама, актами вандализма над его игрушками. Последний ров между ними был вырыт в отрочестве — сексуальное извращение Дерек и нескрываемое отвращение к нему Тристрама. Больше того, при худших образовательных шансах Дерек пошел дальше, гораздо дальше брата, — завистливое рычание, триумфально наставленный нос. Так какой же неблагоприятный мотив привел его сегодня сюда? Тристрам инстинктивно ассоциировал этот визит с новым режимом, с началом Интерфазы. Может быть, состоялся быстрый обмен телефонными сообщениями между Джослином и Министерством Бесплодия (обыск квартиры в поисках гетеродоксальных конспектов лекций; расспросы жены насчет его мнения по поводу Регулирования Рождаемости). Тристрам в легкой панике пролистывал воспоминания о проведенных уроках, — ироническое восхваление мормонов в Юте; красноречивое отступление насчет «Золотого сука» (запрещенное чтение);

возможно, насмешки над иерархией гомиков после особенно гадкого школьного завтрака. И он снова признал в высшей степени неудачным, что вышел за пределы школы без разрешения именно в этот день, не в какой-то другой. А потом, когда лифт остановился на сороковом этаже, в желудке разыграл дух отваги. Алк вскричал: «К черту всех!»

Тристрам пошел к своей квартире. Перед дверью помедлил, отбрасывая автоматическое ожидание приветственного детского крика. Вошел. Беатрис-Джоанна сидела в халате, ничего не делала. Быстро встала, очень удивленная, видя мужа так рано дома. Тристрам заметил открытую дверь в спальню, смятую постель, постель больного, страдающего лихорадкой.

— У тебя был гость? — спросил он.

— Гость? Какой гость?

— Я встретил внизу своего драгоценного братца. Он сказал, что был тут, меня искал.

— А, так ты про него. — Она глубоко выдохнула. — А я думала, ты имеешь в виду, ну, знаешь, — гостя.

Тристрам принялся сквозь вездесущий запах «Анафро», словно вынюхивая что-то сомнительное.

— Чего он хотел?

— Почему ты дома так рано? — спросила Беатрис-Джоанна. — Плохо себя чувствуешь или что?

— Очень плохо почувствовал себя от услышанного. Я не получу повышения. Меня дисквалифицировало чадолюбие моего отца. И моя собственная гетеросексуальность. — Сложив за спиной руки, шагнул в спальню.

— Прибраться некогда было, — сказала она, заходя, расправляя постельное белье. — Я в больнице была. Только недавно вернулась.

— Похоже, нас ждет беспокойная ночь, — сказал он. И вышел из спальни. — Да, — продолжал он. — Место досталось одному маленькому нахалу-гомику вроде Дерек. Наверно, надо было этого ожидать.

— Мы переживаем поганные времена, правда? — сказала она. Минуточку постояла, обессиленная и несчастная, держа в руках конец смятой простыни. — Сплошное невезение.

— Ты так и не сказала, зачем приходил Дерек.

— Вообще непонятно. Тебя искал. — Почти попалась, думала она; была на волосок. — Довольно-таки неожиданно было его увидеть, — импровизировала она.

— Врун, — сказал он. — По-моему, он шел не просто погоревать

вместе с нами. В любом случае откуда он знает про Роджера? Как он мог это вывести? Спорю, только с твоих слов мог узнать.

— Знал, — выкручивалась она. — В Министерстве увидел. Ежедневные цифры смертей или еще что-нибудь. Сейчас будешь есть? Я нисколько не голодна. — Она оставила постель, вышла в гостиную и заставила крошечный холодильник спуститься с потолка на манер некоего полярного божка.

— Ему что-то нужно, — сказал Тристрам. — Это определено. Мне бы надо за собой присматривать. — Тут алк пришел на помощь. — Да какого черта? Чтоб их всех разразило. Люди вроде Дерека правят страной.

Он вызвал стул из стенки. Беатрис-Джоанна увенчала дело, вырастив из пола стол.

— Я себя чувствую антиобщественным элементом, — сказал Тристрам, — безумно антиобщественным. Да кто они такие, чтоб учить нас, как жить нашей собственной жизнью? Ох, — вздохнул он, — мне вообще не нравится, что творится. Кругом тьма полиции. Вооруженной.

Он опустил рассказ о происшествии с расстриженным священником в баре. Она его выпивку не одобряла.

Беатрис-Джоанна подала холодную котлету из гидрированных дегидрированных овощей. Он ел от души, с аппетитом. Потом дала ломтик пудинга из синтемола. А когда он покончил с едой, предложила:

— Съешь орешек.

Орешек был питательным элементом, изобретением Министерства Синтетического Продовольствия. Наклонилась над ним за орешками в стенном буфете, он краем глаза заметил роскошную наготу под халатом.

— Разрази их всех Бог, будь они прокляты, — сказал он. — И я именно Бога имею в виду. — Встал и попробовал ее обнять.

— Нет, не надо, пожалуйста, — взмолилась она. Ничего хорошего не получилось бы; его прикосновения невыносимы. Она сопротивлялась. — Я вообще себя плохо чувствую, — сказала она. — Я расстроена. — И зашмыгала носом.

Он отступился, сказал:

— Хорошо. Ох, ну, ладно. — Куснул пластиковыми зубами ноготь мизинца на левой руке, неуклюже стоя у окна. — Прости меня за это. Просто не подумал. — Она собрала со стола бумажные тарелки, сунула в стенную щель топки. — Ах, черт, — сказал он с неожиданной яростью. — Превратили нормальный, порядочный секс в преступление. Тебе больше не хочется им заниматься. Ну и ладно, по-моему. — Он вздохнул. — Вижу, надо бы мне добровольно пойти на кастрацию, если не хочется вовсе

лишиться работы.

В эту секунду Беатрис-Джоанну вновь остро пронзило чувство, которое на одну ослепительную секунду вспыхнуло в ее мозгу, когда она лежала под Дерексом в той самой лихорадочно смятой постели. Некий евхаристический момент — высоко грянули трубы, вспыхнул свет с треском, как бывает (говорят) в миг повреждения зрительного нерва. И тоненький голосок на удивление проникновенно пропищал: «Да, да, да». Если все толкуют об осторожности, может, и ей надо быть осторожной. Не вообще осторожной, конечно. Только в той степени осторожной, чтобы Тристрам не узнал. Как известно, противозачаточные средства порой не срабатывают.

— Извини, дорогой, — сказала она. — Я не хотела. — Обняла его за шею. — Давай, если хочешь.

Если б только это можно было проделывать под наркозом. Ну, все равно, долго не продлится.

Тристрам жадно поцеловал ее.

— Я приму таблетки, — сказал он, — не ты.

Он с момента рождения Роджера во всех допустимых, благословенно немногочисленных случаях, когда желал воспользоваться супружескими правами, всегда настаивал, что сам примет меры предосторожности. Потому что на самом деле не хотел Роджера.

— Приму три, — сказал он. — Просто ради безопасности. — Тоненький внутренний голосок чуть хихикнул при этом.

Глава 13

Беатрис-Джоанна с Тристрамом, занятые разными делами, не видели и не слышали заявления Премьер-Министра по телевидению. Но в миллионах других домов — в целом на потолках в спальнях, больше нигде места не было — стереоскопическое изображение отекающей, комковатой, классической физиономии ученого distinguished Роберта Старлинга мерцало и дребезжало, как забарахлившая лампа. Оно говорило о безнадежных опасностях, в которые скоро будет ввергнута Англия, Англоязычный Союз, сам огромный земной шар, если, хоть и с сожалением, не будут приняты определенные строгие репрессивные меры. Это война. Война с безответственностью, с элементами, саботирующими — а такой саботаж явно недопустим — государственный механизм; со всеобщим попранием разумных либеральных законов, особенно закона, который, ради блага общества, старается ограничить прирост населения.

На всей планете, — серьезно, как подобает государственным руководителям, говорило светящееся лицо, — сегодня или завтра, — обращаясь к своим разнообразным народам одинаково убедительными словами, — весь мир объявляет войну самому себе. Жесточайшие наказания за дальнейшую безответственность (подразумевалось, причиняющие наказующим больше боли, чем наказуемым); выживание на планете зависит от баланса народонаселения и научно рассчитанного минимального запаса продовольствия; затянуть пояса; одержать полную победу; зло будет побеждено; сплотимся; да здравствует Король.

Беатрис-Джоанна с Тристрамом пропустили также несколько волнующих кинокадров репортажа о завершении забастовки на Национальных Заводах синтемола, — полиция, заслужившая прозвище «серых», без конца хохотала, помогая себе дубинками и карабинами; в объектив камеры брызнули разноцветные мозги.

Они пропустили и дальнейшее объявление о формировании корпуса под названием Популяционная Полиция, столичным комиссаром которой предполагался некто хорошо им обоим известный — брат, предатель, любовник.

Часть вторая

Глава 1

Во всех Государственных Коммунальных Службах ввели восьмичасовые рабочие смены. Но школы и колледжи поделили рабочий день (каждый день, каникулы стояли под вопросом) на четыре смены по шесть часов каждая. Спустя почти два месяца после начала Интерфазы Тристрам Фокс сидел за полуночным завтраком (смена начиналась в час ночи) при косо висевшей на небе полной летней луне. Пытался есть какую-то бумажную кашу, размоченную синтемолом, и, каким бы ни был во все эти дни постоянно голодным — пайки существенно срезали, — оказывалось очень трудно отправлять в рот сырой волокнистый кошмар: все равно что есть чьи-то слова. Пока он пережевывал бесконечные полные ложки, синтетический голос *Дейли Ньюсдиска* (выпуск 23.00) пищал мультипликационной мышью, а сам орган массовой информации медленно вращался на стенном шпинделе, черно поблескивая.

— ...Беспрецедентно низкий улов сельди, объяснимый лишь с точки зрения необъяснимой неспособности к размножению, по сообщению Министерства Рыбоводства...

Тристрам протянул левую руку и выключил его. Ограничение рождаемости среди рыб, что ли? Тристрама на миг закружил внезапный прилив генетической памяти — какая-то круглая плоская рыба не помещается на тарелке, хрустящая, коричневая, под острым соусом. Но вся выловленная нынче рыба перемалывалась машинами, превращалась в удобрение или в смесь для многоцелевого питательного концентрата (подается в виде супа, котлет, хлеба, пудинга), рекомендованного Министерством Натурального Продовольствия в качестве основной составляющей недельного пайка.

Теперь, когда в гостиной умолк маниакальный голос со своей ужасающей журналистикой, Тристраму было лучше слышно, как в ванной тошнит его жену. Бедная девочка, в эти дни ее регулярно тошнит на рассвете. Наверно, от еды. Вполне может любого стошнить. Он встал из-за стола и пошел посмотреть на нее. Вид бледный, усталый, вялый, словно рвота вывернула ее наизнанку.

— Я бы на твоём месте сходил в больницу, — мягко сказал он. — Узнал бы, в чем дело.

— Со мной все в порядке.

— Мне не кажется, будто с тобой все в порядке. — Он перевернул микрорадио у себя на запястье; часы с обратной стороны показывали двенадцать тридцать. — Надо лететь. — Поцеловал влажный лоб. — Последи за собой, дорогая. Пойди, покажись кому-нибудь в больнице.

— Да ничего. Просто желудок расстроился. — И действительно, словно для него стараясь, она стала выглядеть гораздо лучше.

Тристрам вышел (просто желудок расстроился), присоединился к ожидавшим у лифта. Старый мистер Эртроул, Фиппс, Артур Спрэгг, мисс Рантинг — расовые концентраты типа питательных: смесь Европы, Африки, Азии, присоленная Полинезией, — отправлялись на работу в министерства и на национальные предприятия; Оллсоп и бородатый Абазофф, Даркинг и Хамидин, миссис Гау, ее мужа забрали три недели назад, — готовые к смене, которая продлится на два часа дольше Тристрамовой. Мистер Эртроул говорил дряхлым дрожащим голосом:

— Вообще, по-моему, нехорошо, чтобы эти легавые все время за тобой присматривали. Во времена моей молодости такого не было. Захотел в уборной покурить — шел и курил без всяких вопросов. А теперь нет, ох, нет. Эти легавые без конца дышат прямо в затылок. По-моему, нехорошо. — И продолжал ворчать. Абазофф покивал головой, пока входили в лифт, — старик безобидный и не очень умный, оператор, вкручивает большой винт в задние стенки телевизионных ящиков, которые, бесконечно множась, ползут мимо него вперед по ленте конвейера. В лифте Тристрам тихо спросил миссис Гау:

— Есть что-то новое?

Она глянула на него снизу вверх, длиннолицая женщина сорока лет с сухой, прокопченной, как у цыганки, кожей.

— Ни словечка. Я уверена, что они застрелили его. *Застрелили*, — вдруг громко крикнула она. Собратья-пассажиры прикинулись, будто не слышат.

— Чепуха, — потрепал ее по худому плечу Тристрам. — Он не совершил никакого реального преступления. Скоро вернется. Увидите.

— Он был сам виноват, — сказала миссис Гау. — Пил этот самый алк. Разевал рот. Я всегда говорила ему, что когда-нибудь он зайдет чересчур далеко.

— Ну-ну, — сказал Тристрам, похлопывая ее по плечу. Истина заключалась в том, что Гау фактически рта вообще не открыл; просто издал короткий грубый звук перед кучкой полицейских возле одного из наиболее скандальных спиртных магазинчиков где-то на Гатри-роуд. Его увезли

среди шумного веселья, и никто его больше не видел. От алка сейчас лучше воздерживаться, лучше оставить алк серым.

4-3-2-1. Тристрам выволок из лифта ноги. На забитой народом улице ожидала медовая ночь, простреленная лупой. В вестибюле присутствовали представители Поппола — Популяционной Полиции, — черная форма, фуражки с сияющими козырьками, кокарды, собачьи ошейники поблескивают разорвавшейся бомбой, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась разбитым яйцом. Невооруженные, меньше серых склонные к скорому насилию, щеголеватые, вежливые, они в большинстве своем делали честь своему комиссару. Тристрам, влившись в толпы, шедшие на работу, выражавшие всем своим видом, мол, я-никогда-и-не-думал-что-смерть-столь-многих-выр-вала-из-рядов, гневно бросил вслух слово «брат» текущему в ночи Каналу, его серебристому небу. Это понятие приобрело для него чисто уничижительный подтекст, что было несправедливо по отношению к бедному безобидному Джорджу, старшему из трех братьев, который усердно трудился на сельскохозяйственной станции близ Спрингфилда в штате Огайо. Джордж недавно прислал одно из своих редких писем, скучно-фактическое, посвященное экспериментам с новыми удобрениями и выражавшее недоумение по поводу странной пшеничной гнили, распространявшейся на востоке Айовы, Иллинойса и Индианы. Добрый, солидный старый Джордж.

Тристрам вошел в добрый, солидный старый небоскреб, где располагалась Общеобразовательная Школа (Для Мальчиков), Южный Лондон (Канал), Четвертый Дивизион. Выкатывалась смена Дельта, а один из трех заместителей Джослина, самодовольный хлыщ по фамилии Кори с седым хохолком и с разинутым ртом, стоял и наблюдал в огромном вестибюле. Смена Альфа влетела стрелой, протискиваясь в игольные ушки лифтов, вверх по лестницам, вниз по коридорам. Первый урок у Тристрама был на третьем этаже, — Основы Исторической Географии для Двадцатого потока Первого класса. Искусственный голос отсчитывал:

— ...Восемнадцать — семнадцать...

Только кажется или это творение какой-то задницы из Национальной Корпорации Синтеглот звучит сегодня ироничней обычного?

— ...Три — два — один.

Он опаздывал. Пулей влетел в служебный лифт и, запыхавшись, ворвался в класс. Нынче надо быть повнимательней.

Пятьдесят с лишним мальчиков разнообразных смешанных цветов приветствовали его единодушным вежливым «добрым утром». Утром? На дворе прочно стояла ночь; луна, огромный, устрашающий женский символ,

председательствовала в ночи. Тристрам сказал:

— Домашнее задание. Положите, пожалуйста, домашнее задание перед собой на парты.

Защелкали металлические застёжки, пока мальчики открывали ранцы, зашлепали учебники, зашелестели страницы, пока они отыскивали ту, где нарисовали карту мира. Тристрам прохаживался по классу, заложив руки за спину, бегло просматривал. Огромный перегруженный шар в проекции Меркатора, две огромные империи — Ангсо (Англоязычный Союз) и Руссо (Русскоязычный Союз), — которые мальчики грубо скопировали, развалясь, высунув языки. В основных океанах еще возводились Придаточные Острова для избыточного населения. Мирный мир, позабывший искусство самоуничтожения, мирный и озабоченный.

— Небрежно, — сказал Тристрам, ткнув указательным пальцем в рисунок Коттэма. — Вы разместили Австралию слишком далеко к югу. И забыли Ирландию вставить.

— Сэр, — сказал Коттэм.

А еще был мальчик — Хайнард, — не сделавший домашнего задания; вид испуганный, под глазами темные круги.

— Что это значит? — спросил Тристрам.

— Я не мог, сэр, — сказал Хайнард с трясущейся нижней губой. — Меня отвели в Приют, сэр. У меня не было времени, сэр.

— А. В Приют. — Это было кое-что новое, заведение для сирот, временных и перманентных. — Что случилось?

— Их забрали, сэр, моих папу и маму. Говорят, они плохо сделали.

— Что они сделали?

Мальчик повесил голову. Не табу, а сознание преступления заставляло его краснеть и молчать. Тристрам мягко сказал:

— Просто у твоей мамы ребенок, да?

— Должен быть, — пробормотал мальчик. — Их забрали. Говорят, с этим надо покончить. А потом отвели меня в Приют.

Великая злоба душила Тристрама. Фактически эта злоба (понимал он со стыдом) была злобой наигранной, педантичной злобой. Он мысленно видел, как стоит у ректора в кабинете и провозглашает: «Государство считает образование этих мальчиков важным, стало быть, предположительно должно столь же важным считать выполнение домашнего задания, и вот Государство является, всюду сует безобразное лицемерное рыло и не позволяет одному из моих учеников выполнить домашнее задание. Ради Дога, давайте разберемся, что у нас происходит». Слабая раздраженность мужчины, вызывающего к принципам. Конечно, он

знал, каким будет ответ: сперва самое важное; самое важное — выживание. Вздыхнул, потрепал мальчика по голове, потом прошел назад, встал перед классом.

— Нынче утром, — сказал он, — мы будем чертить карту Мелиорированного Района Сахары. Возьмите карандаши.

Ничего себе утро. Ночь морем школьных чернил мощно текла за окнами.

Глава 2

Беатрис-Джоанна села писать письмо. Писала карандашом, неловко с непривычки, пользовалась логограммами, выученными в школе, экономившими бумагу. Она два месяца вовсе не видела и в то же время слишком часто видела Дерека. Слишком часто — публичное телевизионное изображение Дерека в черной форме разумного, убедительного Комиссара Популяционной Полиции; вовсе — любовника Дерека в форме наготы и желания, которая ему больше к лицу. Письма не проходили цензуру; ей казалось, писать можно свободно. И она писала:

«Милый, наверно, мне надо гордиться, ведь ты себе сделал столь громкое имя и определенно очаровательно выглядишь в новом наряде. Только никак не отделаюсь от желания, чтоб все было по-прежнему, когда мы могли вместе лежать, любить друг друга, не думать о мире, разве что убеждаться, что о происходящем меж нами никто не знает. Отказываюсь поверить в окончание этого дивного времени. Я по тебе так соскучилась. Я соскучилась по объятиям твоих рук, по касанию твоих губ, по...»

Опустила следующий значок; бывают слишком тонкие вещи для их обозначения холодными логограммами.

«...по касанию твоих губ. О, милый, я порой просыпаюсь ночью, днем, утром, когда бы мы ни ложились в постель, в зависимости от его смены, и хочу заплакать от желания». Прижала к губам левый кулак, словно заглушая этот самый плач. «О, самый мой дорогой, я люблю тебя, люблю, люблю. Жажду твоих объятий, губ...»

Сообщила, что уже это писала, поэтому все зачеркнула; но вычеркивание указало, что ей надо бы получше подумать насчет желания его объятий, губ и прочего. Пожав плечами, продолжила.

«Не сумеешь ли как-то связаться со мной? Знаю, ты чересчур рисковал бы, послав мне письмо, потому что Тристрам непременно увидит его в общем почтовом ящике, только ты, безусловно, способен послать мне

какой-нибудь знак, сообщив, что по-прежнему любишь меня. Ты ведь меня по-прежнему любишь, мой милый?»

Он мог послать знак. В старые времена, во времена Шекспира и радио, любовники любовницам посылали цветы. Конечно, теперь все цветы считаются съедобными. Можно было бы прислать пакетик дегидрированного бульона из говяжьих губ, но это означало бы сокращение его скудного пайка. Она жаждала чего-нибудь романтического и рискованного, некоего серьезного еретического жеста. И вдохновенно написала:

«Когда в следующий раз появишься по телеку, то скажи, если все еще любишь меня, какое-то особое слово, исключительно для меня. Скажи слово „любить“ или слово „желать“. Тогда я буду знать, что ты меня по-прежнему любишь, как я по-прежнему тебя люблю. Нового ничего нет, жизнь идет, как всегда, очень скучно и жутко».

Неправда; были очень даже определенные новости, подумала она, только их надо держать при себе. Прямая линия внутри нее, вечная и животворящая ось хотела сказать: «Радуйся», — по круг советовал помнить об осторожности; больше того, вращался, поднимая ветерок тревоги. Она отказывалась тревожиться; все отлично сойдет. И подписала письмо:

«Вечно тебя обожающая *Беатрис-Джоанна*».

Письмо она адресовала Комиссару Д. Фоксу, штаб-квартира Популяционной Полиции, Министерство Бесплодия, Брайтон, Лондон, чувствуя легкую дрожь при написании слова «бесплодие», слова, в самом себе содержащем свое отрицание. И добавила большими отчетливыми логограммами: «ЛИЧНО И КОНФИДЕНЦИАЛЬНО». А потом пустилась в долгое вертикальное путешествие к почтовому ящику у Эрншо-Мэншн. Стояла прелестная июльская ночь, плыла высокая луна, звезды, кружились спутники Земли, ночь была предназначена для любви. Пятеро серых юнцов в свете уличного фонаря, хохоча, колотили ошеломленного старика, который, судя по отсутствию реакции на удары дубинками, находился под анестезирующим воздействием алка. Он также смахивал на назорея времен Нерона, брошенного смеющимся львам и распевавшего гимн.

— Вам должно быть стыдно, — яростно возмутилась Беатрис-Джоанна, — просто стыдно. Такой бедный старик.

— Занимайся своими делами, — сварливо сказал один серый полисмен и презрительно добавил: — *Женщина*.

Жертве было позволено уползти, по-прежнему распевая. Будучи в высшей степени женщиной, занимавшейся своим делом, в общественном и в биологическом смысле, она пожала плечами и отправила письмо.

Глава 3

Письмо для Тристрама лежало в почтовом мешке в учительской, письмо от его сестры Эммы. Было четыре тридцать, время получасового перерыва на завтрак, но звонок еще должен был прозвенеть. Над морем вкусно поднимался рассвет, далеко внизу за окном учительской. Тристрам ощупал письмо с яркой китайской маркой, с надписью «*авиапочта*» идеограммами и кириллицей, улыбаясь очередному примеру семейной телепатии. Так всегда было — следом за письмом от Джорджа с Запада через пару дней письмо от Эммы с Востока. Существенно, что никто из них Дереку никогда не писал. Тристрам, все еще улыбаясь, читал, стоя среди коллег:

«...Работа идет. На прошлой неделе летала из Шаньсяна в Хинчжи, в Шанхай, Тайдун, Шицзин, — утомительно. Пока здесь по-прежнему места хватает только чтобы стоять, но с началом недавних перемен в политике Центральное Правительство приняло меры поистине устрашающие. В Шанкине всего десять дней назад состоялись массовые казни противников законов о Приросте Семьи. Многим из нас кажется, что это заходит слишком далеко...»

Типична для нее подобная недооценка; перед Тристрамом встало сорокапятилетнее чопорное лицо, чопорные тонкие губы, произносившие это.

«...Но, видимо, это произведет желаемый эффект на тех, кто, несмотря ни на что, еще лелеет мечту всей своей жизни стать почтенным предком, чей могильный холм почитают толпы потомков. Подобные люди, скорей всего, станут этими самыми предками быстрее, чем ожидают. По странной иронии, кажется, грядет нечто вроде голода в провинции Фуцзянь, где урожай риса — по какой-то неизвестной причине — погиб...»

Тристрам нахмурился, призадумался. Сообщение Джорджа насчет пшеничной гнили, новости об улове сельди, а теперь вот это. Отсюда слабое ноющее подозрение насчет чего-то, неизвестно чего.

— Как сегодня, — проговорил молодой, жеманный, обманчивый голос, — наш милый Тристрам?

Это был Джеффри Уилтшир, новый глава Факультета общественных Наук, голубоглазый мальчик в полном смысле этого слова, до того светловолосый, что почти белобрысый. Тристрам, стараясь не слишком его ненавидеть, изобразил лимонную улыбку и объявил:

— Хорошо.

— Я прослушивал ваш урок в Шестом классе, — сказал Уилтшир. — Знаю, вы не станете возражать, если я вам скажу, милый, милый Тристрам. — Обдал коллегу ароматом духов, затрепетал верхними и нижними накладными ресницами. — Скажу, что вы на самом деле учите тому, чему не следовало бы учить.

— Не понял. — Тристрам старался сдержать дыхание.

— А я, со своей стороны, прекрасно понял. Говорили вы нечто вроде того, будто искусство, говорили вы, не может процветать в подобном нашему обществу, ибо, вы говорили, искусство — продукт... вы, по-моему, употребили именно это понятие... *жажды отцовства*. Постойте, — сказал он, — постойте, — открывшему рот Тристраму. — Вы также говорили, будто орудия искусства — фактически символы плодородия. Ну, оставляя в стороне тот факт, мой по-прежнему милый Тристрам, оставляя в стороне факт абсолютной неясности, каким именно образом все это укладывается в учебную программу, вы вполне сознательно — этого вы не можете отрицать — вполне сознательно учите тому, что, с какой стороны ни смотреть, называется, как минимум, ересью. — Прозвонил звонок на завтрак. Уилтшир обнял Тристрама на пути в учительскую столовую.

— Но, — сказал Тристрам, борясь со злобой, — черт возьми, это правда. Любое искусство — аспект сексуальности...

— Никто не отрицает, мой милый Тристрам, что в определенной степени это абсолютная истина.

— Но вопрос глубже. Великое искусство, искусство прошлого, — своего рода прославление размножения. Я хочу сказать, возьмем даже драму. Я хочу сказать, истоки трагедии и комедии в обрядах плодородия. Жертвоприношение козла — *«трагос»* по-гречески — и приапические деревенские празднества вылились в комическую драму. Я хочу сказать... и, — запнулся Тристрам, — возьмем архитектуру...

— Больше мы ничего не возьмем. — Уилтшир остановился, уронил руку с плеча Тристрама, помахал перед глазами Тристрама указательным пальцем, как бы развеивая застилавший их дым. — Больше мы ничего не возьмем, правда, милый Тристрам? Пожалуйста, прошу вас, будьте осторожны. Знаете, все действительно очень вас любят.

— Я не совсем понимаю, какое отношение это к чему-либо имеет...

— Это имеет *огромное* отношение ко *всему*. Ну, просто будьте хорошим мальчиком... — он был по меньшей мере на семь лет младше Тристрама, — и придерживайтесь программы. Тогда вам не удастся слишком далеко зайти по дурной дорожке.

Тристрам ничего не сказал, плотно прикрыв крышкой вскипевший

норов. Но, войдя в дымившуюся столовую, демонстративно отошел от Уилтшира, отыскал стол, где сидели Виссер, Адэр, Батчер (очень древняя ремесленная фамилия^[17]), Фрити и Хаскелл-Спротт. Это были безобидные люди, преподававшие безвредные предметы, — простые навыки, по поводу которых никаких противоречий никогда не возникало.

— Вы, — сказал Адэр с монгольскими глазами, — довольно плохо выглядите.

— Я и чувствую себя довольно плохо, — ответил Тристрам.

Хаскелл-Спротт, сидя во главе стола и черпая ложкой очень жидкую овощную похлебку, вставил:

— Вот от этого заболаете еще хуже.

— ...Маленькие поганцы стали лучше вести себя с тех пор, как у нас появилась возможность круче с ними обходиться, — говорил Виссер, изобразив яростный бокс. — Возьмем, например, юного Милдред — странное имя, Милдред, девичье, хотя это, конечно, фамилия парня, — возьмем хоть его. Сегодня опять опоздал, так я что сделал? Напустил на него крутых ребят, знаете, Брискера, Каучмена и так далее. И они его хорошенько отделали. Всего две минуты — и все. Даже с пола не смог подняться.

— Надо, чтобы была дисциплина, — согласился Батчер с полным ртом похлебки.

— Я говорю, — сказал Адэр Тристраму, — вид у вас совсем плохой.

— Ну, пока по утрам не тошнит... — поддел шутник Фрити.

Тристрам положил ложку:

— Что вы сказали?

— Шутка, — сказал Фрити. — Я ничего плохого в виду не имел.

— Вы что-то сказали насчет тошноты по утрам.

— Забудьте. Просто пошутил.

— Но это невозможно, — сказал Тристрам. — Этого не может быть.

— Я бы на вашем месте, — сказал Адэр, — пошел и прилег. Вы совсем плохо выглядите.

— Абсолютно невозможно, — сказал Тристрам.

— Если не хотите есть свою похлебку, — сказал Фрити, жадно истекая слюной, — буду очень признателен... — И потянул к себе тарелку Тристрама.

— Это нечестно, — сказал Батчер. — Надо бы поделить. Чистейшая распроклятая жадность.

Они подняли возню, расплескивая похлебку.

— Пожалуй, лучше пойду домой, — сказал Тристрам.

— Так и сделайте, — сказал Адэр. — Наверно, чем-то заболели. Подхватили что-нибудь.

Тристрам встал и поплелся докладывать Уилтширу. Батчер выиграл и триумфально выхлебал похлебку.

— Обжорство, — толерантно сказал Хаскелл-Спротт. — Вот как это называется.

Глава 4

— Но как это могло произойти? — кричал Тристрам. — Как? Как? Как? — Два шага до окна, два шага обратно до стены, руки взволнованно сцеплены за спиной.

— Нигде нет стопроцентной гарантии, — сказала мирно сидевшая Беатрис-Джоанна. — Может быть, акт саботажа на Контрацептивных Заводах.

— Бред. Полный и абсолютный распроклятый бред. Что за фривольное замечание, — кричал Тристрам, повернувшись к ней. — Типично для всего твоего поведения.

— Ты точно уверен, — спросила Беатрис-Джоанна, — что действительно принял таблетки в том достопамятном случае?

— Конечно, уверен. Никогда не подумал бы так рисковать.

— Ну, разумеется, нет. — Она покачала головой, нараспев повторив: — Не рискуй, прими таблетку. — И улыбнулась ему. — Хороший вышел бы лозунг, правда? Впрочем, у нас, естественно, больше нет лозунгов, которые учили бы добру. У нас теперь большая дубинка.

— Это полностью за пределами моего понимания, — сказал Тристрам. — Разве что... — Он навис над ней. — Но ведь ты так бы не сделала, правда? Ты для этого не такая испорченная, дурная, грешная. — Августинские слова. Он схватил ее за руку. — Кто-то другой? Скажи правду. Обещаю, не стану сердиться, — сердито сказал он.

— Ох, не будь дураком, — очень спокойно сказала она. — Даже если бы я захотела тебе изменить, с кем я могла бы тебе изменить? Мы никуда не ходим, никого не знаем. И, — с жаром сказала она, — я решительно возражаю против таких твоих слов. Против подобной мысли. Я была тебе верна с самого дня нашей свадьбы, причем все это время получала огромную кучу всяческих благодарностей и признательности за свою верность.

— Я должен был принять таблетки, — сказал Тристрам, хорошенько

припоминая. — Помню, когда это было. Это было в тот день, когда бедный маленький Роджер...

— Да, да, да.

— Я только пообедал, и, если правильно помню, именно ты предложила...

— Ох, нет, Тристрам. Не я. Определенно не я.

— Отчетливо помню, как вытащил с потолка аптечку, и...

— Ты выпивал, Тристрам. От тебя *жутко* несло алком. — Тристрам на миг повесил голову. — Ты уверен, что принял *нужные* таблетки? Я за тобой не следила. Ты ведь всегда лучше знаешь, да, милый? — Саркастически сверкнули ее настоящие зубы. — Как бы там ни было, дело сделано. Может, тебя внезапно обуяла *жажда отцовства*.

— Откуда у тебя это выражение? — рывкнул он. — Кто сказал тебе эти слова?

— Ты, — со вздохом сказала она. — Ты порой это выражение употребляешь. — Он вытаращил на нее глаза. — В тебе, должно быть, немалая куча ереси, — добавила она. — В подсознании, в любом случае. Знаешь, ты говоришь во сне всякие вещи. Будишь меня своим храпом, а потом, убедившись в наличии слушателя, говоришь. Ты такой же дурной в своем роде, как я.

— Хорошо. — Он рассеянно оглянулся, где сесть. Беатрис-Джоанна с рокотом выдвинула из стены еще один стул. — Спасибо, — раздраженно сказал он. — Как бы это ни произошло, ты должна была от этого избавиться. Ты должна была что-то принять. Зачем ждать, пока будешь вынуждена идти в Центральный Абортарий. Это стыдно. Почти так же дурно, как нарушение закона. Беспечность, — проворчал он. — Никакого самоконтроля.

— Ох, не знаю. — Она чересчур хладнокровно ко всему этому относилась. — Может, дела не так плохи, как ты считаешь. Я хочу сказать, люди заводили детей больше нормы, и с ними ничего особенного не случалось. Я имею право на ребенка, — чуть теплее сказала она. — Государство убило Роджера. Государство позволило ему умереть.

— Ах, вздор. Все, что было, прошло. Ты, похоже, по глупости не понимаешь, что положение вещей изменилось. *Положение вещей изменилось*, — подчеркнул он, при каждом слове постукивая кулаком по ее колену. — Времена просьб прошли. Больше Государство не просит. Государство приказывает, Государство принуждает. Понимаешь ли ты, что в Китае по-настоящему убили людей за нарушение законов об ограничении рождаемости? Казнили. Повесили, расстреляли, я точно не знаю. Так

сказано в письме, полученном мною от Эммы.

— Тут не Китай, — сказала она. — Мы здесь больше цивилизованы.

— Ах, отъявленный чертов бред. То же самое будет везде. Родителей одного моего ученика забрала Популяционная Полиция, это ты понимаешь? Вчера вечером. И, насколько я знаю, у них даже еще нет ребенка. Она просто беременна, насколько мне известно. Помилуй Дог, женщина, скоро будут ходить кругом с мышкой в клетке, брать анализ мочи на беременность.

— А как его делают? — с интересом спросила она.

— Ты неисправима, вот что. — Он снова встал. Беатрис-Джоанна со скрипом качнулась на стуле к стене, чтобы дать ему место пройти. — Спасибо. Послушай, — сказал он, — ты только представь, в каком мы положении. Если кто-нибудь обнаружит нашу беспечность, даже если результат сей беспечности не зайдет дальше, если кто-нибудь обнаружит...

— Как может кто-нибудь что-нибудь обнаружить?

— Ох, не знаю. Кто-нибудь может услышать, что тебе по утрам дурно, вот как, — деликатно сказал он. — Миссис Петтит по соседству. Знаешь, кругом шпионы. Где полиция, там всегда шпионы. Называются стукачами. Или ты что-то кому-нибудь скажешь... случайно, я имею в виду. Вполне могу тебе сообщить, мне не нравится положение дел в школе. Этот поросенок Уилтшир продолжает прослушивать мои уроки. Слушай, — сказал он, — я сейчас уйду. Пойду к фармацевту. Принесу каких-нибудь таблеток с хинином. И касторки.

— Мне это не нравится. Не выношу вкус того и другого. Обожди чуточку, а? Просто чуточку обожди. Может, все будет в полном порядке.

— Опять то же самое. Разреши мне попробовать вбить в твою тупую башку, — сказал Тристрам, — что мы живем в опасные времена. У Популяционной Полиции большая власть. Они могут быть очень-очень нехорошими.

— Я не думаю, будто они хоть когда-нибудь причинят мне какой-нибудь вред, — благодушно сказала она.

— Почему? Почему?

— Просто чувство такое, и все. — Осторожнее, осторожнее. — Просто какая-то интуиция на этот счет, вот и все. — А потом: — Ох! — с силой крикнула она, — меня тошнит до смерти от всего этого дела. Если Бог сотворил нас такими, какие мы есть, к чему беспокоиться насчет того, что велит нам делать Государство? Бог сильнее и мудрей Государства, не так ли?

— Бога нет. — Тристрам с любопытством взглянул на нее. — Откуда

ты набралась таких мыслей? Кто с тобой разговаривал?

— Никто со мной не разговаривал. Я никого не вижу, только когда выхожу за пайком. А когда разговариваю, то разговариваю сама с собой. Или с морем. Я с морем иногда разговариваю.

— Что же это такое? Что творится на самом деле? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Только все время голодная, — сказала Беатрис-Джоанна. — Я очень хорошо себя чувствую. По-настоящему хорошо.

Тристрам подошел к окну и уставился вверх на клочок неба, который проглядывал меж башнями без крыш.

— Я иногда думаю, — сказал он, — может, Бог, в конце концов, есть. Где-то там, — задумчиво про-бормотал он, — наблюдает за всем. Иногда думаю. Только, — сказал он, поворачиваясь в легком приступе внезапной паники, — никому не повторяй эти мои слова. Я не говорю, что Бог *есть*. Просто сказал, иногда думаю, вот и все.

— Ты не слишком мне веришь, да?

— Я никому не верю. Извини, я должен быть честен с тобой. Я просто не осмеливаюсь вообще никому доверять. Кажется, и самому себе не могу доверять, правда? — А потом он ушел перламутровым утром покупать в одной государственной аптеке хинин, в другой — касторовое масло. В первой громко потолковал про малярию, упомянул даже о познавательном путешествии на Амазонку, в другой убедительно симулировал вид страдающего запором.

Глава 5

Если не Бог, должен быть какой-то, как минимум, моделирующий демиург. Так позже думал Тристрам, когда было свободное время и склонность к раздумьям. На следующий день (хотя на самом деле это понятие лишь календарь признавал; система рабочих смен рассекала природное время, как воздушный лайнер в кругосветном полете), на следующий день Тристрам узнал, что за ним следят. Аккуратное черное пятнышко в толпах позади, всегда на определенной дистанции, увиденное целиком, — когда Тристрам сворачивал на Рострон-Плейс, — оказалось миловидным человечком с усами, со сверкавшим на солнце яйцом Поппола на кокарде фуражки, с тремя блестящими звездочками на каждой эполете. На Тристрама нахлынуло вязкое ощущение ночного кошмара — ослабевшие члены, неглубокое дыхание, безнадежность. Но как только

грузовик с тягачом, нагруженный оборудованием для Министерства Синтетического Продовольствия робко сунулся с Рострон-Плейс на Адкинс-стрит, у Тристрама хватило сил и воли к жизни нырнуть за него, так что множество тонн красных труб и котлов загородили его от преследователя. Не то чтобы дело хоть как-то менялось, это он сознавал, чувствуя безнадежность, признавая собственную глупость; если он им действительно нужен, они его достанут. Воспользовавшись секундой, свернул налево, на Хананья-стрит. Там, вдоль нижних этажей Реппел-Билдинг, тянулся «Метрополь», любимое пристанище высших чинов, не место для ничтожного школьного учителя, не уверенного в своем положении. Отстучав несколько шагов, он вошел, с танкерами и тошрунами в левом брючном кармане.

Звон стаканов, широкие спины и девичьи плечи в серой и черной форме, полицейские голоса. («В пункте 371 ПК^[18] абсолютно ясно сказано».) Тристрам прополз к пустому столику, стал ждать официанта. («Вопросы распределения сырьевых материалов будут прорабатываться на междепартаментской конференции».) Подошел официант, черный, как туз пик, в кремовой куртке.

— С чем, сэр? — спросил он.

— С апельсиновкой, — сказал Тристрам, не сводя глаз с дверей-турникета. Изнывая от смеха, вошла пара изысканных щеголей в серой форме; строгий лысый выхолощенный жеребец со стеклянным глазом и с мальчиком-секретарем; мужеподобная женщина с большим, никчемным бюстом. Потом Тристрам увидел, как входит его преследователь; увидел с неким облегчением. Офицер сиял фуражку, обнажив масляные прямые короткие рыжие волосы, вгляделся в толпу выпивавших; Тристрам чуть не махнул, обнаруживая себя. Офицер его, впрочем, весьма скоро приметил и подошел с улыбкой:

— Мистер Фокс? Мистер *Тристрам* Фокс?

— Да, как вам очень хорошо известно. Лучше сядьте. Если, разумеется, не желаете прямо сразу меня забрать.

Черный официант принес Тристраму выпивку.

— Забрать? — Офицер рассмеялся. — Ох, понятно. Слушайте, — сказал он официанту, — я возьму то же самое. Да, — сказал он Тристраму, — вы совсем как ваш брат. То есть как ваш брат Дерек. Внешне. В остальном я, конечно, не знаю.

— Не играйте со мной, — сказал Тристрам. — Хотите предъявить обвинение — предъявляйте. — И даже руки вперед протянул, точно велосипедиста изображал.

Офицер рассмеялся погромче.

— Примите мой совет, мистер Фокс, — сказал он. — Если вы сделали что-то предосудительное, ждите, пока оно обнаружится. У нас дел хватает и без добровольных признаний, видите ли. — Он положил на стол инертные руки, словно показывал, что они не запятнаны кровью, и приятно улыбнулся Тристраму. Выглядел человеком приличным, приблизительно ровесник Тристрама.

— Ну, — сказал Тристрам, — если разрешите спросить...

Офицер покрутил головой, как будто проверяя, не услышит ли кто, специально подслушивая или просто случайно. Но Тристрам смиренно выбрал дальний одинокий столик. Офицер с удовлетворением слегка кивнул. И сказал:

— Не хочу сообщать свое имя. Чин вы видите — капитан. Я работаю, видите ли, в организации, где ваш брат Комиссар. И хочу поговорить именно о вашем брате. Я так понял, вы не очень любите своего брата.

— Фактически нет, — сказал Тристрам. — Только не понимаю, какое это имеет отношение к чему-либо или к кому-либо.

Официант принес капитану алк, а Тристрам заказал еще.

— За мой счет, — сказал капитан. — Два принесите. Налейте двойные.

Тристрам поднял брови и сказал:

— Если вы собираетесь напоить меня, чтобы я сказал, чего не следует...

— Какая галиматья, — рассмеялся капитан. — Я сказал бы, вы очень подозрительный человек, видите ли. Полагаю, вам это известно. Догадываюсь, вам известно, что вы очень подозрительный человек.

— Да, — сказал Тристрам. — Обстоятельства во всех вселяют подозрительность.

— Я бы сказал, — сказал капитан, — ваш брат Дерек очень хорошо устроился, согласитесь? Разумеется, невзирая на многие вещи. Несмотря, например, на семейные сведения. Да ведь он гомик, видите ли, а это означает искупление всех прочих грехов, к примеру, отцовских грехов, видите ли.

— Он очень хорошо устроился, — сказал Тристрам. — Теперь Дерек очень большой человек.

— О, только я бы не назвал его положение неуязвимым, ни о какой неуязвимости речь вообще не идет. Что касается большого человека... ну, величина — вещь весьма относительная, не так ли? Да, — согласился капитан сам с собой, — именно так.

Он придвинулся ближе к Тристраму и вроде бы без какой-либо связи

сказал:

— Мой чин в Министерстве по справедливости наделяет меня, как минимум, майорским званием в новых войсках, видите ли. Однако вы меня видите лишь с тремя капитанскими шпалами. Короны носит человек по фамилии Данн, гораздо младше меня. Вы когда-нибудь переживали нечто подобное, мистер Фокс? Вы когда-нибудь, видите ли, испытывали унижение, наблюдая за повышением младшего через вашу голову?

— О да, — сказал Тристрам. — О да, конечно. О, очень даже, конечно. Официант принес два двойных алка:

— Апельсиновка кончилась. Тут смородиновка. Надеюсь, джентльмены не возражают.

— Я так и думал, — кивнул капитан, — что вы поймете.

— Разумеется, из-за того, что не гомик, — сказал Тристрам.

— Полагаю, — сказал капитан, основательно преуменьшая, — это как-то повлияло. Ваш брат, конечно, последним стал бы отрицать, скольким он, видите ли, обязан своей весьма извращенной сексуальности. А теперь, мистер Фокс, вы должны рассказать мне об этой его весьма извращенной сексуальности. Вы ведь всю жизнь его знаете. По-вашему, она настоящая?

— Настоящая? — нахмурился Тристрам. — Я бы сказал, чересчур, прямо до ужаса настоящая. Он начал все эти игры, когда ему и шестнадцати не было. К девочкам никогда никакого интереса не проявлял.

— Никогда? Хорошо. Теперь вернемся к вашему признанию, что вы человек подозрительный, мистер Фокс. Вы когда-нибудь подозревали свою жену? — Он улыбнулся. — Трудно задавать мужу подобный вопрос, но я спрашиваю с самыми честными намерениями.

— Я не вполне понимаю... — сказал Тристрам. А потом: — Помилуй Дог, на что вы намекаете?

— Начинаете понимать, — кивнул капитан. — Вы довольно сообразительны в таких вещах. Дело, видите ли, в высшей степени деликатное.

— Вы пытаетесь мне сказать, — недоверчиво сказал Тристрам, — вы пытаетесь намекнуть, будто моя жена... будто моя жена с моим братом Дерекком...

— Я вот уже какое-то время за ним наблюдаю, — сказал капитан. — Он знает, что я за ним наблюдаю, но, похоже, не особенно беспокоится. Мужчине с нормальной сексуальной ориентацией прикидываться гомосексуалистом наверняка очень трудно, все равно что без конца улыбаться. Могу поклясться, ваш брат Дерек при разнообразных okazиях виделся с вашей женой. Могу назвать даты. Он много раз бывал в вашей

квартире. Конечно, все это, возможно, никакого значения не имеет. Возможно, он давал вашей жене уроки русского языка.

— Сука, — сказал Тристрам. — Ублюдок. — Он не знал, кого из них надо еще разок обругать. — Она никогда не рассказывала. Никогда ни слова не говорила про его визиты в квартиру. Да, теперь все складывается. Да, начинаю понимать. Я его встретил на выходе. Примерно месяца два назад.

— А. — Капитан снова кивнул. — Хотя, видите ли, никогда не имелось ни единого реального доказательства чего-либо. В суде, когда были суды, все это не считалось бы реальным свидетельством преступления. Возможно, ваш брат регулярно посещал квартиру, обожая племянника. Он, разумеется, в вашем присутствии не приходил бы, зная, что вы его не любите, равно как, если на то пошло, и он вас. А жена ваша не хотела рассказывать о его посещениях, видите ли, из опасения, как бы вы не рассердились. А когда ребенок умер, два месяца назад, если я правильно припоминаю, визиты прекратились. Конечно, визиты могли прекратиться совсем по иной причине, а именно из-за его продвижения на занимаемый ныне пост.

— А вы много знаете, правда? — язвительно спросил Тристрам.

— Я и должен много знать, — сказал капитан. — Только, видите ли, подозревать — совсем не то что знать. Перейду теперь кое к чему важному и действительно мне известному про вашу жену и про вашего брата. Ваша жена написала вашему брату. Написала она ему то, что в старые времена называлось любовным письмом. Только одно, не больше, но, разумеется, в высшей степени инкриминирующее. Письмо это она написала вчера. В нем она говорит, как сильно по вашему брату соскучилась и, само собой разумеется, как сильно его любит. Есть там и некоторое количество эротических деталей, не слишком много, но некоторое количество. С ее стороны было глупо писать это письмо, но со стороны вашего брата было еще глупей не уничтожить его сразу после прочтения.

— Значит, — прорычал Тристрам, — *вы* его видели, да? Изменница, сука, — добавил он. А потом: — Это все объясняет. Я знал, что не мог ошибиться. Я знал. Лживая вероломная маленькая... — Он говорил серьезно.

— К сожалению, — сказал капитан, — насчет письма вам придется поверить мне только на слово. Думаю, ваша жена будет все отрицать. Но она будет ждать очередного короткого выступления по телевидению вашего брата Дерека, ибо просила его дать в коротком очередном выступлении тайный знак. Попросила каким-либо образом вставить слово «любить» или

слово «желать». Прелестная идея, — прокомментировал капитан. — Вы, однако, как я понимаю, не сочтете необходимым ждать подобного подтверждения. Видите ли, этого может и не случиться. В любом случае два эти слова, то, другое или оба вместе, вполне естественно, могут встретиться в телевизионной речи патриотического характера (ведь сейчас все телевизионные речи патриотические, не так ли?). Он может что-нибудь сказать о любви к стране, о желании каждого, видите ли, внести вклад в разрешение нынешней чрезвычайной ситуации. Суть в том, как я понимаю, что вам захочется действовать почти немедленно.

— Да, — сказал Тристрам. — Немедленно. Она может съезжать. Она может идти. Она может проваливать. Я больше вообще видеть ее не желаю. Пусть рождает своего ребенка. Пусть рождает его где угодно. Я не стану ее останавливать.

— Вы хотите сказать, — в благоговейном страхе спросил капитан, — ваша жена беременна?

— Не от меня, — сказал Тристрам. — Я так и знал. Клянусь, не от меня. От Дерека. От свиньи Дерека. — Он грохнул по столу, стаканы заплясали под собственную музыку. — Родной брат мне наставил рога, — сказал он, как в какой-то потешной елизаветинской пьесе.

Левым мизинцем капитан разгладил рыжеватые усы — сперва один, потом другой.

— Понятно, — сказал он. — Официально мне это неизвестно. Нет доказательств, видите ли, что вы не несете за это ответственность. Существует возможность, вы должны признать, что этот ребенок, — если когда-нибудь этот ребенок родится, чего, разумеется, официально произойти не должно, — что это ваш ребенок. Я имею в виду, откуда кому-нибудь официально знать, что вы говорите правду?

Тристрам прищурился на него:

— Вы мне верите?

— Чему я верю, к делу не подошьешь, — сказал капитан. — Однако вы должны признать, что, пришив это дело Комиссару Популяционной Полиции, мы столкнемся, видите ли, с недоверием. Связь с женщиной — другое дело. Для вашего высокопоставленного брата это грешно и глупо. Но обрюхатить *inamorata*^[19] — блистательный пример головокружительного идиотизма, чересчур идиотского, чтобы в него поверить. Видите? Видите? — Он впервые использовал это выражение в качестве прямого вопроса.

— Я до него доберусь, — пригрозил Тристрам. — Не бойтесь, я до этой свиньи доберусь.

— Выпьем за это еще по одной, — сказал капитан. Черный официант торчал поблизости, похлопывал металлическим подносом по своему чуть согнутому колену, немелодично гудя под жестяной барабан. Капитан щелкнул пальцами. — Еще два двойных, — заказал он.

— Они одинаково виноваты, — сказал Тристрам. — Бывает ли хуже предательство? Предательство жены. Предательство брата. Ох, Доже, Доже, Доже. — Он закрыл руками лицо и глаза, не позволяя вырваться слову «предательство», но выговаривая его дрожащими губами.

— Он единственный настоящий виновник, — сказал капитан. — Он предал не только брата. Он предал Государство, свое высокое положение в Государстве. Совершил самое гнусное и постыдное преступление, видите ли. Сперва до него, до него доберитесь. Ваша жена — просто женщина, у женщин не особенное чувство ответственности. Он, только он. До него доберитесь.

Прибыла выпивка похоронного лилового цвета.

— Только подумать, — простонал Тристрам, — я дарил ей любовь, веру, все, что может дать мужчина. — Он хлебнул алк с фруктовым соком.

— К черту все это, видите ли, — нетерпеливо сказал капитан. — Только вы можете до него добраться. Что я в своем положении могу сделать, а? Даже если бы я сохранил то письмо, если бы я его сохранил, думаете, он не знал бы? Думаете, не напустил бы на меня своих головорезов? Он опасный человек.

— А я что могу? — со слезами спросил Тристрам. — У него ведь такое высокое положение. — Новый стакан был полон чего-то слезливого. — Воспользовался своим положением, вот что он сделал, ради предательства родного брата. — Он еле шевелил губами, влага сочилась из-под контактных линз. Но кулак неожиданно твердо стукнул по столу. — Сука, — взорвался Тристрам, продемонстрировав нижний набор зубов. — Обожди, дай мне ее увидеть, просто обожди.

— Да, да, да, видите ли, это может обождать в самом деле. Слушайте, сперва до него доберитесь, я вам говорю. Он квартиру сменил, 2095, Уинтроп-Мэншнс. Там до него доберитесь, разделайтесь с ним, проучите. Он один живет, видите ли.

— Вы хотите сказать, его надо убить? — удивленно спросил Тристрам. — Убить?

— Это всегда называлось *crime passionel*^[20]. Рано или поздно жену вашу можно заставить признаться, видите ли. До него доберитесь, разделайтесь с ним.

Тристрам ощутил неуверенное подозрение.

— До какой степени я вам могу доверять? — сказал он. — Я не позволю меня использовать, не собираюсь делать за кого-то грязную работу, видите ли. — Это выражение обязательно должно было его заразить. — Наговорили тут всякого про мою жену. Откуда мне знать, что это справедливо, откуда знать, что это правда? У вас нет доказательств, вы не представили никаких доказательств. — Он оттолкнул свой пустой стакан на середину стола. — Все заказываете эту поганую выпивку, стараетесь меня напоить. — Он с некоторым трудом стал подниматься. — Я пойду домой разбираться со своей женой, вот что я сделаю. Потом посмотрим. Но не буду за вас делать грязную работу. Я никому не верю, и точка. Интрига, вот что это такое.

— Значит, вы еще не убедились, — сказал капитан и начал рыться в боковом кармане кителя.

— Да, интрига. Борьба за власть внутри партии, характерная для Интерфазы. Я историк, вот кто я такой. Я должен был возглавлять Факультет общественных Наук, если б не эта свинья гомик...

— Хорошо, хорошо, — сказал капитан.

— Предан, — драматично сказал Тристрам. — Предан всеми этими гомиками.

— Если будете продолжать в том же роде, — сказал капитан, — вас самого задержат.

— Больше вы ни на что не способны, только людей задерживать. Задерживать развитие, ха-ха. — И еще разок: — Предан.

— Очень хорошо, — сказал капитан. — Хотите доказательство — вот оно.

Он вытащил из кармана письмо и высоко его поднял.

— Дайте, — сказал Тристрам, пытаясь схватить письмо. — Дайте взглянуть.

— Нет, — сказал капитан. — Если вы мне не верите, почему я должен вам верить?

— Вот как, — сказал Тристрам. — Значит, она ему написала. Грязное любовное письмо. Обождите, дайте мне ее увидеть. Обождите, дайте мне их обоих увидеть. — Он со звоном высыпал на стол горсть несчитанных септ и флоринов, незаметно и очень нетвердо начал двигаться к выходу.

— Сначала его, — сказал капитан. Но Тристрам петлял прочь, слепо и твердо нацелясь. Капитан сделал трагикомическую гримасу, сунул письмо обратно в карман. Это было письмо его старого друга, некоего Дика Тернбулла, проводившего выходные в Шварцвальде. Люди нынче не смотрят, не слушают и не запоминают. Но другое письмо все-таки

существовало. Капитан Лузли вполне определенно видел его на столе Столичного Комиссара. К несчастью, Столичный Комиссар — прежде чем бросить письмо вместе с прочей личной корреспонденцией, в том числе оскорбительной, в адскую дыру в стене, — видел, что капитан его видел.

Глава 6

Песчаные креветки, яйцевые капсулы скатов, морская смородина, кости крупного рогатого скота, губан, морская собачка и бычок-рогач, крачка, олуша и серебристая чайка. Беатрис-Джоанна в последний раз дыхла морем, а потом направилась к Государственному Продовольственному Магазину (отделение на Росситер-авеню) у подножия горы Сперджин-Билдинг. Пайки снова урезали, как без предупреждения, так и без извинений от ответственных за это двойняшек-министерств. Беатрис-Джоанна получила и заплатила за два брикета коричневого овощного дегидрата (бобовин), большую белую жестянку синтемола, прессованные зерновые листы, синюю бутылку «орешков», или питательных единиц. Однако, в отличие от других покупательниц, не прибегла к жалобам и угрозам (хотя они звучали глухо, три дня назад возникали мелкие, быстро утихомирённые бунты покупателей, и двери сегодня фланкировали серые); она чувствовала, что полна морем, словно неким сытным круглым гигантским блюдом подрагивающего сине-зеленого мяса с мраморными прожилками. Покидая магазин, неопределенно гадала, каким должно быть мясо на вкус. Рот ее помнил только соль живой человеческой кожи в чисто любовном контексте, — мочки ушей, пальцы, губы. «Ты моя котлетка», — пелось в песне про обожаемого Фреда. Именно это, по ее предположению, понималось под термином сублимация.

И тут на переполненной улице, занятая невинной задачей домашней хозяйки, она внезапно столкнулась с громкими обвинениями со стороны своего мужа.

— Вот ты где, — прокричал он, шатаясь от алка. Бешено семафорил ей, как бы прилипнув ногами к тротуару у входа в квартиры, занимавшие большую часть Сперджин-Билдинг. — Застигнута в момент преступления, а? Застигнута в момент возвращения после него. — Многие прохожие проявляли интерес. — Притворяешься, будто ходила за покупками, да? Я все знаю, поэтому нечего притворяться. — Он игнорировал сетку со скудной провизией. — Мне все рассказали, целую кучу. — Затоптался, замахал руками, точно стоял высоко на подоконнике. Крошечная жизнь

внутри Беатрис-Джоанны дрогнула, как бы почуяв опасность.

— Тристрам, — храбро начала она с упрёка, — ты опять алка набрался. Ну-ка, заходи сейчас же, садись в лифт...

— Предательство, — взвыл Тристрам. — Ждёшь ребенка. От моего собственного распроклятого брата. Сука, сука. Ну, жди. Давай проваливай, рожай. Все знают, всё знают. — Некоторые прохожие выражали неодобрение.

— Тристрам, — сказала Беатрис-Джоанна, распуская губы.

— Не называй меня Тристрам, — сказал Тристрам, будто это было не его имя. — Лживая сука.

— Заходи, — приказала Беатрис-Джоанна. — Это была ошибка. Тема не для публичного обсуждения.

— Да ну? — сказал Тристрам. — В самом деле? Давай убирайся.

Вся запруженная улица, небеса превратились в его собственный поруганный дом, в камеру пыток. Беатрис-Джоанна решительно попыталась войти в Сперджин-Билдинг. Тристрам попытался ее не пустить, размахивая руками-ресничками.

Потом со стороны Фрауд-Плейс послышался шум. Это была процессия суровых мужчин в комбинезонах, издававших разноголосые недовольные крики.

— Видишь, — триумфально сказал Тристрам. — Все знают.

На комбинезонах у всех мужчин были короны с буквами НПС — Национальные Предприятия Синтеткана. Некоторые несли символы недовольства — куски синтетической ткани, прицепленные к ручкам от метел, поспешно приколотые к тонким шестам куски картона. Единственной настоящей надписью была логограмма ЗБСТВК; на остальных красовались грубые рисунки человеческих скелетов.

— Между нами все кончено, — сказал Тристрам.

— Ты, дурной идиот, — сказала Беатрис-Джоанна, — заходи. Нечего нам сюда вмешиваться.

Лидер рабочих с безумными глазами влез на подножие уличного фонаря, цепляясь левой рукой за столб.

— Братья, — воззвал он, — братья. Если им требуется честный рабочий день, они должны, черт возьми, кормить нас как следует.

— Повесить старика Джексона, — махнул рукой рабочий постарше. — Вздернуть его.

— Сунуть в котел с похлебкой, — крикнул какой-то монгол со смешным косоглазием.

— Не валяй дурака, — тревожно сказала Беатрис-Джоанна. — Ты как

хочешь, а я отсюда ухожу. — Она яростно оттолкнула Тристрама с дороги. Разлетелась провизия, Тристрам пошатнулся, упал. И заплакал.

— Как ты могла, *как ты могла* с моим собственным братом?

Она мрачно вошла в Сперджин-Билдинг, оставив его исполнять укоризненную сонату. Тристрам с трудом поднялся с тротуара, схватил банку синтемола.

— Хватит толкаться, — сказала какая-то женщина. — Я-то тут при чем. Я хочу домой попасть.

— Пусть они угрожают, — сказал лидер, — до полного посинения, черт побери. У нас есть права, и они отобрать их не могут, а отказ от работы — законное право в случае справедливого недовольства, и пускай они это попробуют отрицать, черт возьми. — Рев. Тристрам обнаружил, что его закружило, втягивая в толпу рабочих. Тоже попавшая туда школьница начала плакать.

— Вы правильно делаете, — кивнул молодой человек, прыщавый, плохо выбритый. — Многие, черт побери, голодают, вот как.

Косоглазый монгол всем лицом повернулся к Тристраму. На его пористый нос села муха; разрез глаз позволял ему хорошо ее видеть. Он с восторгом следил, как она улетала, словно это символизировало освобождение.

— Меня зовут Джой Блэклок, — сказал он Тристраму. И, довольный, опять отвернулся слушать своего лидера.

Лидер — к несчастью, сам плотный, как птица, откормленная к столу, — кричал:

— Пускай слышат, как урчат пустые кишки рабочих.

Рев.

— Солидарность, — кричал плотный лидер.

Опять рев. Тристрама давили, толкали. Потом вынырнули двое серых из Государственного Продовольственного Магазина (отделение на Росситер-авеню), вооруженные только дубинками. С виду мужественные, яростно взялись дубасить. Поднялся великий крик боли и злобы, когда они начали дергать за правую руку цеплявшегося за фонарь лидера. Лидер отмахивался, протестовал. Один полицейский упал и был смят башмаками. Неведомо откуда на чьем-то лице, серьезнейшем из серьезных, появилась кровь.

— А-а-агрх, — прохрипел мужчина рядом с Тристрамом. — Бей гадов. Школьница заверещала.

— Пропустите ее, — закричал протрезвевший Тристрам. — Ради Дога, дайте там дорогу.

Громящая толпа напирала. Еще стоявший на ногах серый оказался в безвыходном положении у стены Сперджин-Билдинг из камня, легко поддающегося обработке. Тяжело дыша открытым ртом, он крушил черепа и лица. Кто-то выплюнул верхнюю вставную челюсть, и в воздухе на секунду зависла улыбка Чеширского Кота. Потом глухо затрещали свистки.

— Еще гады идут, — сказал гортанный голос в затылок Тристраму. — Навалимся на них, черт побери.

— Солидарность, — кричал затерявшийся лидер где-то среди кулаков.

Мрачными glissandi^[21] с интервалами в три тона взмывали и падали сирены полицейских машин. Толпа языками плеснулась в разные стороны, как огонь или воды, разрезаемые каменным молом. Школьница на паучьих ножках просовывалась через дорогу, как в игольное ушко, спасаясь в переулке. Тристрам все еще стискивал, точно младенца, белую жестянку синтемола. Теперь улицу взяли серые — одни крутые, тупые, другие с довольно приятной улыбкой, все с карабинами на изготовку. Офицер с двумя яркими шпалами на каждом плече чеканил шаг, держа во рту свисток, как дитя соску, положив руку на кобуру. В обоих концах улицы стояли толпы, наблюдали. Плакаты и стяги, неуверенно покачиваясь туда-сюда над плечами, казались уже оробевшими, одинокими. Ждали черные фургоны с открытыми боковыми дверцами, грузовики с опущенными задними бортами. Сержант что-то проорал. В одном месте шла толкотня, наступала старая гвардия. Сверкавший инспектор со свистком вытащил из кобуры пистолет. Издал одинокий серебряный свисток; карабин плюнул в воздух.

— Хватай содомитов, — крикнул рабочий в разорванном комбинезоне. Осторожный напор фаланги крушителей быстро приобретал инерцию, серые падали с воплями. Свисток теперь сверлил зубной болью. Открыто вскинулись карабины, от стен щелчками заверещали выстрелы.

— Руки вверх, — приказал инспектор, выплюнув изо рта свисток. Кое-кто из рабочих упал, хватая ртом воздух, истекая кровью под солнцем.

— Всех забрать, — гаркнул сержант. — Места всем хватит, красавчики.

Тристрам выронил банку синтемола.

— Смотри вон за тем, — закричал офицер. — Самодельная бомба.

— Я не из этих, — попытался объяснить Тристрам, заложив руки за голову. — Я просто шел домой. Я учитель. Я категорически протестую. Уберите свои грязные руки.

— Ладно, — послушно сказал серый здоровяк и всадил карабин ему прямо в живот. Тристрам испустил деликатный фонтанчик лилового сока,

разбавлявшего алк. — Садись. — Его впихнули в черный грузовик; носовые пазухи болезненно остро чуяли вкус кратковременной рвоты.

— Мой брат, — запротестовал он, — комиссар Поппоппоппоп... — Никак не мог остановиться. — Там моя жена, дайте мне хотя бы поговорить с женой.

— Садись.

Он пополз вверх по планкам откинутого заднего борта.

— Поговори-и-ть с жено-ой, — передразнил голос рабочего. — Ха-ха.

Грузовик был полон пота, отчаянного пыхтения, точно все находившиеся внутри были милостиво спасены после некоего убийственного пробега через всю страну. Задний борт звякнул веселой музыкой цепей, упал брезентовый полог. В полной темноте веселились рабочие, кто-то пропищал девичьим голосом:

— Остановите, или я маме скажу.

И еще:

— Ох, ты просто чудовище, *в самом деле*, Артур.

Старательно дышавшая туша рядом с Тристрамом сказала:

— Они несерьезно относятся к этому, вот в чем проблема со многими, кто тут собрался. Пускай все вразнос идет, вот что они делают.

Глухой голос со слабыми западными гласными любезно спросил:

— Не хочет ли кто-нибудь сандвич с жареным яйцом?

— Слушайте, — чуть не плакал Тристрам в вонючей темноте. — Я просто шел разобраться с женой, вот и все. Ко мне это никакого отношения не имеет. Это несправедливо.

Серьезный голос сбоку от него сказал:

— Конечно, несправедливо. Они всегда несправедливы к рабочему человеку.

Другой с враждебным Тристраму акцентом буркнул:

— Заткнись, понял? Мы таких типов знаем. Я за тобой присматриваю, — что явно было невозможно. Тем временем они, насколько можно было сказать, двигались конвоем под рев; возникало ощущение, будто улицы полны счастливых, неарестованных людей. Тристраму хотелось расплакаться.

— Я так понял, — сказал новый голос, — что вы не желаете присоединяться к нашей борьбе, верно, друг? Интеллектуалы никогда не вставали на сторону рабочих. Иногда позволяли себе, но лишь в целях предательства.

— Это меня предали, — вскричал Тристрам.

— Дайте там ему в задницу, — сказал кто-то.

— Предательство чиновников, — раздался скучающий голос. Заиграла гармошка.

Наконец грузовик остановился, заскрежетали в последний раз тормоза, открылась и захлопнулась дверца водителя. Звук поворачиваемых в пазах болтов, бряцание цепи, и, как ветер, ворвался огромный дневной свет.

— Вылезай, — сказал вооруженный карабином капрал, микронезиец, отмеченный оспинами.

— Послушайте, — сказал, вылезая, Тристрам. — Я хочу высказать самый категорический, какой только можно, протест по этому поводу. Я требую, чтобы мне разрешили позвонить по телефону Комиссару Фоксу, моему брату. Это чудовищная ошибка.

— Заходи, — сказал констебль, и Тристрама вместе с остальными втолкнули в дверь. Сорок с лишним этажей вздымались к небу над их головами.

— Вас тут целая куча, — сказал сержант. — По тридцать пять на камеру. Полно для вас места, вы, до ужаса антиобщественные субъекты, вот вы кто такие.

— Я протестую, — запротестовал Тристрам. — Не пойду, — продолжал он, входя.

— Ох, заткни ты его, — сказал какой-то рабочий.

— С удовольствием, — сказал сержант.

Звякнули три болта, для надежности заскрежетал ключ в ржавой скважине.

Глава 7

Беатрис-Джоанна собрала всего одну сумку; особенно нечего было укладывать. Нынешний век не век собственности. Она попрощалась со спальней, глаза ее увлажнились при последнем взгляде на крошечную кроватку в стене, принадлежавшую Роджеру. Потом пересчитала в гостиной всю свою наличность: пять банкнотов по гинее, тридцать крон, еще септы, флорины, таннеры. Хватит. Времени извещать сестру не было, но Мевис часто говорила и часто писала: «Что ж, в любое время приезжай. Только не привози с собой этого своего мужа. Знаешь, Шонни его не выносит». Беатрис-Джоанна улыбнулась при мысли о Шонни, потом заплакала, потом взяла себя в руки. А еще выключила главный рубильник, гул холодильника стих. Теперь квартира была мертва. Виновата? С чего бы ей себя чувствовать виноватой? Тристрам велел выметаться, она и

выметается. Снова попробовала угадать, кто ему рассказал, многим ли все известно. Может быть, больше она никогда не увидит Тристрама. Крошечная жизнь внутри нее сказала: «Действуй, не рассуждай. Пошевеливайся. В счет иду только я». Беатрис-Джоанна думала, что в Северной Провинции окажется в безопасности; оно будет в безопасности. Она не могла думать ни об одном другом обязательстве, кроме обязательства перед этим единственным дюймо́м протеста весом в тридцать с чем-то гран, о клетках, которые в знак протеста делятся снова и снова, о вспышках протеста — эпи, мезо, гипо. Крошечная жизнь протестует против монолита смерти. Прочь отсюда.

Начинался дождь, поэтому она накинула дождевик, тонкую, как туман, кожицу. На тротуаре была засохшая кровь, иголки дождя подкалывали ее, чтоб она потекла, пускай даже в канализацию. Дождь шел с моря, отстаивал жизнь. Она резкими шагами вышла на Фрауд-сквер. В красном светящемся входе в подземку в красном свете мельтешили люди, как черти в мифическом старом аду, молча, шумно, с хохотом уносясь в одиночку и парами вниз по рокочущему эскалатору. Беатрис-Джоанна взяла в автомате билет, нырнула в дезинфицированные белые катакомбы, где ветер налетал из туннелей, села в поезд до Центрального Лондона. Быстрый вид транспорта, доставит скорее чем за полчаса. Рядом старая женщина шамкала, шамкала, разговаривала сама с собой с закрытыми глазами, через определенные интервалы говорила вслух:

— Дорис была хорошая девочка, хорошая для своей матери, а другая...

Престон, Патчем, Пендин. Пассажиры выходили, пассажиры входили. Пайкомб. Старушка вышла, бормоча:

— Дорис...

— Привыкли пироги есть ^[22], — сказала бледная толстая мать в голубой пудре. Ее ребенок плакал. — Голодный, вот в чем дело, — сказала она.

Перегоны теперь становились длиннее. Олбурн. Хикстед. Боулни. Уорнинглайд. В Уорнинглайде вошел мужчина с ученым видом, с жилистой шеей, сел рядом с Беатрис-Джоанной и, пыхтя, как черепаха, начал читать. «Сн Влм Шкспр». Развернул батончик синтешока, стал жевать, отдуваясь. Ребенок снова заплакал. Хэндкросс. Пиз-Поттедж ^[23].

— И гороховый суп ели, — сказала мать.

Кроули. Хорли, Солфордс. Ничего съедобного.

Редхилл. Ученый в Редхилле вышел, вошли трое из Популяционной Полиции. Это были молодые люди, субалтерны, с хорошей фигурой,

поблескивавшей металлом, в черной форме, запачканной волосками, перхотью, крошками от еды. Дерзко опытным взглядом окинули пассажиров, как бы высверливая нелегальную беременность. Беатрис-Джоанна вспыхнула. Хоть бы поездка поскорей закончилась. Мерстэм, Кэтрэм, Коулсдон. Скоро. Она прижала руки к животу, как будто обитавшая в нем клетка уже прыгала с заметной глазу радостью. Перли, Кройдон, Торнтон-Хит, Норвуд. Офицеры полиции вышли. Теперь поезд с урчанием вгрызался в глубокое черное сердце древнего города. Далвич, Кэмберуэлл, Центральный Лондон. И вскоре Беатрис-Джоанна пересела на местную линию до конечной станции Северо-Запад.

Ее потрясло количество серой и черной полиции, кишевшей на шумной станции. Она встала в очередь в билетный зал. Офицеры обеих полиций сидели за длинными столами, загораживавшими проход к кассам. Щеголеватые, наглые, лаконичные.

— Пожалуйста, удостоверение личности. — Она протянула карточку. — Место назначения?

— Государственная Ферма СЗ₃₁₃ за Престоном.

— Цель поездки?

Она легко попала в ритм:

— Простой визит.

— К друзьям?

— К сестре.

— Ясно. К *сестре*. — Это грязное слово. — Продолжительность визита?

— Не могу сказать. Слушайте, зачем вам это нужно?

— Продолжительность визита?

— Ох, возможно, шесть месяцев. Может, дольше. — Много ли можно им говорить? — Видите ли, я оставила мужа.

— Гм. Гм. Будьте добры, проверьте пассажирку. — Клерк-констебль переписал сведения из ее удостоверения личности в официальную темно-желтую анкету. Тем временем у другой молодой женщины возникли проблемы.

— Говорю вам, я *не* беременна, — повторяла она.

Золотоволосая тонкогубая женщина из полиции стала подталкивать ее к дверям с табличкой: «МЕДИЦИНСКИЙ ИНСПЕКТОР».

— Скоро увидим, — сказала она. — Скоро мы все узнаем, не правда ли, милая?

— Но я *не* беременна, — кричала молодая женщина. — *Нет*, я вам

говорю.

— Вот, — сказал дознаватель, возвращая Беатрис-Джоанне удостоверение с печатью. У него было милое лицо школьного старосты, мрачность на нем казалась пугающей маской. — Слишком много нелегально беременных пытаются бежать в провинции. *Вы* ведь не совершаете ничего подобного, правда? В карточке сказано, у вас один ребенок. Сын. Где он в данный момент?

— Умер.

— Ясно. Ясно. Ну, тогда, значит, все. Проходите.

И Беатрис-Джоанна пошла покупать билет на север в один конец.

Полиция у барьеров, полицейские патрули на платформе. Переполненный поезд (на ядерном топливе). Беатрис-Джоанна, уже измученная, села между худым мужчиной, окостеневшим до такой степени, что кожа казалась какой-то броней, и очень маленькой женщиной с болтавшимися, как у очень большой куклы, ногами. Напротив сидел мужчина в клетчатом костюме с грубым лицом комедианта, безнадежно сосавший искусственный глазной зуб. Маленькая девочка с открытым ртом, точно у нее росли аденоиды, в строгом медленном ритме оглядела Беатрис-Джоанну с головы до ног и с ног до головы. Очень толстая молодая женщина сияла предупредительным фонарем, а ноги ее до того походили на дерево, что как будто росли из пола купе. Беатрис-Джоанна закрыла глаза. И почти сразу навалился сон: серое поле под грозовым небом; стонут, качаются растения вроде кактусов; люди, похожие на скелеты, падают, высунув черные языки; потом сама она оказалась участницей акта совокупления — с некоей мощной мужской формой, которая не появлялась на сцене. Раздался громкий смех, и она, отбрыкиваясь, очнулась. Поезд еще стоял на станции; коллеги-пассажиры смотрели на нее лишь с легким любопытством (кроме девочки с аденоидами). Потом — словно тот самый сои был обязательным ритуалом перед отъездом — они медленно тронулись, оставляя позади серую и черную полицию.

Глава 8

— Что они с нами сделают? — спросил Тристрам.

Глаза привыкли к темноте, он сумел разглядеть рядом косоглазого монгола, который сотни лет назад называл ему свое имя на взбунтовавшейся улице, — Джо Блэклок. Из других заключенных одни по-

шахтерски распластаны — сидеть было не на чем, — другие стены подпирают. Одного старика, прежде флегматика, обуял лихорадочный приступ; вцепившись в прутья решетки, он кричал в коридор:

— Я оставил включенной плиту. Дайте мне пойти домой и выключить. Я сразу же вернусь, честно, — а теперь лежал в изнеможении на холодных плитах.

— Что сделают? — переспросил Джо Блэклок. — Никого не пропустят, насколько я знаю. Насколько я знаю, одних выпустят, других оставят. Правда, Фрэнк?

— Зачинщиков взяли за дело, — сказал Фрэнк, сухопарый, высокий. — Мы все Гарри твердили, это пустая трата времени. Не надо бы этого делать. Смотри, куда это нас привело. Смотри, куда это его привело.

— Кого? — спросил Тристрам. — Куда?

— Он себя называет лидером забастовки. Теперь крепко потрудится ни за что ни про что. Может, и хуже того, гайки кругом ведь все ту же закручиваются. — Он наставил на Тристрама палец на манер пистолета. — И тебе может быть то же самое, — сказал он. — Кх-кх.

— Ко мне это никакого отношения не имеет, — в тридцатый раз сказал Тристрам. — Меня просто в толпу затянуло. Все это ошибка, я вам повторяю.

— Правильно. Им и скажешь, когда за тобой придут. — Потом Фрэнк ушел в угол мочиться. Вся камера уютно пропахла мочой. Мужчина средних лет с седым хохолком на макушке, с безумным, как у проповедника, видом, подошел к Тристраму и сказал:

— Вы себя выдаете, как только рот открываете, мистер. Благослови ваше сердце и душу, они вас признали интеллектуалом, как только вы там появились. Я вас считаю поистине храбрым так или иначе, раз вы за рабочих вступились. Придут лучшие времена, вам воздастся, попомните мои слова.

— Но я за них не вступался, — едва не заплакал Тристрам. — Не вступался.

— Ах, — сказал голос в углу, — я чую шаги, воистину мыслю.

В коридоре зажегся свет, сырой, как яйцо; к камере протопали ботинки. Старик с пола взмолился:

— Я только хочу ее выключить. Я быстро.

Прутья решетки, мертво-черные при включенном свете, откровенно им всем ухмыльнулись. Двое серых, молодые вооруженные головорезы, ухмыльнулись из-за ухмыляющейся решетки. Выстрелили болты, заскрежетал ключ, поворачиваясь, решетчатая дверь открылась.

— Хорошо, — сказал один серый, молодой парень, перетасовывая колоду удостоверений личности. — Эти я обратно отдаю, ясно? Те, кому я их отдам, могут проваливать и больше не дурить. Хорошо. Аарон, Адис, Барбер, Вивиан, Виллис...

— Ну чего я такого плохого сделал, черт побери? — сказал Джо Блэклок.

— ...Вильсон, Вильсон, Вильсон, Мохаммед Дауд, Джилл, Джонс, Дилк...

Мужчин быстро хватали и грубо выталкивали на свободу.

— ...Доддс, Дэвенпорт, Ивенс, Коллинз, Линдсей, Лоури...

Камера быстро пустела.

— ...Макинтош, Морган, Мэйфилд, Норвуд, О'Коннор...

— Я вернусь, — сказал трясущийся старик, беря свое удостоверение, — сразу, как только выключу. Спасибо, ребята.

— ...Пейджет, Радзинович, Смит, Снайдер, Такер, Тейлор, Франклин, Фэрбразер, Хокни...

— Тут какая-то ошибка, — закричал Тристрам. — Я на «Ф».

— ...Хамидин, Чанг, Эндор, Юкак. Все. Ты кто, парень? — спросил серый Тристрама.

Тристрам сообщил.

— Ну, ты тут остаешься, вот так.

— Я требую встречи с начальником, — потребовал Тристрам. — Я требую разрешения связаться с моим братом. Дайте мне позвонить жене. Я напишу Министру Внутренних Дел.

— Пиши, вреда не будет, — сказал серый. — Может, начнешь писать — утихомиришься. Давай, парень. Пиши.

Глава 9

— Ух ты, — прогудел Шонни, — слава Богу Всевышнему, поглядите-ка, кто тут. Моя собственная малышка свояченица. Благослови и спаси нас Бог, выглядит ни единым днем старше, чем при нашем последнем свидании, а с тех пор, должно быть, минуло целых три года. Входи, входи, добро пожаловать. — Он подозрительно высунулся, продолжая: — Я зла ему не желаю, однако, надеюсь, ты не притащила с собой того самого страшного человека; видно, есть что-то такое в самом его виде, отчего у меня волосы дыбом встают да оскомина на зубах.

Беатрис-Джоанна с улыбкой качнула головой. Шонни был созданием

из баснословного прошлого — открытый, прямой, честный, мужественный, с загорелым, грубым, добродушным, лунообразным лицом, неожиданными льдисто-голубыми глазами, с верхней обезьяньей губой и мясисто обвисшей нижней; тело крупное, в мешковатой фермерской одежде.

— Мевис! — крикнул он. — Мевис!

И в крошечной прихожей появилась Мевис, на шесть лет старше Беатрис-Джоанны, с такими же волосами цвета сидра, глаза карие в крапинку, руки-ноги длинные, большие.

— У меня не было времени предупредить, — сказала Беатрис-Джоанна, целуя сестру. — Я уехала в спешке.

— Самое место, откуда бы надо поспешно уехать, — сказал Шонни, подхватив ее сумку, — этот самый ужасный огромный метрополис, да пошлет ему Бог дурных снов.

— Бедный маленький Роджер, — сказала Мевис, обняв сестру, ведя ее в гостиную. — Какой стыд.

Комната была не намного больше гостиной в квартире Фоксов, но, казалось, дышала простором и кислородом.

Шонни сказал:

— Прежде чем двинемся дальше, надо чего-нибудь выпить, — и открыл потайную дверцу, продемонстрировав взвод бутылок. — Такого никогда не купишь за те двадцать крон, что выкладываешь за четверть пинты в той самой погруженной во мрак карциноме, которую ты покинула, разрази ее Бог. — И поднял бутылку к электрическому свету. — Сливовица моего собственного изготовления, — сказал он. — Виноделие считается запрещенным, подобно множеству прочих полезных и богобоязненных дел, но черт с ними, со всеми мелкими душонками, законодателями, навозными жуками, да смилуется над ними Христос. — Он налил, приказал: — Возьмите в правую руку и повторяйте за мной. — И они выпили. — Обождите, — сказал Шонни. — За что ж это мы пили?

— За многое, — сказала Беатрис-Джоанна. — За жизнь. За свободу. За море. За нас. За кое-что, о чем я потом расскажу.

— Надо выпить за каждое по стакану, — просиял Шонни. — Славно, что ты с нами, — сказал он.

Шонни был панкельтом, одним из редких выживших представителей Кельтского Союза, которые в добровольном исходе покидали Британские острова и, волна за волной, оседали в Арморике^[24] почти сто лет назад. В Шонни смешалось крепкое варево из Мэна, Гламоргана, Шетландии, Эйршира и графства Корк, но он с жаром подчеркивал, что ни о каком смешении рас речь при этом не идет. Фергюс — Моисей Союза — учил,

что кельты были единым народом, язык у них един и религия принципиально одна. Он разработал доктрину второго пришествия Мессии, заимствованную из католицизма, кальвинизма, методизма, пресвитерианства: церковь, кирха и капелла — один храм грядущего Господа. Их миссия в мире, где пелагианство фактически было индифферентизмом^[25], заключалась в сохранении факела христианства, как некогда перед саксонскими ордами.

— Знаешь, мы молились, — сказал Шонни, наливая дамам еще вина, — хоть тоже нелегально, конечно. Обычно нас в прежние дни оставляли в покое, а теперь работает ихняя дьявольская полиция, шпионит, арестовывает, точь-в-точь как в древние приснопамятные каторжные времена. Пару раз проводили здесь мессу. Отца Шекеля, благослови и спаси Бог беднягу, как-то в собственной лавке забрали очередные придурки с оружием и в губной помаде, — по профессии отец Шекель — торговец семенами, — и увели, никому не известно куда. И вот, — а ведь эти несчастные, помраченные кретины не могут или не желают сообразить, — нам предлагают пожертвовать Государству собственным благом. Всем придется голодать, благослови нас Бог, раз уж мы не молимся о прощении своих богохульных деяний. Прегрешение против света, отрицание жизни. Дела идут так, что, похоже, для всех нас грядет Божий суд. — Он допил кубок сливовицы, причмокнув большими мясистыми губами.

— Все время срезают пайки, — сказала Беатрис-Джоанна. — Почему — не объясняют. На улицах шли демонстрации. В одну попал Тристрам. В тот момент он был пьян. Думаю, его полиция наверняка забрала. Надеюсь, с ним все будет в полном порядке.

— Ну, — сказал Шонни, — я ему никакого реального зла не желаю. Пьяный был? Может, это, в конце концов, и хорошо для него.

— Долго думаешь у нас пробывать? — спросила Мевис.

— Пожалуй, с таким же успехом могу сейчас сказать, — сказала Беатрис-Джоанна. — Надеюсь, это вас не шокирует, и ничего подобного. Я беременна.

— Ох, — сказала Мевис.

— И, — сказала Беатрис-Джоанна, — рада своей беременностью. Я хочу ребенка.

— Определенно выпьем за это, — взревел Шонни. — К черту последствия, вот что я скажу. Жест, вот что это такое. Поддерживать огонь, служить мессу в темнице. Хорошая девочка. — И налил еще вина.

— Ты здесь хочешь ребенка родить? — спросила Мевис. — Это опасно. Этого долго Fie скроешь. Об этом надо очень тщательно

поразмыслить при нынешнем положении вещей.

— Это Божья воля! — вскричал Шонни. — Идите и размножайтесь. Значит, в твоём мужичке ещё теплится хоть какая-то жизнь, а?

— Тристрам не хочет, — сказала Беатрис-Джоанна. — Велел мне убираться.

— Кто-нибудь знает, куда ты поехала? — спросила Мевис.

— Пришлось сказать полиции в Юстоне. Я сказала, просто еду с визитом. Я не думаю, чтоб они что-нибудь сделали. Ничего нет плохого в визите.

— Довольно долгий визит, — сказала Мевис. — А ещё возникает вопрос насчёт места. Детей сейчас нет, они в Камноке с Герти, тетушкой Шонни. Но когда вернутся...

— Ну, Мевис, — сказала Беатрис-Джоанна, — если тебе не хочется, чтоб я осталась, прямо так и скажи. Не хочу быть обузой и тяготой.

— Ты не будешь ни тем ни другим, — сказал Шонни. — Если понадобится, можем тебя устроить в каком-нибудь сарае. Гораздо более великая Матерь, чем ты, родила в...

— Ох, хватит сентиментальничать, — упрекнула его Мевис. — Подобные вещи порой отвращают меня от религии. Если ты решилась, — сказала она сестре, — в самом деле решилась, что ж, будь что будет, будем надеяться, скоро придут лучшие времена. Я ведь чувства твои понимаю, не думай. Просто надо надеяться на возвращение более разумных времен, вот и все.

— Спасибо, Мевис, — сказала Беатрис-Джоанна. — Знаю, будет целая куча проблем, — регистрация, пайки и прочее. Хватит времени обо всем этом подумать.

— Ты правильно выбрала, куда пойти, — сказал Шонни. — Мое ветеринарное образование очень даже пригодится, благослови тебя Бог. Я многим приплодам помог появиться на свет.

— Животным? — спросила Беатрис-Джоанна. — Неужели ты хочешь сказать, что у вас есть животные?

— Облезлые несушки, — мрачно сказал Шонни, — да старая свинья Бесси. У Джека Бэра в Блэкберне есть боров, которого он одалживает. Все это считается незаконным, будь они прокляты Святой Троицей, однако мы умудряемся пополнять свой постыдный рацион кусочками свиного мяса. Всё в ошеломляющем состоянии, — сказал он, — и, похоже, никто абсолютно ничего не понимает. Эта самая гниль вроде бы целый мир поразила, несушки не несутся, а последний приплод Бесси был до того больной, с какими-то непонятными опухолями внутри, да тошнило его

глистами и прочим, что пришлось мне избавить его от страданий. На нас пало проклятие, прости всех нас Бог, из-за нашего богохульства против жизни и любви.

— Кстати, о любви, — сказала Мевис, — у тебя все кончено с Тристрамом?

— Не знаю, — сказала Беатрис-Джоанна. — Стараюсь за него тревожиться, но как-то не могу. Кажется, вся любовь моя теперь сосредоточена на чем-то еще не родившемся. Я чувствую, будто меня призвали и *использовали*. Но несчастной я себя из-за этого не считаю. Скорее наоборот.

— Я всегда говорила, ты вышла не за того мужчину, — сказала Мевис.

Глава 10

Дерек Фокс вторично читал два поспешно исписанных листика туалетной бумаги за подписью своего брата; читал, улыбаясь.

«Меня здесь незаконно задерживают и не разрешают ни с кем повидаться. Я взываю к тебе, как к брату, употреби свое влияние и освободи меня. Все это постыдно и несправедливо. Если тебя не тронет простой братский призыв, может быть, тронет следующее признание, а именно: мне известно о твоей продолжительной связи с моей женой, которая сейчас носит твоего ребенка. Как ты мог? Ты, мой брат... Сейчас же вытащи меня отсюда. Это минимум, что ты для меня можешь и должен сделать. Торжественно заверяю, если окажешь помощь, которой прошу, дело дальше не пойдет. Однако, если нет, буду вынужден сообщить обо всем соответствующим властям. *Вытащи меня отсюда*. Тристрам».

Письмо было сплошь испещрено штампами, точно паспорт: «*Просмотрено*. Комендант Центра Предварительного Заключение Франклин-роуд»; «*Просмотрено*. Начальник Брайтонского Отделения Полиции»; «*Просмотрено*. Начальник 121 Полицейского Округа»; «*Вскрыто*. Центральная Регистратура Поппола». Дерек Фокс улыбался, развываясь в кресле из кожзаменителя, улыбался большим, как луна, идиотским часам на противоположной стене, куче телефонов, спине своего надушенного секретаря. Бедный Тристрам. Бедный не слишком умный Тристрам. Бедный слабоумный Тристрам, который самым актом писания уже обо всем сообщил всем имеющимся властям, соответствующим и несоответствующим. Но это, разумеется, не имеет значения. Неподтвержденная клевета и наветы, целый день комариными стаями

зудящие в офисах наверху, не принимаются во внимание. И все же в принципе Тристрам способен досадить. Обезумевший рогоносец Тристрам с шайкой школьников-головорезов. Тристрам, поджидающий в темноте, спрятав нож. Одуревший от алка Тристрам с пистолетом. Пускай лучше Тристрам временно посидит в клетке; утомительное занятие — быть настороже против своего брата.

А как насчет нее? Это совсем другое. Обождать, обождать, — скоро должна наступить очередная фаза. А насчет бедного глупого капитана Лузли? Оставить идиота в покое. Дерек Фокс обзвонил полицейские штаб-квартиры и потребовал на основании подозрения исключить из обращения Тристрама Фокса на неопределенное время. А потом начал работать над конспектом телевизионного выступления (пять минут после двадцатитрехчасовых новостей в субботу) с предупреждениями и призывами к женщинам Большого Лондона. «Любить страну, — писал он, — один из чистейших видов любви. Желать благополучия своей стране — святое желание». Ему легко давались подобные вещи.

Часть третья

Глава 1

Дождливый август и сухой сентябрь, однако, казалось, заболевание всемирного урожая зерна поднимается выше погоды, словно летательный аппарат. Это была неизвестная прежде гниль, структура которой под микроскопом не отвечала ни одной картине болезни и которая сопротивлялась любым ядам, какие могло изобрести Глобальное Сельскохозяйственное Управление. Но она заразила не только рис, маис, ячмень, овес, пшеницу: с деревьев и кустов падали фрукты, пораженные какой-то гангреной; картофель и прочие корнеплоды оборачивались комьями черно-синей грязи. Кроме того, животный мир: глисты, кокцидиоз, лишай, окаменелость костей, птичья холера, проплазия яйцевода, гнойный уретрит, паралич, дисплазия скакательного сустава, — вот лишь некоторые болезни, бушевавшие в инкубаторах, превращая их в полные перьев морги. В начале октября на северо-восточное побережье выбрасывало косяки тухлой рыбы; реки провоняли.

Достопочтенный Роберт Старлинг, Премьер-Министр, лежал октябрьской ночью без сна, ворочаясь в одиночестве на двуспальной кровати, откуда был изгнан его дружок. Голова его была полна голосов — голоса специалистов твердили, что они не знают, просто даже не знают; голоса фантастов обвиняли вирусы, зайцем прибывшие на возвращавшихся лунных ракетах; смачные голоса паникеров объявляли на последней Конференции Премьеров Ангсо: «Этот год переживем, мы почти сумеем прожить этот год, но обождите следующего...» А один очень интимный голосок нашептывал статистику и демонстрировал в темноте спальни ужасающие диапозитивы.

— Здесь мы видим последний голодный бунт в Кочбихаре, в результате которого в общей могиле погребено по самому общему счету четыре тысячи; фосфорного ангидрида навалом, правда? А теперь перед нами в высшей степени красочные изображения голодающих в Гулбарге, Бангалоре и Раджуре: посмотрите поближе, полюбуйтесь торчащими ребрами. А теперь перейдем к Ньясаленду: голод в Ливингстоне и Мпике. Могадишо, Сомали, — у стервятников большой праздник. А теперь пересечем Атлантический...

— Нет! Нет! Нет! — Достопочтенный Роберт Старлинг крикнул так

громко, что разбудил своего маленького дружка Абдул Вахаба, коричневого мальчика, спавшего на низенькой выдвижной кровати в гардеробной достопочтенного Роберта Старлинга. Абдул Вахаб прибежал, завернувшись в саронг, включил свет.

— Что такое? В чем дело, Бобби? — Нежные карие глаза полны заботы.

— Ох, ничего. Тут уж нам ничего не поделать. Ложись в постель. Прости, что разбудил.

Абдул Вахаб сел на край пружинистого матраса и погладил лоб Премьер-Министра.

— Ну, — сказал он. — Ну-ну.

— Все, видно, думают, — сказал Премьер-Министр, — будто мы затеяли эту игру в каких-то своих целях. Думают, я власть люблю. — Он благодарно закрыл глаза под прохладным касанием пальцев. — А ведь никто не знает, никто просто не знает самого главного.

— Конечно, не знает.

— Все это для их же пользы, мы же все делаем им на благо.

— Конечно.

— Как им понравилось бы на моем месте? Как им понравилось бы вот такая ответственность и инфаркты?

— Они ни минуты не вынесли бы. — Вахаб мягко гладил прохладной коричневой рукой.

— Ты хороший мальчик, Вахаб.

— Ох, неправда, — жеманно улыбнулся он.

— Да, хороший. Что нам делать, Вахаб, что нам делать?

— Все будет хорошо, Бобби. Увидишь.

— Нет, ничего не будет хорошо. Я либерал, верю в человеческую способность держать мир под контролем. Мы просто не должны ничего оставлять на волю случая. Все планета умирает, а ты говоришь, все будет хорошо.

Абдул Вахаб сменил руку; хозяин лежал под очень неудобным углом.

— Я не слишком умный, — сказал он. — В политике не разбираюсь. Но всегда думал, хуже всего, когда в мире слишком много людей.

— Да, да. Это наша большая проблема.

— А сейчас уже нет, правда? Население сокращается очень быстро, правда? Люди умирают от нехватки еды, правда?

— Глупый мальчик. Очень милый, но очень глупый. Разве ты, глупый мальчик, не видишь, что мы при желании могли бы убить три четверти населения мира вот так вот. — Он прищелкнул большим и указательным

пальцем. — Просто вот так вот. Но правительство думает не об убийстве, а о сохранении жизни людей. Мы объявили войну вне закона, превратили войну в жуткий кошмар прошлого; научились предсказывать землетрясения и наводнения; оросили пустыни, заставили снежные шапки цвести, словно розы. Это прогресс, частичное исполнение наших либеральных надежд. Понимаешь, что я говорю, глупый мальчик?

Абдул Вахаб попытался зевнуть с закрытым ртом, улыбаясь сомкнутыми губами.

— Мы ликвидировали все старые естественные регуляторы численности населения, — сказал Премьер-Министр. — *Естественные регуляторы* — какое циничное и порочное выражение. История человечества — это история его власти над средой своего обитания. Правда, мы часто терпели поражение. Подавляющая часть человечества еще не готова к пелагианскому идеалу, но, может быть, скоро будет готова. Может быть, очень скоро. Возможно, оно уже учится. Учится на страданиях и лишениях. Ах, какой испорченный мир, дурацкий мир. — Он глубоко вздохнул. — Но что нам делать? Тень голода пала на мир, мы зажаты в его когтях. — Он нахмурился на метафору, но оставил без исправления. — Эта угроза обратила в нуль все наши научные знания и умения.

— Я не очень умный, — снова сказал Вахаб. — Обычно мой народ делал не очень умные вещи, думая, что урожай будет плох или рыба не станет клевать. Наверно, он делал очень глупые вещи. Среди прочих вещей он обычно молился.

— Молился? — переспросил Премьер-Министр. — Молясь, мы признаем поражение. В либеральном обществе молитвам нет места. Больше того, здесь некому молиться.

— Мой народ, — без заминки сказал поглаживавший Вахаб, — многим вещам мог молиться.

Только чаще всего он молился так называемому Аллаху. — Он произнес это имя строго по-арабски, с нёбным звучным «эль» и хриплым придыханием в конце.

— Это другое название Бога, — сказал Премьер-Министр. — Бог — враг. Мы победили Бога, свели к комическому персонажу комиксов, над которым смеются дети. Мистер Живдог. Бог был опасной идеей в людских умах. Мы избавили цивилизованный мир от этой идеи. Продолжай гладить, ленивый мальчишка.

— А, — сказал Вахаб, — если молитва не приносила ничего хорошего, то кого-нибудь убивали. Это был как бы подарок, понятно? Обычно его

называли *мадзбух*. Если хочешь по-настоящему большой милости, надо взамен предложить что-то очень большое, очень важное. Принести в подарок важного человека вроде Премьер-Министра.

— Если это задумывалось как шутка, я ее не считаю такой уж забавной, — разгневался почтенный Роберт Старлинг. — Ты иногда чересчур веселишься.

— Или Короля, — сказал Вахаб, — если такой случайно найдется.

Премьер-Министр поразмыслил. А потом сказал:

— Ты полон глупейших идей, глупый мальчик. И забываешь, что, даже если бы мы пожелали пожертвовать Королем, его некому приносить в жертву.

— Может, — предположил Вахаб, — та самая штука как бы понимает. Я ту штуку имею в виду, что накрыла землю, словно тень с когтями. Можно ей помолиться.

— С моей стороны, — снова гневно сказал Премьер-Министр, — это была весьма неуместная персонификация. Неуместные фигуры речи и есть собственно материал политического ораторства.

— Что такое персонификация? — спросил Вахаб.

— Когда ты называешь живым то, что в действительности таковым не является. Типа анимизма. Это слово ты знаешь, невежественный мальчик?

Вахаб улыбнулся.

— Я очень глупый, — сказал он, — знаю очень мало слов. Много-много лет назад народ мой обычно молился деревьям и рекам, думая, будто подобные вещи могут слышать и понимать. Ты большой человек, Премьер-Министр, считаешь это очень глупым, а я слышал, как ты молился дождю.

— Чепуха.

— Я слышал, как ты говорил: «Дождик, дождик, уходи, послезавтра приходи». Это было, когда ты, я, Реджинальд и Гавестон Мерфи ходили гулять в Северной Провинции.

— Это была просто шутка, простое суеверие. Не имеет никакого значения.

— И все-таки ты хотел, чтобы дождь перестал. А теперь хочешь, чтобы прекратилась та самая штука. Может, стоит испытать суеверие, как ты его называешь. Ты обязательно должен что-то попробовать. Только, — добавил Вахаб, — не слушай меня. Я просто невежественный мальчик, глупый мальчик, шутник.

— А еще милый мальчик, — улыбнулся Премьер-Министр. — Пожалуй, теперь я попробую чуть-чуть поспать.

— Не хочешь, чтобы я остался?

— Нет, я спать хочу. Может быть, мне приснится решение всех наших проблем.

— Ты великий сновидец, — едко сказал Абдул Вахаб. Поцеловал кончики своих пальцев, закрыл ими глаза своему хозяину. Прежде чем выйти из спальни, погасил свет, держа язык за зубами.

В темноте вновь началась лекция с диапозитивами.

— Вот, — сказал голос, — мы видим прекрасные образцы голодного бунта всю дорогу от желтого Мозамбика. Склады риса в Шовике разграблены; результаты вы видите. Кровь у черных людей такая же красная, как и ваша. А теперь голод в Северной Родезии, погибшие в Гиблых Горах; прискорбное зрелище в Кабулвебулве. Наконец, *bonne bouche*^[26], людоедство, — угадайте где? Никогда не угадаете, поэтому я вам скажу. В Банфе, провинция Альберта^[27]. Правда, невероятно? Тельце, как видите, очень маленькое, мальчишеское, как у кролика. Впрочем, из него получится несколько порций хорошей похлебки; вдобавок еще один паренек никогда больше не проголодается.

Глава 2

Тристрам намного похудел и оброс бородой, совсем проволоочной. Его давно перевели из Центра Предварительного Заключение на Франклин-роуд в устрашающее Столичное Исправительное Заведение (для мужчин) в Пентонвилле, где в нем день ото дня, наряду с бородой, росло буйство; он часто, как горилла, сотрясал прутья клетки, мрачно царапал на стенах граффити, рычал на охранников, — изменившийся человек. Будь тут Джослин заодно с тем красавчиком мальчиком Уилтширом, он им не задумываясь выдал бы по заслугам. Что касается Дерека... Бредовые видения выдавливаемых глаз, кастрации хлебным ножом, прочих прелестей занимали большую часть времени бодрствования Тристрама. Его сокамерником был ветеран-преступник лет шестидесяти — карманник, фальшивомонетчик, душегуб, — мужчина с благородной сединой, издававший затхлый запах.

— Если б, — сказал он в то октябрьское утро Тристраму, — если б мне выпало счастье учиться по книгам, как вам, неизвестно, каких я достиг бы высот.

Тристрам потрянул прутья решетки и рыкнул. Сокамерник мирно прилаживал свою верхнюю челюсть с помощью кусочка замазки, свистнутого в какой-то мастерской.

— Ну, — сказал он, — невзирая на удовольствие от общения с вами на протяжении месяца с лишним, не могу сказать, будто мне жаль уходить, особенно когда погода, похоже, намерена еще чуточку постоять. Хотя я, несомненно, в не слишком отдаленном будущем вновь воспользуюсь привилегией знакомства с вами.

— Слушайте, мистер Несбит, — сказал Тристрам, отворачиваясь от решетки. — В последний раз. Пожалуйста. Это будет услуга не только мне, но и обществу в целом. Доберитесь до него. Разделайтесь с ним. У вас есть его адрес.

— В последний раз со своей стороны рассуждая об этом конкретном вопросе, мистер Фокс, вновь повторяю, что я профессионально занимаюсь преступностью ради добычи, а не ради удовольствия, личной вендетты или чего-то подобного. Убийство из мести денег не приносит. Как бы мне ни хотелось услужить другу, которым я вас осмеливаюсь считать, это в высшей степени противоречило бы моим принципам.

— Это ваше последнее слово?

— С сожалением, мистер Фокс, как я уже сказал, мне придется решительно подтвердить.

— Ну, тогда вы, мистер Несбит, ублюдок бесчувственный.

— Фи, мистер Фокс, подобные слова неприличны. Вы еще молодой человек, впереди у вас долгий путь, поэтому не отвергайте последнего небольшого совета от старого чудака вроде меня. А именно: сохраняйте контроль над собой. Без самоконтроля вы ничего не добьетесь. А при самоконтроле, не примешивая к вещам, связанным с вашим книжным образованием, никаких личных чувств, вы далеко пойдете. — Он прижал большим пальцем замазку с зубами к пластмассовому нёбу и, явно удовлетворенный, сунул в рот челюсть. — Так лучше, — сказал он. — Сослужит хорошую службу. Всегда сохраняйте приятную внешность — вот мой совет молодым честолубцам. Каковым и вам следует быть.

Приближалось звяканье ключей. Охранник с топорной физиономией и цыплячьей грудью в поношенной синей форме отпер дверь камеры.

— Хорошо, — сказал он мистеру Несбиту, — ты, на выход.

Мистер Несбит со вздохом встал с дощатого топчана.

— Где чертов завтрак? — рыкнул Тристрам. — Завтрак чертовски опаздывает.

— Завтрак отменяется, — сказал охранник, — с нынешнего утра.

— Это чертовски несправедливо, — заорал Тристрам. — Это чертовски чудовищно. Я требую свидания с начальником, черт его побери.

— Я уже говорил, — сурово сказал охранник. — Держи свой поганый

язык в чистоте, иначе тебе по-настоящему жарко станет, вот так.

— Ну, — сказал мистер Несбит, вежливо протянув руку, — ухожу, надеясь на возобновление нашего весьма приятного знакомства.

— Вот он прилично говорит, да, — сказал охранник. — Тебе и типам вроде тебя лучше брать пример с него, чем все время сыпать проклятьями да чертыхаться. — Вывел мистера Несбита, захлопнул дверь, укоризненно заскрежетал ключами. Тристрам схватил свою железную ложку и бешено нацарапал на стене грязное слово.

Как раз когда он заканчивал косую черту последней буквы, вновь со звяканьем и со скрежетом вернулся охранник.

— Вот тебе, — сказал он, — новый приятель. Одного с *тобой* сорта, не джентльмен, как твой последний сосед. Ну, ты, заходи.

Это был мрачный мужчина с глубоко сидевшими в угольно-черных глазницах глазами, с ярко-красным носом, с маленьким пухлым ртом Стюартов. Свободные серые мешковатые позорные одежды были ему к лицу, как бы намекая на монашеские обычаи.

— Ого, — сказал Тристрам. — По-моему, мы уже раньше встречались.

— Мило, правда? — сказал охранник. — Встреча старых дружков. — Покинул камеру, запер дверь, сардонически усмехнулся из-за решетки. Потом со звоном потопал прочь.

— Мы встречались, — сказал Тристрам, — у Монтегю. Там полиция вас немножко побила.

— Полиция? Мы? — неопределенно сказал мужчина. — Столько всяких вещей, столько всяких людей, столько всяких оскорблений, побоев. Как по отношению к моему Господину, так и ко мне. — Он, кивая, оглядел камеру очень мрачными глазами. Потом сказал обыденным тоном: — Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня, десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего^[28].

— За что вы тут? — спросил Тристрам.

— Меня застали за служением мессы, — сказал мужчина. — Расстриженный, я по-прежнему в силе. В последнее время был спрос, нарастающий спрос. Страх рождает веру, тут нет сомнений. Поверьте, нынче собирается вполне порядочная конгрегация.

— Где?

— Возвращение в катакомбы, — с удовлетворением сказал мужчина. — Вышедшие из употребления туннели подземки. Платформы подземки. Даже поезда подземки. Месса на ходу, как я ее называю. Да, страх растет. Голод, страшный всадник, скачет повсюду. Бог просит

приемлемой жертвы для умиротворения гнева Его. А одно из Ему приносимых, вино, вне закона. Ах, — сказал он, косясь на граффити Тристрама, — лапидарные надписи? Для времяпрепровождения.

Это был совсем другой человек по сравнению с тем, кого помнил Тристрам по короткому бурному случаю у Монтегю. Он был спокоен, говорил взвешенно, разглядывал нацарапанные Тристрамом непристойности, словно слова неизвестного языка.

— Но, — сказал он, — интересно. Я вижу, вы несколько раз написали имя своего Создателя. Заметьте мои слова, все возвращается к Богу. Вот увидите, все мы увидим.

— Я использовал это слово, — грубо сказал Тристрам, — как вызывающий жест. Просто грязное слово, и все.

— Точно, — с тихой радостью сказал расстрига. — Все грязные слова принципиально религиозны. Все они связаны с плодородием и с процессами плодородия, с органами плодородия. Нас учат, что Бог есть любовь.

Словно в насмешку над сим утверждением огромные громкоговорители, установленные, точно трубы судного дня, в воображаемых углах каждой круглой ярусной галереи, изрыгнули отрывку, полетевшую в пустой желудок колодца.

— Внимание, — сказали они, и это слово (внимание — мание — ание) запрыгало, точно мяч; клич самых дальних рупоров накладывался на клич ближних. — Полное внимание. Говорит Начальник тюрьмы. — Зазвучал усталый утонченный голос с древним королевским величием. — Министр Внутренних Дел поручил мне прочесть следующее, читаемое также в данный момент в школах, больницах, учреждениях и на заводах всего королевства. Это молитва, разработанная Министерством Пропаганды.

— Слышите? — заплясал расстриженный священник в благоговейном ликовании. — Богу будут молиться, дела на нашу дорогу сворачивают. Аллилуйя.

— Вот она, — сказал утомленный голос. Прокашлялся и затянул гипнотическую песнь: — Возможно, силы смерти, которые в настоящее время уничтожают съедобную жизнь на планете, обладают разумом, в каком случае мы их молим уйти. Если мы сделали что-то неправильно, в своей слепоте позволяя естественным импульсам взять верх над рассудком, то, конечно, от души извиняемся. Однако признаем себя уже достаточно пострадавшими за такую ошибку и твердо решаем больше никогда не грешить. Аминь. — Голос Начальника сорвался в громкий кашель и, прежде чем с треском заглухнуть, пробормотал: — Куча проклятой

белиберды. — Бормотание мигом разлетелось по всем галереям.

Сокамерник Тристрама мертвенно побледнел.

— Боже, прости нас всех, — сказал он, глубоко потрясенный, и перекрестился, — они идут другим путем. Они молятся дьявольским силам. Помоги нам Бог.

Но Тристрам приободрился.

— Разве вы не видите, что это значит? — вскричал он. — Это значит, что Интерфаза подходит к концу. Кратчайшая в истории. Государство достигло предела разочарования. Грех, пошел разговор о грехе. Скоро мы выйдем отсюда, теперь уже со дня на день. — Тристрам потер руки. — Ох, Дерек, Дерек, — зарычал он. — Не могу дождаться.

Глава 3

Осень перешла в зиму, а молитва, конечно, осталась без ответа. Конечно, никто никогда всерьез и не думал иначе. Со стороны Правительства Его Величества это была простая подачка иррациональности, чтобы никто не мог сказать, будто Правительство Его Величества хоть чего-нибудь не испробовало.

— Однако это свидетельствует, — сказал в декабре Шонни, — как все ведет назад к Всевышнему. — Он был гораздо оптимистичней сокамерника Тристрама. — Либерализм означает завоевание окружающей среды, а завоевание окружающей среды означает науку, а паука означает гелиоцентрическую точку зрения, а гелиоцентрическая точка зрения означает непредубежденное мнение насчет существования форм разума, отличных от человеческого, а... — он глубоко вздохнул, сделал добрый глоток сливовицы, — а, ну, видишь ли, признавая такую возможность, ты признаешь возможность существования сверхчеловеческого разума и таким образом возвращаешься к Богу. — Он ликующе улыбнулся свояченице. Жена его на кухне пыталась придать смысл жалким пайкам.

— Сверхчеловеческий разум, однако, может быть злым, — возразила Беатрис-Джоанна. — Это ведь будет не Бог, правда?

— Раз есть зло, — сказал Шонни, — должно быть и добро.

Он был непоколебим. Беатрис-Джоанна улыбнулась, демонстрируя свою веру в него. Ей придется еще два месяца во многом полагаться на Шонни. Жизнь внутри нее брыкалась; она раздулась, но только к лучшему. Возникла масса тревог, хотя она была вполне счастлива. Покалывала вина перед Тристрамом, одолевали проблемы хранения длительной тайны. Когда

кто-то являлся с визитом или заглядывали работники фермы, она была вынуждена стрелой мчаться в уборную, насколько раздавшаяся фигура позволяла набрать скорость. Разминаться приходилось тайком, после наступления темноты, расхаживая вместе с Мевис между развалившимися насестами, по полям зараженной пшеницы и ячменя. Дети были хорошие, давно приученные не болтать в школе или вне школы об опасном богохульстве своих родителей; помалкивая насчет Бога, они помалкивали и насчет беременности своей тетки. Это были чуткие, симпатичные деревенские дети, хоть и худее, чем нужно; Димфне семь, Ллевелину девять. В тот день, за пару дней до Рождества, они сидели, вырезая из кусочков картона листья падуба, ибо весь настоящий падуб был поражен гнилью.

— Мы снова на Рождество сделаем все возможное, — сказал Шонни. У меня еще есть сливовица, хватит и алка. В леднике лежат четыре последние бедные курочки. Будет вполне достаточно времени для предсказания непредсказуемого будущего, когда Рождество придет и пройдет.

— Папа! — сказала Димфна, работая ножницами, сосредоточенно высунув язык.

— Да, милая?

— Что там на самом деле было на Рождество? — Они были в такой же степени детьми Государства, как и своих родителей.

— Ты же знаешь, что было. Не хуже меня знаешь, в чем там *все дело*. Ллевелин, расскажи-ка ей, что там было.

— Ох, — сказал Ллевелин, занятый вырезанием, — понимаешь, тот парень родился. Потом его убили, повесили на древе, а потом его ели.

— Ну, для начала, — сказал Шонни, — никакой не парень.

— Ну, мужчина, — сказал Ллевелин. — Мужчина и есть парень.

— Сын Божий, — сказал Шонни, стуча по столу. — Бог и человек. И после убийства Его не ели. Он отправился прямо на небеса. Ну, ты наполовину прав насчет еды, благослови Бог твою душу, только это мы сами едим. Во время мессы едим Его тело и пьем Его кровь. Только они спрятаны — понимаешь, ты слушаешь, что я тебе говорю? — в хлебе и вине.

— А когда Он опять придет, — сказал Ллевелин, щелкая ножницами, — его съедят по-настоящему?

— Ну-ка, — сказал Шонни, — что ты хочешь сказать этим странным вопросом?

— Съедят, — сказал Ллевелин, — как съели Джима Уиттла? — Он

сосредоточено принялся вырезать новый листик. — Да, папа?

— Это еще что такое? — возбужденно сказал Шонни. — Что это такое ты говоришь, будто кого-то там съели? Ну-ка, сейчас же рассказывай, сын.

Он встряхнул мальчика за плечо, но Ллевелин продолжал спокойно резать бумагу.

— Он в школу не пришел, — сказал он. — Его мама и папа разрезали на куски и съели.

— Откуда тебе это известно? Откуда ты взял эту возмутительную историю? Кто это тебе рассказывает подобные гадости?

— Это правда, папа, — сказала Димфна. — Смотрите, хорошо? — спросила она, показывая свой картонный листок.

— Наплевать, — нетерпеливо сказал отец. — Ну-ка, говорите сейчас же. Кто вам рассказал эту жуткую байку?

— Никакая не жуткая байка, — надулся Ллевелин. — А правда. Мы все шли мимо их дома, когда возвращались из школы домой, это правда.

У них на плите стояла штуковина типа большого котла и кипела как я не знаю что. Кое-кто из других мальчиков заходил в дом и видел.

Димфна хихикнула.

— Боже, прости всех и каждого, — сказал Шонни. — Это потрясающая и ужасная вещь, а вы только посмеиваетесь. Говорите-ка мне... — встряхнул он обоих детей, — вы сейчас правду сказали? Потому что, клянусь Святым Именем, если просто шутите такими жуткими вещами, обещаю Господом Иисусом Христом отлупить вас обоих за маму и папу.

— Правда, — заныл Ллевелин. — Мы видели, оба видели. У мамы Джима Уиттла была большая ложка, и она налила две тарелки, все горячее, от него пар шел, кое-кто из других мальчиков попросили, потому что голодные были, а мы с Димфной побоялись, потому что, говорят, у папы и мамы Джима Уиттла с головой не в порядке, мы поэтому быстренько побежали домой, только нам велели ничего не рассказывать.

— Кто вам велел ничего не рассказывать?

— Они. Кое-какие большие ребята. Фрэнк Бамбер обещал нас побить, если скажем.

— Если что скажете?

Ллевелин повесил голову:

— То, что сделал Фрэнк Бамбер.

— Что он сделал?

— У него большой кусок был в руке, он сказал, что голодный. А мы тоже были голодные, по ничего не взяли. Просто домой побежали.

Димфна хихикнула. Шонни опустил руки. И сказал:

— Боже Всевышний.

— Он ведь украл, ясно, папа, — сказал Ллевелин. — Фрэнк Бамбер схватил кусок и выскочил из дома, а они кричали на него.

Шонни позеленел, Беатрис-Джоанне стало дурно.

— Какой ужас, какой ужас, — задохнулась она.

— Но раз ешь того парня, который Бог, — стойко твердил Ллевелин, — какой же тут ужас? Если Бога есть хорошо, почему есть Джима Уиттла ужасно?

— Потому что, — рассудительно сказала Димфна, — когда Бога ешь, всегда еще полным-полно остается. Бога совсем съесть нельзя, потому что Бог просто продолжается, продолжается, продолжается, Бог никогда не кончается. А ты глупый болван, — добавила она и опять занялась вырезанием листьев падуба.

Глава 4

— К тебе посетитель, — сказал охранник Тристраму. — Только если на него накинешься с руганью и проклятьями, как на меня, значит, ты тут и правда за дело, никакой ошибки, мистер Сквернослов. Сюда, сэр, — сказал он в коридор. Возникла шагающая фигура в черной форме со сверкавшими на лацканах яйцами. — Никто тут вреда вам не причинит, сэр, так что нервничать нечего. Я минут через десять вернусь, сэр. — И охранник вышел.

— Слушайте, я вас знаю, — сказал Тристрам, худой, слабый, здорово заросший бородой.

Капитан улыбнулся. Снял фуражку, обнажив маслянистые прямые короткие рыжеватые волосы, и, еще улыбаясь, разгладил один ус.

— Вы должны меня знать, — улыбнулся он. — У нас была очень приятная, но, боюсь, не слишком, как выяснилось, полезная совместная выпивка, видите ли, в «Метрополе», видите ли, пару месяцев назад.

— Да, я отлично вас знаю, — с жаром сказал Тристрам. — Никогда не забываю лиц. Тут уж в дело вступает учитель. Ну, у вас приказ о моем освобождении? Времена тяжелых испытаний наконец закончились?

Расстриженный священник, который в последнее время настаивал, чтобы его называли Блаженным Эмброузом Бейли, поднял бредовый взгляд и сказал:

— Давайте-ка поскорее, там кающиеся на милю выстроились. Быстро

падайте на колени и кайтесь.

Капитан глупо усмехнулся:

— Просто пришел сообщить вам, где ваша жена.

Вид у Тристрама был тупой и мрачный.

— У меня нет жены, — пробормотал он. — Я ее выгнал.

— Вздор, видите ли, — сказал капитан. — У вас совершенно определенно есть жена, которая в данный момент, видите ли, поселилась у своей сестры и зятя неподалеку от Престопа. Государственная ферма СЗ₃₁₃, вот адрес.

— Вот как, — злобно сказал Тристрам. — Вот где эта сука.

— Да, — сказал капитан, — жена ваша там, ждет своего незаконного, хоть и законного, видите ли, ребенка.

Расстриженный священник, устав ждать, когда капитан падет на колени и начнет каяться, слушал теперь со стопами, сильно крутя головой, покаяние кого-то невидимого и неведомого.

— Грязный грех, — сказал он, — блуд. Сколько раз?

— Как минимум, — сказал капитан, — один можно считать доказанным. Ее оставили в покое, видите ли; никто из наших людей не тревожит ее в том самом уголке Северной Провинции. Я получил информацию о ее местонахождении из нашего отделения Транспортного Контроля. Ну, — сказал он, — вам, может быть, интересно, почему мы, видите ли, не вмешиваемся. Может быть, вы гадаете на этот счет.

— Ах, проклятая белиберда, — рыкнул Тристрам. — Ни о чем я не гадаю, потому что ничего не знаю. Торчу тут, умираю с голоду, из внешнего мира никаких новостей, никаких писем. Никто не приходит меня навестить. — Он был готов превратиться в старого Тристрама, зашмыгать, но крепко взял себя в руки и зарычал: — Мне плевать, будьте вы прокляты. Мне на вас на всех плевать, будь я проклят, понятно?

— Очень хорошо, — сказал капитан. — Времени мало, видите ли. Я хочу знать, когда, по вашим подсчетам, она должна ребенка родить.

— Какого ребенка? Кто тут говорит про ребенка? — прорычал Тристрам.

— Идите с миром, Бог вас благословит, — сказал блаженный Эмброуз Бейли. А потом: — Я прощаю своих мучителей. В свете этого всепоглощающего пламени прозреваю вечный свет потустороннего мира.

— Ну, хватит, видите ли, — нетерпеливо сказал капитан. — Говорят вам, она ждет ребенка. Конечно, мы, видите ли, вполне легко можем проверить, что она беременна. Я хочу знать, когда она должна родить

ребенка. Когда она зачала, по вашим подсчетам?

— Понятия не имею, — мрачно и апатично качнул головой Тристрам. — Не имею вообще никакого понятия.

Капитан вытащил из кармана кителя что-то в желтой шуршащей бумаге.

— Может, вы проголодались, — сказал он. — Может, поможет немножечко синтешока.

Развернул батончик, протянул. Блаженный Эмброуз Бейли оказался проворней Тристрама: метнулся лучом света, схватил плитку, истекая слюной. Тристрам бросился на него; они рычали, царапались, рвали. В конце концов каждый заполучил половинку. Хватило трех секунд, чтоб волчьи сожрать липкое коричневое вещество.

— Ну, давайте, — резко сказал капитал. — Когда это было?

— Когда ыло? — Тристрам причмокивал языком, облизывал пальцы. — Ах, это, — сказал он наконец. — Должно быть, в мае. Знаю, когда это было. В начале Интерфазы. У вас есть еще эта штука?

— Что имеется в виду? — терпеливо расспрашивал капитан. — Что такое Интерфаза?

— Конечно, — сказал Тристрам, — ведь вы не историк. Ничего не смыслите в науке историографии. Просто наемный головорез с карманами, туго набитыми синтешоком. — Он рыгнул; видно, его тошнило. — Когда все вы, наемные головорезы, начали шататься по улицам. Дайте еще, будьте прокляты. — Потом яростно обратился к сокамернику: — Она была моя. Ты ее съел. Ее мне принесли. Будь ты проклят, — и принялся слабо бить блаженного Эмброуза Бейли, который, сложив руки и подняв глаза, сказал:

— Отче, прости их, ибо не ведают, что творят.

Тристрам отступился, тяжело дыша.

— Хорошо, — сказал капитан. — Ну, значит, мы знаем, когда надо действовать. Можете ожидать, видите ли, окончательного позора своего брата и наказания своей жены.

— Что вы хотите сказать? О чем это вы говорите? Наказание? Какое наказание? Если собираетесь за мою жену взяться, оставьте эту суку в покое, слышите? Она моя жена, не ваша. Я сам по-своему разберусь со своей женой. — И, не стыдясь, захныкал. — Ох, Бетти, Бетти, — зывал он, — почему ты не вытащишь меня отсюда?

— Вы, конечно, понимаете, — сказал капитан, — что находитесь здесь из-за брата?

— Поменьше болтовни, — прогнусавил Тристрам, — и побольше синтешока, вы, лицемер, обжора. Ну-ка, руки вверх.

— Напитайте во имя любви к небесам, — вторил блаженный Эмброуз Бейли. — Не забывайте служителей Господа во дни изобилия своего. — Он упал на колени, вцепился в ноги капитана, чуть его не свалив.

— Охрана! — крикнул капитан.

— И, — сказал Тристрам, — оставьте в покое моего ребенка. Это *мой* ребенок, вы, маньяк-детоубийца. — Он начал слабыми кулаками постукивать в капитана, как в дверь. — *Мой* ребенок, свинья. Мой протест, мое грязное слово грязному миру, ты, разбойник. — И начал обыскивать капитана на предмет синтешока проворными длинными обезьяньими руками.

— Охрана! — крикнул капитан, отбрыкиваясь от него.

Блаженный Эмброуз Бейли отпустил капитанские ноги, пополз, упав духом, назад к своему топчану.

— Пять раз «Отче наш» и пять «Богородице, Дево, радуйся», — сказал он небрежно, — сегодня и завтра в честь Цветочка. Идите с миром, Бог вас благословит.

Явившийся охранник весело спросил:

— Не доставили вам никаких неприятностей, а, сэр? Хорошо. — Руки Тристрама, слишком слабые для дальнейшего обыска, повисли по бокам. — Вот, — ткнул в него пальцем охранник. — Настоящим кошмариком был террорист, когда только тут появился. Никак не могли его вразумить, настоящий преступник. Теперь здорово пообломался, — с оттенком гордости сказал он.

Тристрам забился в свой угол, бормоча:

— *Мой* ребенок, *мой* ребенок, *мой* ребенок.

С этим спондеем в ушах капитан ушел, нервно усмехаясь.

Глава 5

В конце декабря в Бриджуотере, графство Сомерсет, Западная Провинция, мужчина средних лет по имени Томас Уортон, шедший домой с работы вскоре после полуночи, подвергся нападению каких-то юнцов. Они пырнули его ножом, ободрали, насадили на вертел, смазали жиром, нарезали, приготовили, — открыто, без всякого стыда, в одном из городских кварталов. Голодную толпу, которая шумно требовала ломтей и кусков, удерживали позади — чтобы не нарушился Королевский Мир — жующие, брызжущие слюной серые. В Тереке, Северный Райдинг, трое парней — Альфред Пиклс, Дэвид Огден и Джеки Пристли — были

на смерть убиты молотком в темной пивной и утащены через задний двор в дом чуть дальше по улице. Два вечера улица веселилась под дымок жаркого. В Стоуке-на-Тренте из-под снега внезапно оскалился скелет женщины (позже опознанной как Мария Беннет, незамужняя, двадцати восьми лет), начисто лишенный нескольких хороших вырезок. В Джиллингеме, графство Кент, Большой Лондон, на потайной задней улочке открылся продуктовый магазин, где по ночам шла жарка; похоже, его опекали представители обеих полиций. Ходили слухи о солидных хрустких рождественских обедах в некоторых не подвергшихся преобразованиям районах побережья Саффолка.

В Глазго на хогманей^[29] секта бородачей, поклонявшихся Ньялю^[30], приносила многочисленные человеческие жертвы, оставляя обожествленному сожженному советчику внутренности, а себе мясо. В не столь изысканном Киркколди наблюдалось немало частных кейли^[31] с мясными сандвичами. Новый год начинался с рассказов о робкой антропофагии в Мэрипорте, Ранкорне, Берследе, Западном Бромвиче и Киддерминстере. Потом в столице внезапно полыхнул собственный каннибализм: мужчина по фамилии Эмис претерпел жестокую ампутацию руки на окраине Кингсвея; С. Р. Кок, журналист, был сварен в старом медном котле неподалеку от Шепердс-Буш; мисс Джоан Уэйн, учительница, была зажарена кусками.

Впрочем, все это были рассказы. Никакого реального способа проверить их истинность не существовало; они вполне могли оказаться бредовой фантазией экстремального голода. В частности, одна история оказалась столь невероятной, что бросила тень сомнения на другие. Из Бродика на острове Арран сообщалось, будто за коллективным ночным поеданием человеческой плоти последовала гетеросексуальная оргия в ярком свете брызжущих салом факелов и будто на следующее утро был замечен пробившийся из-под утоптанной земли росток корнеплода, известного как козлобородник. Чему никоим образом ни с какими натяжками было невозможно поверить.

Глава 6

У Беатрис-Джоанны начинались схватки.

— Бедная старушка, — сказал Шонни. — Бедная, бедная старушка.

Он, его жена и свояченица стояли в то яркое, хрусткое февральское утро у стойла Бесси, больной свиньи. Всей обмякшей серой тушей Бесси,

слабо похрюкивая, лежала на боку — огромная руина плоти. Верхний бок в странных пятнах вздымался, точно ей снилась охота. Панкельтские глаза Шонни наполнились слезами.

— Глисты в ярд длиной, — сокрушенно сказал он, — ужасные живые глисты. Почему глисты должны жить, а она нет? Бедная, бедная, бедная старушка.

— Ох, Шонни, прекрати, — всхлипнула Мевис. — Мы должны очерстветь сердцем. В конце концов, она просто свинья.

— Просто свинья? *Просто* свинья? — возмутился Шонни. — Она выросла вместе с детьми, благослови Бог старушку. Она была членом семьи. Она без конца приносила приплод, чтоб мы могли прилично питаться. Ей надо устроить христианские похороны, спаси Господь ее душу.

Беатрис-Джоанна сочувствовала его слезам; она во многом была ближе с Шонни, чем с Мевис. Но сейчас на уме у нее были другие вещи. Начинались схватки. Нынче справедливый баланс: смерть свиньи, рождение человека. Она не боялась, веря в Шонни и Мевис, особенно в Шонни; беременность шла здоровым нормальным путем, терпя только некоторые разочарования: сильному желанию пикулей-корнишонов пришлось остаться неудовлетворенным, стремление переставить в фермерском доме мебель пресекла Мевис. По ночам иногда возникало всепоглощающее желание оказаться в уютных объятиях, как ни странно, не Дерека, а...

— А-а-а-ах.

— Получается две за двадцать минут, — сказала Мевис. — Иди-ка лучше в дом.

— Это потуги, — сказал Шонни с чем-то похожим на радость. — Должно быть, где-нибудь нынче ночью, хвала Господу.

— Немножечко больно, — сказала Беатрис-Джоанна. — Не сильно. Просто чуточку, вот и все.

— Хорошо, — с энтузиазмом пробурчал Шонни. — Первым делом надо клизму. С мыльной водой. Позаботишься об этом, Мевис? И ей лучше принять хорошую теплую ванну. Правильно. Горячей воды у нас, слава Богу, полно. — Он поспешно погнал их в дом, оставив Бесси страдать в одиночестве; принялся открывать и захлопывать дверцы шкафчиков. — Перевязочные материалы, — кричал он. — Я должен приготовить перевязочные материалы.

— Хватит еще времени, — сказала Мевис. — Она человек, знаешь, не зверь в поле.

— Поэтому я и должен приготовить перевязочные материалы, — взорвался Шонни. — Боже милостивый, ты что, женщина, хочешь, чтобы она просто перекусила пуповину, как кошка? — Нашел льняные нитки и, распевая панкельтский гимн, сплел десять дюймов на перевязь пуповины, завязав на концах узлы. Тем временем Беатрис-Джоанну отвели наверх в спальню, в доме во все горло запели трубы с горячей водой, потрескивая и напрягаясь, как корабль в пути.

Боли становились все чаще. Шонни приготовил постель в отапливаемом сарае, постелил упаковочную бумагу, разгладил поверх нее простыню, без конца распевая. Урожай погиб, умирает верная свинья, только новая жизнь готова показать нос силам бесплодия — жестом, некогда называвшимся «накося-выкуси». Нежданно-негаданно в голову Шонни пришли два странных имени почему-то казавшихся бородами, — Зондек и Ашхейм. Кто же они такие? Он вспомнил: древние изобретатели анализа на беременность. Несколько капель мочи беременной женщины, введенные маленькой мышке, заставляли ее быстро достичь половой зрелости. По какой-то причине его сердце прыгнуло в неизмеримом восторге. *Это*, конечно, огромная тайна — вся жизнь едина, вся жизнь едина. Но сейчас не время об этом думать.

Димфна и Ллевелин пришли домой из школы.

— В чем дело, пап? Что будет, пап? Что ты делаешь, пап?

— Тетке вашей время пришло. Не приставайте ко мне сейчас. Идите куда-нибудь, поиграйте. Нет, постойте, пойдите побудьте с бедной старушкой Бесси. Поддержите ее за копытце, бедную старушку.

Теперь Беатрис-Джоанне хотелось лечь. Плодная оболочка быстро лопнула, отошли воды.

— На левый бок, девочка, — приказал Шонни. — Больно? Бедная старушка.

Фактически боль становилась гораздо хуже; Беатрис-Джоанна начала задерживать дыхание и сильно тужиться. Шонни привязал к изголовью кровати длинное полотенце, уговаривал:

— Тяни, девочка. Тяни сильнее. Благослови тебя Бог, теперь уж недолго. — Беатрис-Джоанна тянула со стонами. — Мевис, — сказал Шонни, — дело, должно быть, долгое. Принеси-ка мне пару бутылок сливовицы и стакан.

— Осталась всего пара бутылок.

— Вот их и тащи, будь доброй девочкой. Ну, ну, моя красавица, — сказал он Беатрис-Джоанне. — Тяни, тяни, благослови тебя Бог.

Он проверил гревшиеся на радиаторе старомодные свивальники,

связанные двумя сестрами долгими зимними вечерами. Стерилизовал свои перевязочные материалы; ножницы кипели в кастрюле; на полу поблескивал жестяной таз; хлопковая вата ждала, когда ее скрутят в тампоны; на косой балке висели свивальники, — все фактически готово.

— Благослови тебя Бог, дорогая моя, — сказал он своей жене, вернувшейся с бутылками. — Будет великий день.

День, безусловно, был долгим. Беатрис-Джоанна напрягала все мышцы почти два часа. И кричала от боли, а Шонни, потягивая сливовицу, ободрительно покрикивая, наблюдал, ждал, потея не меньше нее.

— Будь у нас только, — бормотал он, — хоть какое-то обезболивающее. Вот, девочка, — решительно сказал он, — выпей-ка, — и протянул бутылку. Но Мевис схватила его за руку.

— Смотри! — закричала она. — Идет!

Беатрис-Джоанна взвизгнула. На свет появлялась головка, завершала, в конце концов, трудный путь: оставив позади костистый туннель тазового пояса, проталкивалась сквозь влагалище в полный воздуха мир, — равнодушный сейчас, он вскоре станет враждебным. После короткой паузы протолкнулось и тело ребенка.

— Отлично, — сказал Шонни с сияющими глазами, вытирая закрытые глазки младенца влажным тампоном, нежными, любовными движениями. Новорожденный закричал, приветствуя мир. — Прелестно, — сказал Шонни.

Потом, когда пульс в пуповине начал замирать, взял две приготовленные связки ниток, умело перевязал, туго, еще туже, крепко-накрепко, так что получились две пограничные линии с ничейной землей в центре. И осторожно щелкнул между ними стерилизованными ножницами. Теперь новая капля жизни, наполняясь бешено глотаемым воздухом, была предоставлена сама себе.

— Мальчик, — сказала Мевис.

— Мальчик? Так тому и быть, — сказал Шонни. Освободившись от матери, он переставал быть простой вещью. Шонни оглянулся, следя за выходом плаценты, пока Мевис заворачивала ребенка в шаль и укладывала в ящик у радиатора; купать его предстояло попозже.

— Боже милостивый, — сказал наблюдавший Шонни. Беатрис-Джоанна закричала, однако не так громко, как прежде. — Еще один, — в благоговейном страхе объявил Шонни. — Двойня, клянусь Богом. Приплод, клянусь Господом Иисусом.

Глава 7

— Выходи, ты, — сказал охранник.

— И почти вовремя, — взорвался Тристрам, поднимаясь с топчана. — Почти вовремя, будь ты проклят, гад. Дай поесть чего-нибудь, чтоб тебя разразило, прежде чем я уйду.

— Не ты, — с удовольствием сказал охранник. — Он, — указал он. — Ты еще долго с нами пробудешь, мистер Похабник. Это его выпускают.

Блаженный Эмброуз Бейли, которого встряхнул охранник, слепо заморгал и, тараща глаза, начал опоминаться от бесконечного присутствия Бога, установившегося в конце января. Он очень ослаб.

— Предатель, — зарычал Тристрам. — Подсадная утка. Все врал про меня, вот что ты делал. Купил себе враньем позорную свободу. — А охраннику он с надеждой сказал с большими яростными глазами: — Ты точно не ошибся? Точно не я?

— Он, — ткнул пальцем охранник. — Не ты. Он. Ты ведь не... — он прищурился на зажатую в руке бумажку, — не духовное лицо, что бы это ни значило, так? Их всех освобождают. А сквернословам вроде тебя тут придется сидеть. Правильно?

— Вопиющая распроклятая несправедливость, — завопил Тристрам, — вот что это такое. — Он упал на колени перед охранником, молитвенно сложив руки, сгорбившись, словно только что сломал себе шею. — Пожалуйста, выпусти меня вместо него. С ним покончено. Он думает, будто уже мертв, сожжен на костре. Думает, будто уже хорошо продвинулся по дороге к канонизации. Он просто не понимает, что происходит. *Пожалуйста.*

— Он, — указал охранник. — Его имя в этой бумажке. Смотри — Э. Т. Бейли. А ты, мистер Богохульник, останешься тут. Найдем тебе другого приятеля, не волнуйся. Давай, старик, — мягко сказал он блаженному Эмброузу. — Выйдешь отсюда, обратишься за распоряжениями к одному малому в Ламбете, он тебе скажет, что делать. Давай, ну. — И еще раз встряхнул его, несколько посильней.

— Дай мне его паек, — умолял Тристрам, по-прежнему на коленях. — Это самое меньшее, что ты можешь сделать, будь ты проклят, лопни твои глаза. Я чертовски голодный, будь все проклято.

— Мы все голодные, — рявкнул охранник, — а некоторым и работать приходится, не просто слоняться весь день. Все пытаемся прожить на тех самых орешках да на паре капель того самого синтемолы, и считается,

долго так продолжаться не может при таком положении вещей. Пошли, — сказал он, встряхивая блаженного Эмброуза. Но блаженный Эмброуз лежал с просветленным взором в священном трансе, почти не шевелясь.

— Еды, — пробурчал Тристрам, с трудом вставая. — Еды, еды, еды.

— Я тебе дам еды, — пригрозил охранник, вовсе этого не имея в виду. — Пришлю кого-нибудь из прихваченных людоедов, вот что я сделаю. Вот кто будет твоим новым соседом по камере. Вырвет у тебя печенку, вот что он сделает, зажарит и съест.

— Жареная или сырая, — простонал Тристрам, — какая разница. Дай мне ее, дай.

— Э-эх ты, — с отвращением усмехнулся охранник. — Пошли, ну же, старик, — сказал он блаженному Эмброузу с нарастающим беспокойством. — Вставай сейчас же, как приличный парень. Тебя выпускают. Вон, вон, вон, — продолжал он, как пес.

Блаженный Эмброуз поднялся на сильно дрожащих ногах, привалившись к охраннику.

— Quia pessavi minis^[32], — пробормотал он дрожащим старческим голосом. А потом неуклюже упал.

— Сдается мне, — сказал охранник, — ты совсем плох, вот что. — Он склонился, насупился на него, как на засорившуюся сточную яму.

— Quoniam adhuc^[33], — пробормотал блаженный Эмброуз, недвижимо лежа на плитах.

Тристрам, считая, что видит шанс, рухнул на охранника, точно башня, по его мнению. Оба, пыхтя, покатались по блаженному Эмброузу.

— Ах, вот ты как, вот ты как, мистер Поганец? — зарычал охранник. Блаженный Эмброуз Бейли застонал, как, должно быть, стонала блаженная Маргарита Клитерская под прессом в несколько центнеров в Йорке в 1586 году. — Сейчас хорошенько получишь, как следует, — пропыхтел охранник, встав на Тристрама коленями и колотя его обоими кулаками. — Напрашивался, получи, мистер Предатель. Ты живым никогда отсюда не выйдешь, вот как. — Он яростно с хрустом ударил его по губам, сломав вставные челюсти. — Ты долго на это напрашивался, вот так вот. — Тристрам тихо лежал, отчаянно дыша. Охранник, еще задыхаясь, потащил блаженного Эмброуза Бейли на свободу.

— Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa^[34], — вымолвил расстрига, трижды стукнув себя в грудь.

Глава 8

— Слава Богу! — воскликнул Шонни. — Мевис, иди посмотри, кто тут. Ллевелин, Димфна. Скорей, скорей все давайте.

Ибо в дом вошел не кто иной, как отец Шекель, по профессии торговец семенами, много месяцев назад взятый грубыми париями с накрашенными помадой губами. Отцу Шекелю было немного за сорок, голова очень круглая, коротко стрижена, ярко выраженный экзофтальм^[35] и хронический насморк в результате одностороннего нароста на носовой перегородке. С вечно открытым ртом и вытаращенными глазами, он смахивал на Уильяма Блейка, созерцавшего фей, поднимая в благословении правую руку.

— Вы очень худой, — сказала Мевис.

— Вас мучили? — спросили Ллевелин и Димфна.

— Когда вас выпустили? — закричал Шонни.

— Чего мне больше всего хотелось бы, — сказал отец Шекель, — так это выпить. — Речь его была приглушенной и насморочной, как при вечной простуде.

— Есть капелька сливовицы, — сказал Шонни, — осталась после родов и празднования их завершения. — И побежал за сливовицей.

— Роды? О каких родах он говорит? — спросил, усаживаясь, отец Шекель.

— Сестра моя, — сказала Мевис. — Близнецов родила. Нам крестить надо будет, отец.

— Спасибо, Шонни. — Отец Шекель взял наполовину налитый стакан. — Ну, — сказал он, отхлебывая, — кое-какие странные вещи творятся, а?

— Когда вас выпустили? — снова спросил Шонни.

— Три дня назад. С тех пор я побывал в Ливерпуле. Невероятно, но вся иерархия цела — архиепископы, епископы, все. Маскарад теперь можно оставить. Можно даже носить священническое облачение, если мы пожелаем.

— А мы, кажется, новостей вовсе не получаем, — сказала Мевис. — Нынче просто говорят, говорят, говорят, — увещания, пропаганда, — только мы опасаемся слухов, правда, Шонни?

— Каннибализм, — сказал Шонни. — Человеческие жертвоприношения. О подобных вещах мы слыхали.

— Вино очень хорошее, — сказал отец Шекель. — Думаю, мы не сегодня, так завтра увидим, как снимут запрет с виноградарства.

— Что такое виноградарство, пап? — спросил Ллевелин. — То же самое, что человеческие жертвоприношения?

— Вы оба, — сказал Шонни, — можете снова пойти и поддержать лапу

бедняжечки Бесси. Поцелуйте руку отца Шекеля перед уходом.

— Лапу отца Шекеля, — хихикнула Димфна.

— Ну и хватит теперь, — предупредил Шонни, — иначе получите по затрещине прямо в ухо.

— Бесси долго умирает, — проворчал Ллевелин с юной бессердечностью. — Пошли, Димф. — Они поцеловали руки отцу Шекелю и, тараторя, пошли прочь.

— Положение все еще не совсем ясное, — сказал отец Шебель. — Нам известно одно: все начинают сильнее пугаться. Это всегда можно сказать. Папа, видно, вернулся в Рим. Я своими глазами видел архиепископа Ливерпульского. Знаете, он, бедняга, работал каменщиком. Как бы там ни было, мы сохранили свет в темные времена. Это было предначертано Церковью. Есть чем гордиться.

— А теперь что будет? — спросила Мевис.

— Мы возвращаемся к своим священническим обязанностям. Снова будем проводить мессу — открыто, легально.

— Слава Богу, — сказал Шонни.

— Ох, не думайте, будто бы Государство хоть сколько-нибудь беспокоится о славе Божией, — сказал отец Шебель. — Государство боится сил, которых не понимает, и все. Руководители Государства страдают от приступов суеверного страха, вот в чем все дело. Ничего хорошего со своей полицией не добились, теперь призывают священников. Церквей никаких сейчас нет, поэтому нам придется ходить по отведенным районам, кормить всех Богом вместо закона. Ох, это все очень умно. Думаю, сублимация — большое слово: не ешь своего соседа, ешь вместо этого Бога. Нас используют, вот что. Но и мы пользуемся, в ином смысле, конечно. Прямо сейчас беремся за главную функцию — за сакраментальную функцию. Одно мы усвоили: церковь может пережить любую ересь или неортодоксальность, в том числе вашу безвредную веру во Второе пришествие, пока крепко держится за основную функцию. — Он фыркнул. — Я слышал, съедено поразительное количество полисменов. Пути Господни неисповедимы. Похоже, бесполое мясо сочнее.

— Какой ужас, — поморщилась Мевис.

— О да, ужас, — усмехнулся отец Шебель. — Слушайте, у меня мало времени, я нынче вечером должен добраться до Аккрингтона, может, пешком придется идти, автобусы вроде не ходят. У вас есть престольные облатки?

— Немного, — сказал Шонни. — Ребятишки, прости их, Боже, отыскивали пакет и давай есть, язычники маленькие, богохульники. Все бы

сожрали, как волки, если б я их не поймал.

— Потрудитесь немножечко ради крещения, прежде чем уходить, — сказала Мевис.

— Ох, да. — Отца Шекеля повели в сарай, где лежала Беатрис-Джоанна со своей двойней. Выглядела похудевшей, однако румяной. Близнецы спали.

— А после ритуала над новорожденными, — сказал Шонни, — как насчет ритуала над умирающей?

— Это, — представила Мевис, — отец Шекедь.

— Я ведь не умираю, правда? — встревожилась Беатрис-Джоанна. — Отлично себя чувствую. Хоть и голодная.

— Умирает бедная старушка Бесси, бедная старая леди, — сказал Шонни. — Я требую для нее тех же прав, что имеются у любой христианской души.

— У свиньи нет души, — сказала Мевис.

— Двойня, а? — сказал отец Шекедь. — Поздравляю. Оба мальчики, а? Какие имена вы им выбрали?

— Одно Тристрам, — сразу сказала Беатрис-Джоанна. — Другое Дерек.

— Можете дать мне воды? — спросил отец Шекедь Мевис. — И немножечко соли.

Вбежали запыхавшиеся Ллевелин с Димфной.

— Папа, — закричал Ллевелин, — пап, Бесси.

— Скончалась, да? — сказал Шонни. — Бедная верная старушка. Не получила утешения последними ритуалами, да помилует ее Бог.

— Она не умерла, — закричала Димфна. — Она ест.

— Ест? — опешил Шонни.

— Она встала и ест, — сказал Ллевелин. — Мы нашли яйца в курятнике и ей дали.

— Яйца? *Яйца*? Что, все с ума сошли, в том числе я?

— И те самые печенья, — сказала Димфна. — Круглые белые в шкафчике. Ничего больше найти не смогли.

Отец Шекедь рассмеялся. Сел просмеяться на краешек кровати Беатрис-Джоанны. Он смеялся над смешанными эмоциями, отражавшимися на лице Шонни.

— Не имеет значения, — сказал он наконец с придурковатой ухмылкой. — Найду какой-нибудь хлеб по пути в Аккрингтон. Должен же быть там хлеб где-нибудь.

Глава 9

Новым сокамерником Тристрама стал массивный нигериец по имени Чарли Линклейтер. Это был разговорчивый дружелюбный мужчина с таким большим ртом, что было непонятно, как ему удавалось добиться хоть какой-то точности в произношении английских гласных. Тристрам нередко пробовал сосчитать его зубы — собственные, часто сверкавшие как бы из гордости этим фактом — и, похоже, всегда приходил к итогу, превышавшему положенные тридцать два. Это его беспокоило. Чарли Линклейтер отбывал неопределенный срок за неопределенное преступление, связанное, насколько сумел уяснить Тристрам, с производством на свет многочисленного потомства и с избиением серых, приправленным скандалом в вестибюле Правительственного Здания и потреблением мяса в пьяном виде.

— Приятная передышечка тут, — сказал он, — мне не повредит. — Голос у него был звучный, ало-лиловый. В присутствии этой лощеной синевато-черной плоти Тристрам себя чувствовал особенно худым и слабым. — Говорят, мясо ел, — сказал Чарли Линклейтер на свой ленивый манер, развалившись на нарах, — только самого главного-то и не знают, приятель. Так вот, добрых десять лет назад водил я компанию с женой одного мужика из Кадуны, такого же, как и я. Звали его Джордж Дэниел, занимался он тем, что снимал показания со счетчиков. Ну, неожиданно вернулся, застал нас за делом. Что нам оставалось, как не прибить его старым тесаком? Ты бы то же самое сделал, приятель. Ну и вот, остаемся мы с трупом, — добрых тринадцать стоунов. Что нам оставалось, как не загрузить его в старый котел? Целую неделю пришлось есть без устали. Кости закопали, никто бы не сделал умнее. Был большой пир, брат, настоящая добрая еда. — Он вздохнул, облизал огромные губы, даже рыгнул от благодарного воспоминания.

— Я должен отсюда выбраться, — сказал Тристрам. — Там ведь есть еда, во внешнем мире, правда? Еда. — Он пустил слюни, тряхнул решетку, но слабо. — Я должен поесть, должен.

— Ну, — сказал Чарли Линклейтер, — мне-то нечего отсюда спешить. Меня кое-кто ищет со старым тесаком, и, по-моему, мне тут не хуже, чем в любом другом месте. Во всяком случае, на какое-то время. Впрочем, с радостью помогу, чем смогу, тебе отсюда выбраться. Не то чтобы мне не нравилась твоя компания, ты воспитанный, образованный человек, и манеры у тебя хорошие. Только если тебе надо выбраться, помогу, парень.

Когда пришел охранник, чтоб сунуть сквозь решетку полдник — питательные таблетки и воду, — Тристрам с интересом увидел, что он захватил дубинку.

— Только выкипи дрянь какую-нибудь, — сказал охранник, — получишь вот от этой леди, — махнул он дубинкой, — хорошую затрещину по башке, мистер Кровопийца. Поэтому посматривай, вот что я тебе скажу.

— Очень у него симпатичная черная палка, — сказал Чарли Линклейтер. — Судя по его разговору с тобой, манеры у него не слишком хорошие, — добавил он. А потом разработал простой план верного освобождения Тристрама.

Ему самому он в определенной степени угрожал наказанием, но у этого человека было большое сердце. Поглотив за семь дней около девяти стоунов специалиста по снятию показаний со счетчиков, он явно был также настойчивым и упорным. И на первом простом этапе своего простого плана устроил демонстрацию враждебности к сокамернику ради исключения риска быть заподозренным в соучастии, когда придет время второго этапа. Отныне, когда бы охранник ни заглянул сквозь решетку, он громко рявкал на Тристрама:

— Хватит, парень, на меня набрасываться. Держи свои грязные слова при себе. Я к такому обращению ни в коем случае не привык.

— Опять? — кивнул мрачный охранник. — Мы его обломаем, обожди, увидишь. Мы заставим его ползать на брюхе, прежде чем совсем с ним покончим.

Тристрам с запавшими из-за сломанных челюстей губами открыл рот, как рыба. Охранник шарахнулся назад, оскалился и ушел. Чарли Линклейтер подмигнул. Так продолжалось три дня.

На четвертый день Тристрам лежал, как когда-то лежал блаженный Эмброуз Бейли, — навзничь, тихо, подняв взор к небесам. Чарли Линклейтер тряхнул решетку.

— Он умирает. Скорей сюда. Парень дух испускает. Идите сейчас же.

Ворча, пришел охранник. Увидел Тристрама в прострации, открыл дверь камеры.

— Хорошо, — сказал Чарли Линклейтер через пятнадцать секунд. — Просто влезай в его одежду, парень. Отличная работенка, — сказал он, вертя дубинку за петлю из кожзаменителя. — Просто влезай в его форму, вы с ним почти одних размеров. — Между ними распростерся намертво отключившийся охранник. — Слабенькая у него черепушка, — прокомментировал Чарли Линклейтер. Потом нежно поднял его, положил на Тристрамов топчан, накрыл Тристрамовым одеялом. Тем временем

Тристрам, тяжело от волнения дыша, влезал в поношенную синюю форму охранника, застегивал пуговицы. — Ключи не забудь, — сказал Чарли Линклейтер, — больше того, парень, не забудь дубинку. Эта маленькая красotka тебе по-настоящему дорогу расчистит. Ну, по-моему, он еще полчаса не очухается, так что попросту не спеши, веди себя естественно. Фуражку как следует нахлобучь на глаза, парень. Жалко, что у тебя эта самая борода.

— Очень признателен, — сказал Тристрам с бешено бьющимся сердцем. — Правда.

— Даже не думай, — сказал Чарли Линклейтер. — Ну-ка, дай мне легонько по кумполу этой самой дубинкой, чтоб все натуральнее выглядело. Камеру запирать нечего, никто не собирается из нее выходить, только ключами не позабудь звякнуть, чтобы все было мило и натурально. Ну, давай. Бей. — Тристрам слабо, как по поданному на завтрак яйцу, стукнул по дубовому черепу. — Можно и получше, — сказал Чарли Линклейтер. Тристрам, крепко сжав губы, шарахнул от души. — Что-нибудь вроде этого, — сказал Чарли Линклейтер, демонстрируя белки глаз. Туша грохнулась на плиты так, что задребезжали жестянки на полке.

В коридоре Тристрам осторожно глянул в обе стороны. В дальнем конце галереи двое охранников, мрачно привалившихся к ограждению колодца, болтали и глазели вниз, словно на море. В другом конце было чисто: до главной лестницы всего четыре камеры. Тристрам беспокоился — бородатый охранник. Нашел в кармане чужих заскорузлых штанов носовой платок и, вытянув руку, закрыл им лицо. зуб болит, челюсть или еще что-нибудь. Совету Чарли Линклейтера он решил не следовать: раз уж он неестественно выглядит, надо и вести себя неестественно. И неуклюже заплесал вниз по железной лестнице, звякая ключами, топая башмаками. На площадке встретился с другим, поднимавшимся охранником.

— Что с тобой? — спросил тот.

— Хлебало... Мочи нету, — пробормотал Тристрам. Другой удовлетворенно кивнул и продолжал восхождение.

Тристрам потопал вниз. Задержал дыхание. Кажется, слишком легко получается. Пролет за пролетом гремело железо, ряд за рядом бесконечные камеры, желтоватые таблички с плотно стоявшими печатными буквами на каждой площадке: *«Тюрьмы Е.В. Правила»*. Наконец первый этаж, ощущение, будто он держит галереи с камерами на своей собственной опьяненной голове, балансируя ими. Охранник с бычьей мордой, окостеневший, словно ободьями стянутый, столкнулся с ним нос к носу при повороте за угол.

— Эй, ты, — сказал он. — Что с тобой? Новичок, что ли?

— Ум-гум, — шамкнул Тристрам. — Заплутал. Так и знал...

— Если ищешь лазарет, — сказал охранник, — тогда прямо вон там. Мимо не пройдешь. — И махнул рукой.

— Ох, кусочек веревки бы... — прогнусавил Тристрам.

— Все в порядке, приятель, — сказал охранник. И Тристрам поспешил прочь. Теперь пошли сплошь учрежденческие коридоры, стены с негроидно-коричневыми панелями, сильный запах дезинфекции, голубая, освещенная изнутри коробочка над притолокой с надписью: «СЛУЖЕБНЫЙ ЛАЗАРЕТ». Тристрам храбро вошел в помещение с кабинками, с молодыми людьми в белых халатах, с застоявшимся запахом спирта. За ближайшей дверью слышался плеск и журчание воды, бормотание мывшегося мужчины. Тристрам обнаружил, что дверь открыта, вошел. Голубой кафель, пар, мывшийся намыливал голову, крепко зажмурясь, точно в жесточайшей агонии.

— Побриться забыл, — крикнул Тристрам.

— А? — в ответ крикнул мывшийся.

Тристрам с незначительной радостью обнаружил приделанную к скобе в стене электробритву. Включил, принялся соскребать с лица бороду вместе с мясом.

— Эй, — сказал, вновь прозрев, мывшийся, — что тут происходит? Кто вас сюда пустил?

— Бреюсь, — сказал Тристрам, с ошеломлением и ужасом, с яростным недоверием своим глазам глядя, как по мере падения клочков бороды в зеркале появляются впалые щеки. — Еще всего минутку, — сказал он.

— Нигде теперь нельзя уединиться, — проворчал мывшийся. — Даже когда моешься в ванне. — Он раздраженно взбудоражил воду. — Хоть бы для приличия шапку сняли, когда в ванную вламываетесь.

— Всего две секунды, — сказал Тристрам, оставляя усы ради экономии времени.

— Вы обязаны убрать с пола весь мусор, — сказал мывшийся. — Почему я должен наступать босыми ногами на чьи-то усы? — А потом: — Эй, в чем дело? Вы кто такой? У вас борода, — была, по крайней мере, — и тут что-то не так. Охранники бород не носят, только не в этой тюрьме, нет. — Он попытался вылезти из ванны, мужчина с кроличьим телом, с черной полосой волос от грудины до лобка. Тристрам толкнул его, сильно намыленного, обратно и бросился к двери. Радостно увидел в ней ключ, вытащил, вставил с другой стороны. Мывшийся, сплошь в мыле, опять попытался подняться. Чисто выбритый Тристрам по-рыбьи произнес слова

прощания, вышел и запер дверь. Слышался крик мывшегося: «Сюда!» — и плеск. В коридоре Тристрам спокойно сказал юнцу в белом халате:

— Я здесь новичок, похоже, заблудился. Как мне выйти отсюда?

Юнец, улыбаясь, вывел его из лазарета и дал указания.

— Вот тут вниз, милый мой, — сказал он, — потом сразу сверните налево, потом прямо, не ошибетесь, мой милый.

— Большое спасибо, — сказал Тристрам, улыбаясь черной дырой рта. Все в самом деле поистине были в высшей степени любезны.

В вестибюле, широком, высоком и мрачном, несколько охранников, должно быть сменившихся, вручали ключи старшему офицеру в новенькой щегольской синей форме, скорее семи, чем шести футов ростом.

— Верно, — говорил он без всякого интереса, — верно, — сверял номера на ключах со списком и ставил галочку, — верно, — передавал ключи помощнику, который развешивал их на стене. — Верно, — сказал он Тристраму.

В массивных металлических дверях тюрьмы был по левую руку открытый проходик. Через него выходили охранники. Все было очень легко. Тристрам чуть постоял на ступеньках, вдыхая свободу, глядя на небо, изумляясь его высоте.

— Тише, тише, не выдавай, — советовал он своему трепетавшему сердцу. И медленно пошел прочь, попробовав засвистеть. Но во рту у него чересчур пересохло.

Глава 10

Время сева, из инкубатора тоненькой струйкой текут яйца, Бесси, свинья, чуть не скачет, близнецы процветают. Беатрис-Джоанна с сестрой сидели в гостиной, вязали из какого-то суррогата шерсти теплую младенческую одежду. В сколоченной Шонни двойной колыбельке дружно спали Тристрам и Дерек Фоксы. Мевис сказала:

— Я вовсе не предлагаю тебе уйти в ночь со своей двойной ношей, только думаю, как для тебя было б лучше всего. Ясно, ты сама не захочешь навсегда здесь остаться, не говоря уж о том, что действительно нет свободного места. А потом, всем нам грозит опасность. Я имею в виду, тебе надо решить насчет будущего, правда?

— Ох, да, — без особого вдохновения согласилась Беатрис-Джоанна. — Я три письма написала Тристраму на Министерство Внутренних Дел, все вернулись обратно. Может, он умер. Может, они

расстреляли его. — Она шмыгнула пару-тройку раз. — Нашу квартиру забрал Жилищный Департамент. Мне идти некуда, не к кому. Не очень приятное положение, правда? — Она высморкалась. — У меня денег нет. У меня остается одно на всем свете — вот эти близнецы. Можешь меня вышвырнуть, если хочешь, только идти мне буквально некуда.

— Никто не собирается тебя вышвыривать, — резко сказала Мевис. — Ты моя сестра, это мои племянники, если тебе здесь придется остаться, что ж, наверно, так тому и быть.

— Может, мне удастся работу найти в Престоне или еще где-нибудь, — с весьма малой надеждой сказала Беатрис-Джоанна. — Может, это чуточку помогло бы.

— Нет никакой работы, — сказала Мевис. — А деньги всех волнуют в последнюю очередь. Я думаю об опасности. Я думаю про Ллевелипа и про Димфну, что с ними станет, если нас арестуют. А нас арестуют, тебе ведь известно, если обнаружат, что мы прячем, как там это называется.

— Это называется многодетная. Я — многодетная. Значит, ты видишь во мне не сестру. Просто видишь какую-то опасную многодетную. — Мевис, плотно сжав губы, склонилась над вязаньем. — Шонни, — сказала Беатрис-Джоанна, — так не считает. Одна ты считаешь меня обузой и опасностью.

Мевис подняла глаза:

— Ты говоришь очень невежливо и не по-сестрински. Абсолютно бессердечно и эгоистично. Ты должна понимать, в наше время нужна чуткость. Мы шли на риск еще до рождения малышей, на большой риск. А теперь ты винишь меня в том, что я думаю о своих детях прежде твоих. Что касается Шонни, он слишком мягкосердечен для такой жизни. Добросердечен до глупости, думает, будто нас Бог сохранит. Мне иногда тошно слышать имя Господне, если хочешь знать правду. Шонни когда-нибудь на нас на всех назовет беду. Когда-нибудь он нас всех вляпает прямо в кашу.

— Шонни вполне разумный и чуткий.

— Может быть, и разумный, но когда живешь в свихнувшемся мире, разум и чувство ответственности только мешают. Что касается чуткости, он, безусловно, не чуткий. Выброси из головы всякую мысль насчет чуткости Шонни. Ему просто везет, вот и все. Он слишком много болтает, причем говорит нехорошие вещи. Однажды, попомни мои слова, счастье ему изменит, а тогда помоги всем нам Бог.

— Итак, — сказала после паузы Беатрис-Джоанна, — чего ты от меня хочешь?

— Ты должна сделать то, что считаешь наилучшим для самой себя. Если надо, оставайся тут, оставайся, сколько сочтешь нужным. Но старайся порой вспоминать...

— О чем вспоминать?

— Ну, что из-за тебя кое-кто терпит всякие неудобства, даже опасности подвергается. Я сейчас скажу, не стану повторять. Покончим на этом. Просто хочу, чтобы ты иногда вспоминала, и все.

— Я помню, — сказала Беатрис-Джоанна напряженным тоном, — и очень благодарна. Я произношу это приблизительно трижды каждый день своего пребывания здесь, кроме, конечно, дня родов. Вот так вот я и делаю, только мне надо думать и о прочих вещах. Если хочешь, то сразу скажу, чтобы с этим покончить. Очень признательна, очень признательна, очень признательна.

— Ну зачем же ты так, — сказала Мевис. — Давай просто кончим этот разговор, ладно?

— Да, — сказала Беатрис-Джоанна, вставая. — Бросим эту тему. Помня, конечно, что это ты ее подняла.

— Нечего так говорить, — сказала Мевис.

— Ох, проклятье, — сказала Беатрис-Джоанна. — Пора их кормить. — И стала поднимать близнецов. Это уж слишком, вообще слишком; хоть бы Шонни вернулся домой после сева. Одной женщины в доме вполне достаточно, это она понимала, но что же ей делать? — Пожалуй, пойду к себе в комнату, — сказала она сестре, — на весь день. То есть если это, конечно, можно назвать комнатой. — Тут ей следовало бы попридержаться язык. — Извини, — сказала она. — Я не хотела.

— Делай что хочешь, — едко сказала Мевис. — Иди куда хочешь. Ты ведь так всегда поступала, с тех пор как я помню.

— Ох, проклятье, — сказала Беатрис-Джоанна и потащилась прочь со своими розовыми близнецами.

Глупо, думала она потом, лежа в сарае. Нельзя себя так вести. Приходилось мириться с тем фактом, что это место единственное, где она может жить; единственное место, пока в точности не узнает, что происходит в мире, где — если не под землей, иначе это значения не имеет, — Тристрам; как укладывается в общую схему Дерек. Близнецы не спали. Дерек (тот, у которого на слюнявчике было вышито «Д») пускал изо рта пузыри материнского молока, оба брыкались. Благослови Бог их крошечные носочки из заменителя хлопка, милые крошки. Ей много пришлось перетерпеть ради них, терпение — одна из ее обязанностей. Вдыхая, она вышла из сарая, вернулась в гостиную.

— Я виновата, — сказала она Мевис, не зная, за что именно извиняется.

— Все в порядке, — сказала Мевис, которая отложила вязанье в сторону и энергично делала маникюр.

— Хочешь, — сказала Беатрис-Джоанна, — я как-нибудь помогу приготовить еду?

— Если есть желание. Я не особенно голодна.

— А как насчет Шонни?

— Шонни взял с собой крутые яйца. Приготовь что-нибудь, если есть желание.

— Я сама не особенно голодна.

— Ну и ладно тогда.

Беатрис-Джоанна села, рассеянно покачивая пустую колыбельку. Не вынуть ли близнецов из кровати, не принести ли сюда? И весело спросила Мевис:

— Оттачиваешь коготки? — Тут ей следовало бы попридержать язык, и так далее.

Мевис подняла глаза.

— Если ты вернулась, просто чтобы нахамить... — резко сказала она.

— Прости, прости. Я действительно виновата. Это всего только шутка. Я просто не подумала.

— Нет, это одна из твоих характерных особенностей. Ты просто не думаешь.

— Ох, проклятье, — сказала Беатрис-Джоанна. А потом: — Прости, прости, прости.

— Какой смысл твердить, будто ты виновата, если ты этого на самом деле не чувствуешь.

— Слушай, — безнадежно сказала Беатрис-Джоанна, — чего ты действительно от меня хочешь?

— Я тебе уже сказала. Ты должна сделать то, что считаешь наилучшим для себя и своих *детей*.

В последнем произнесенном ей слове разноголосицей прозвучали самые разные полутона, намекавшие, что единственные настоящие в этом доме дети — собственные дети Мевис, а дети Беатрис-Джоанны незаконные, ненастоящие.

— Ох, — сказала Беатрис-Джоанна, смахивая слезы. — Я так несчастна. — И бросилась обратно к агукавшим, совершенно не несчастным близнецам. Мевис, поджав губы, продолжала делать маникюр.

Глава 11

В тот же день, гораздо позже, в своем черном фургоне прибыл капитан Популяционной Полиции Лузли.

— Вот, — сказал он юному Оксенфорду, водителю, — Государственная Ферма СЗ₃₁₃. Долгая была поездка.

— Поганая поездка, — сказал сержант Имидж, сильно присвистывая на свойственный ему лад. На вспаханных полях они насмотрелись на всякие вещи, на жуткие вещи. — Поганая, — повторил он. — Надо было бы нам ихние задницы пулями нафаршировать.

— Боеприпасов на борту не хватит, сержант, — сказал Оксенфорд, молодой человек, понимающий все буквально.

— И не наше это дело, — сказал капитан Лузли. — Публичное непристойное поведение — забота регулярной полиции.

— Тех регулярных, кого еще не съели, — сказал сержант Имидж. — Давай, Оксенфорд, — нагло приказал он. — Вылезай, ворота открывай.

— Это нечестно, сержант. Я машину веду.

— Ну, тогда ладно. — И сержант Имидж принялся вылезать, чтобы открыть ворота, всем своим длинным змеиным телом. — Дети, — сказал он. — Дети играют. Хорошенькие. Ладно, — сказал он Оксенфорду, — езжай к дому. А я пройду. — Дети убежали.

В доме Ллевелин закричал, задохнувшись:

— Пап, там мужчины какие-то едут в черном фургоне. По-моему, полицейские.

— В черном, говоришь? — Шонни поднялся выглянуть в окно. — Давно мы их поджидали, прости их Господь, да их все не было. А теперь, когда мы успокоились и заснули, вон они, тащатся в сапожищах. Где твоя сестра? — резко спросил он у Мевис. — В сарае? — Мевис кивнула. — Скажи, пусть закроется и сидит тихо. — Мевис кивнула, но замешкалась перед уходом. — Ну, давай, — поторопил ее Шонни. — Они будут тут через секунду.

— Первым делом мы, — сказала Мевис. — Помни. Ты, я и дети.

— Ладно, ладно, иди.

Мевис пошла к сараю. Фургон подкатил, капитан Лузли вылез, потягиваясь. Юный Оксенфорд взревел мотором, потом его заглушил. Имидж подходил к начальнику. Юный Оксенфорд снял фуражку, продемонстрировав красную полосу на лбу, словно Каинову печать, вытер лоб носовым платком в пятнах, снова надел фуражку. Шонни открыл дверь.

Все приготовились.

— Добрый день, — сказал капитан Лузли. — Это государственная ферма СЗ₃₁₃, а вы... Боюсь, не смогу ваше имя выговорить, видите ли. Только это значения не имеет. Здесь у вас остановилась миссис Фокс, не так ли? А это ваши дети? Прелестно, прелестно. Можно нам войти?

— Не мне отвечать да или нет, — сказал Шонни. — Думаю, у вас ордер есть.

— О да, — сказал капитан Лузли, — у нас есть ордер, видите ли.

— Почему он так говорит, пап? — спросил Ллевелин. — Почему он говорит «видите ли»?

— Просто нервничает, да помилует его Бог, — сказал Шонни. — Одни дергаются, другие говорят «видите ли». Ну, тогда входите, мистер...

— Капитан, — сказал сержант Имидж. — Капитан Лузли. — Все вошли, не снимая фуражек.

— Ну, — сказал Шонни, — что именно вы ищете?

— Интересно, — сказал сержант Имидж, толкая ногой тяжеловесную колыбель. — Сук сломается, колыбель упадет. Вывалится младенец...

— Да, — сказал капитан Лузли. — У нас есть основания полагать, видите ли, что миссис Фокс жила здесь весь период своей нелегальной беременности. «Младенец» — оперативный термин.

В комнату вошла Мевис.

— Это, — сказал капитан Лузли, — не миссис Фокс. — Говорил он капризно, точно его пытались обмануть. — Похожа на миссис Фокс, но не миссис Фокс. — Он отвесил ей поклон, как бы иронически поздравляя с искусной попыткой обмана. — Мне нужна миссис Фокс.

— Эта колыбелька, — сказал Шонни, — для поросят. Малыши из приплода обычно нуждаются в особом уходе.

— Может, мне, — спросил сержант Имидж, — велеть Оксенфорду побить его немножко?

— Пусть попробует, — сказал Шонни. Лицо его быстро залилось красным, словно под действием реостата. — Никто еще меня не побил. Мне очень хочется попросить вас всех выйти вой.

— Вы не можете этого сделать, — сказал капитан Лузли. — Мы выполняем свой долг, видите ли. Нам нужна миссис Фокс и ее незаконные отпрыски.

— Незаконные отпрыски, — попугаем повторил Ллевелин. — Незаконные отпрыски. — Фраза ему очень нравилась.

— Допустим, я вам сообщу, что миссис Фокс здесь нет, — сказал

Шонни. — Она нанесла нам визит прямо перед Рождеством, а потом уехала. Куда — не знаю.

— Что такое Рождество? — спросил сержант Имидж.

— Это к делу не относится, — бросил капитан Лузли. — Если миссис Фокс здесь нет, вы, полагаю, не возражаете, чтоб мы сами убедились. У меня вот тут, — он полез в боковой карман кителя, — нечто вроде многоцелевого ордера. Сюда входит обыск, видите ли, и прочее.

— Включая побои, — сказала Мевис.

— Вот именно.

— Убирайтесь, — сказал Шонни, — вы все. Я не позволю наемникам Государства шмыгать по моему дому.

— Вы тоже наемник Государства, — ровным тоном сказал капитан Лузли. — Ну, будьте же рассудительны, видите ли. Мы не хотим ничего плохого. — Он болезненно улыбнулся. — В конце концов, все мы должны выполнять свой долг.

— Видите ли, — добавила Димфна, а потом хихикнула.

— Иди сюда, девочка, — заискивающе сказал сержант Имидж. — Ты ведь хорошая девочка, правда? — Наклонился, присел на корточки, полюбезничал с ней, прищелкивая пальцами.

— Стой тут, — сказала Мевис, привлекая к себе обоих детей.

— А-а-р-рх, — коротко рыкнул на Мевис сержант Имидж и, поднявшись, надел слащавую идиотскую маску. — Тут ведь в доме есть малыш, правда? — льстиво спросил он у Димфны. — Сладкий писающий малыш, правда?

Димфна хихикнула. Ллевелин твердо сказал:

— Нет.

— И это тоже правда, — сказал Шонни. — Парень говорит только правду. А теперь все уходите отсюда, хватит время попусту тратить, и мое тоже. Я человек занятой.

— Я и не собирался, — вздохнул капитан Лузли, — предъявлять обвинения вам и вашей жене. Выдайте нам миссис Фокс с ее отпрысками, и больше вы о нас никогда не услышите. Даю слово.

— Ну, что мне, вышвыривать вас? — рявкнул Шонни. — Клянусь Господом Иисусом, я настроен со всеми разделаться.

— Врежь ему чуточку, Оксенфорд, — сказал сержант Имидж. — Все это куча белиберды.

— Мы сейчас начнем обыск, — сказал капитан Лузли. — Очень жалко, что вы не хотите помочь, видите ли.

— Мевис, иди наверх, — сказал Шонни, — вместе с детьми.

Предоставь дело мне. — Он попытался вытолкнуть жену.

— Дети останутся здесь, — сказал сержант Имидж. — Детей заставят немножечко повизжать. Люблю слушать детский визг.

— Ах ты, нечестивый безбожный ублюдок! — крикнул Шонни и бросился на сержанта Имиджа, но юный Оксенфорд быстро взялся за дело. Юный Оксенфорд легонько пнул Шонни в промежность. Шонни вскрикнул от боли, потом бешено замолотил руками.

— Ладно, — сказал голос из дверей кухни. — Я больше не хочу доставлять неприятностей. — Шонни опустил кулаки.

— А *вот это* миссис Фокс, — сказал капитан Лузли. — *Вот это* настоящая вещь. — И продемонстрировал сдержанную радость.

Беатрис-Джоанна была одета для выхода.

— Что, — спросила она, — вы сделаете с моими детьми?

— Ты не должна была так поступать, — простонал Шонни. — Ты должна была оставаться на месте. Все было бы хорошо, прости тебя Бог.

— Уверю вас, — сказал капитан Лузли, — ни вам, ни вашим детям не причинят никакого вреда. — Он вдруг вытаращил глаза. — Детям? Детям? Ох, ясно. Не один. О подобной возможности я не подумал. Тем лучше, видите ли, тем лучше.

— Можете как угодно наказать меня, — сказала Беатрис-Джоанна, — но дети не сделали ничего плохого.

— Разумеется, нет, — сказал капитан Лузли. — Вообще никому не причинят никакого вреда. Мы намерены причинить вред лишь отцу. Я намерен лишь предъявить Столичному Комиссару плоды его преступления. Ничего больше, видите ли.

— Что такое? — крикнул Шонни. — Что это происходит?

— Долгая история, — сказала Беатрис-Джоанна. — Теперь слишком поздно рассказывать. Ну, — сказала она сестре, — кажется, будущее обеспечено. Кажется, я нашла, куда идти.

Часть четвертая

Глава 1

Тристрам готовился начать свой анабасис. Его компасной стрелкой тянуло на север, к жене, к перспективе покаяния и примирения, как к перспективе бани после тяжких трудов. Ему хотелось уюта, объятий, тепла ее тела, слез, смешанных с ее слезами, отдохновения. Теперь он не особенно желал отмщения.

В столице был хаос, причем этот хаос казался сначала как бы отражением его вновь обретенной свободы. Хаос шумно буйствовал, как большая хохочущая вакханка, посоветовав ему неподалеку от Пентонвилла огреть безобидного мужчину дубинкой и украсть одежду. Было это в переулке после наступления темноты, на окраине, среди публичных костров, где готовилась пища, среди трещавших человеческим жиром огней. Электричество, вместе с другими коммунальными услугами, вроде бы не работало. Стояла ночь джунглей, под ногами, как поросль, хрустело битое стекло. Тристрам удивлялся поддержанию цивилизованного порядка в той самой тюрьме, которую покинул; сколько это может еще продолжаться? А потом, удивляясь, увидел мужчину, тащившегося к переулку, про себя напевавшего, что-то выпивавшего. Тристрам взмахнул дубинкой, и тот сразу покорно упал, точно только этого и дожидался; одежда — рубашка с круглым вырезом, кардиган, костюм в клетку, — снялась с него без труда. Тристрам быстро превратился в свободного гражданина, но решил оставить при себе дубинку охранника. И, одетый к обеду, пошел искать еду.

Звуки джунглей, черный лес небоскребов, звездное небо в головокружительной высоте, краснота костров. На Клермон-сквер он набрел на евших людей. Человек тридцать, мужчины и женщины одинаково, сидели вокруг жарившегося мяса. Железный гриль из грубо скрученных телеграфных проводов покоился на постаментах из груды кирпичей; внизу пылали угли. Мужчина в белой шапке вилкой ворочал, переворачивал брызжащие бифштексы.

— Места нет, места нет, — пропел при робком приближении Тристрама тощий субъект с профессорским обликом. — Это клубный обед, не общественный ресторан.

— У меня, — сказал Тристрам, махнув дубинкой, — тоже есть

членский билет. — Все рассмеялись над жалкой угрозой. — Я только что из тюрьмы, — жалобно заныл Тристрам. — Меня морили голодом.

— Приземляйся, — сказал субъект профессорского склада. — Хотя поначалу может оказаться чересчур жирным для твоего желудка. Нынче, — афористически изрек он, — преступник — единственный нравственный человек. — Потянулся к ближайшему грилю и прихватил щипцами длинный горячий железный противень со шкварчавшими кусками мяса. — Кебаб, — сказал он. Потом прищурился на Тристрама в свете костра. — Да ведь ты без зубов. Тебе обязательно надо зубы где-нибудь раздобыть. Обожди. У нас тут есть очень питательная похлебка. — И с необычайным гостеприимством засуетился в поисках миски, ложки. — Попробуй, — сказал он, наливая из железного котла, — и от всего сердца добро пожаловать.

Тристрам, как животное, потащил, весь дрожа, этот дар в угол, подальше от остальных. Лизнул дымившуюся ложку. Роскошь, роскошь, маслянистая жидкость, а в ней плавают какие-то дымящиеся мягкие каучуковые комья. Мясо. Он читал про мясо. Древняя литература полна мясоедения — Гомер, Диккенс, Пристли, Рабле, А. Дж. Кронин. Глотнул полную ложку, срыгнул, и все вышло обратно.

— Тише, тише, — сказал субъект профессорского склада, заботливо подходя к нему. — Тебе скоро покажется вкусным. Думай, будто это не то, что есть на самом деле, а какой-нибудь сочный фрукт с древа жизни. Вся жизнь едина. За что тебя посадили в тюрьму?

— Полагаю, — сказал Тристрам, по-прежнему рыгая, — за то... — и опомнился, — что я выступал против Правительства.

— Против какого правительства? В данный момент, похоже, у нас нет никакого правительства.

— Значит, — сказал Тристрам, — Гусфаза еще не началась.

— Кажется, вы ученый. Наверно, в тюрьме было время подумать. Скажите, что вы думаете о нынешних временах?

— Нельзя думать без данных, — сказал Тристрам. Вновь попробовал похлебку; пошла гораздо лучше. — Значит, это мясо, — сказал он.

— Человек плотояден, равно как и производитель. Эти качества родственны, причем оба давно подавляются. Сложите их воедино, и разумной причины для подавления нет. Что касается информации, мы информации не имеем, ибо не имеем информационных агентств. Впрочем, можно понять, что правительство Старлинга пало, Президиум полон грызущихся псов. Скоро будет правительство, не сомневаюсь. Мы тем временем объединяемся в небольшие обеденные клубы ради самозащиты.

Позвольте вас предупредить, только что вышедшего из тюрьмы и, следовательно, новичка в новом мире, не ходите один. Если желаете, я приму вас в наш клуб.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Тристрам, — но я должен найти свою жену. Она в Северной Провинции, рядом с Престоном.

— У вас будут определенные трудности, — сказал добрый человек. — Поезда, разумеется, перестали ходить, и дорожного транспорта мало. Пешком идти очень далеко. Не ходите без провизии. Идите вооруженным. Не спите на виду. Меня беспокоит, — сказал он, снова щурясь на впалые щеки Тристрама, — что у вас нет зубов.

Тристрам вытащил из кармана перекрученные половинки челюстей.

— Охранник в тюрьме просто зверь, — облыжно объявил он.

— По-моему, — сказал мужчина, похожий на профессора, — среди наших членов найдется зубной техник. — И направился к своей компании, а Тристрам прикончил похлебку. Она подкрепляла, без всяких сомнений. В голове закружилось воспоминание о древней пелагианской поэме или, скорей, об одном собственном авторском к ней примечании. «Королева Маб». Шелли. «Сравнительная анатомия говорит нам, что человек во всем схож с плодоядными животными, и ничем с плотоядными; у него нет ни когтей для поимки добычи, ни больших острых зубов, разрывающих живую плоть». И опять: «Человек не похож ни на одно плотоядное животное. Нет исключений, если им не служит человек, из правила, по которому травоядные животные имеют ячеистую ободочную кишку». Может быть, это в конце концов распроклятая белиберда.

— Ваши зубы можно починить, — сказал, вернувшись, любезный мужчина с профессорским обликом, — и мы можем дать вам в дорогу полную сумку холодного мяса. Я бы на вашем месте не думал отправляться до рассвета. Приглашаю вас провести ночь со мной.

— Вы поистине очень любезны, — искрение сказал Тристрам. — Честно скажу, никогда раньше я не встречался с подобной любезностью. — Глаза его наполнялись слезами; день был утомительным.

— Даже не думайте. С ослаблением Государства расцветает гуманность. В наши дни встречаются очень милые люди. Только все же держитесь за свое оружие.

Тристрам лег в ту ночь со вставленными зубами. Лежа на полу в квартире мужчины, похожего на профессора, вновь и вновь шамкал ими в темноте, словно жевал воздушное мясо. Хозяин, назвавшийся Синклером, устроил обоим для отдыха освещение с помощью фитиля, который плавал в жире, издавая вкусный запах. Уютное пламя высвечивало неприбранную

комнатку, битком набитую книгами. Синклер, впрочем, отказался от всех притязаний на звание, как он выразился, «читающего человека»; до краха электричества он был электронным композитором, специализировался на атмосферической музыке для телевизионной документалистики. Опять же до исчезновения электричества и остановки лифтов его квартира располагалась добрыми тридцатью этажами выше этой; видно, нынче слабейшие поднимались, а сильнейшие опускались. Эта самая новая квартира принадлежала настоящему читающему человеку, учителю китайского, чья плоть, несмотря на преклонный возраст, оказалась вполне сочной. Синклер невинно спал в стенной кровати, деликатно похрапывал и лишь изредка говорил во сне. Большинство его высказываний были афористичными, некоторые — просто белибердой. Тристрам слушал.

— Кошачье своеволие превосходит лишь ее глубокомыслие.

— Я люблю картошку. Я люблю свинину. Я люблю людей.

— Евхаристическое причащение — наш ответ.

Темный термин — причащение — стал как бы сигналом ко сну. Точно это и впрямь был какой-то ответ. Тристрам, довольный, убаженный, погрузился в забвение, выпал из времени, а вновь в него вынырнув, увидел Синклера, который что-то мычал, одеваясь, и дружелюбно щурился на него. Кажется, стояло прекрасное весеннее утро.

— Ну, — сказал Синклер, — надо собрать вас в дорогу, не так ли? Впрочем, сначала главное — хороший завтрак. — Синклер быстро умылся (похоже, коммунальное водоснабжение еще было в порядке), побрился древней опасной бритвой. — Хорошее название, — улыбнулся он, одалживая опасную бритву Тристраму. — Вещь в самом деле опасная. — Тристрам не нашел оснований не верить ему.

Видно, кострам с жарким никогда не давали погаснуть. Храмовый огонь, подумал Тристрам, олимпийский, сдержанно улыбаясь членам обеденного клуба, четверо из которых всю ночь охраняли, поддерживали огонь.

— Бекон? — спросил Синклер, — и навалил Тристраму полную жестяную звенящую миску. Все ели от души, часто изрекая веселые замечания и выпивая кварталы воды. Потом добрые люди набили почтовую сумку кусками холодного мяса, с многочисленными добрыми пожеланиями нагроулили своего гостя и отправили в путь.

— Никогда, — провозгласил Тристрам, — не встречал я такой щедрости.

— Идите с Богом, — сказал Синклер, сытый, готовый взгрустнуть. — Возможно, найдете ее в полном здравии. Возможно, найдете счастливой. —

Он нахмурился и поправился: — То есть, конечно, возможно, она будет рада вас видеть.

Глава 2

Тристрам шел пешком до самого Финчли. Он знал — не было ни малейшего смысла шагать по дороге, пока, скажем, Нанитон не останется далеко позади. Долго-долго шлепал по городским улицам между небоскребами жилых кварталов и фабриками с разбитыми окнами. Весело или грустно шел мимо обеденных клубов, трупов, костей, но сам нападениям не подвергался. Бесконечный город пах жареным мясом и засорившейся канализацией. Пару раз он с ошеломлением видел открытое и бесстыдное совокупление. Я люблю картошку. Я люблю свинину. Я люблю женщин. Нет, не так. Хотя что-то вроде. Полицейских не видел; все как бы растворилось или переварилось в общей массе. На углу близ Тафнелл-парк перед немногочисленной, но довольно внимательной паствой служили мессу. Тристрам все знал про мессу от блаженного Эмброуза Бейли и поэтому с изумлением увидел, как священник — моложавый седой фатоватый мужчина в грубо размалеванном стихаре (крест, буквы IHS^[36]) — раздавал нечто вроде круглых кусочков мяса.

— Hoc est enim Corpus. Hic est enim calix sanguinis^[37].

Должно быть, некий новый Совет, или что-то еще, при таком дефиците ортодоксальных обрядов одобрил подобную импровизацию.

Был прекрасный весенний день.

Сразу за Финчли Тристрам сел отдохнуть в дверях магазина на безопасной боковой улочке и вытащил из сумы мясо. Он стер ноги. Ел осторожно, медленно; желудку — как явствовало из приступа диспепсии после завтрака — предстояло еще многому научиться; при еде он требовал воды. Королева Маб нашептывала ему о жажде, неизменной спутнице плотоядия, о великой жажде. В жилом помещении позади разгромленного магазина Тристрам нашел работавший водопроводный кран, приник к нему губами,пил целую вечность. Вода имела слабый зловонный привкус, была слегка испорченной, и он подумал: «Вот где кроется источник будущих проблем». Отдохнул еще, сидя в дверях, стиснув дубинку, рассматривая прохожих. Все держались середины улицы, — любопытная характеристика последнего этапа Интерфазы. Он сидел, лениво перебирал мысли и ощущения, которые, по его мнению, должен был думать и чувствовать. Удивился, что испытывает столь малое желание расквасить своему брату

морду. Может быть, все это было злонамеренной ложью того самого амбициозного и разобиженного капитана; нужны доказательства, нужны определенные и неопровержимые свидетельства. Мясо бурчало в желудке; он изрыгнул какое-то восклицание вроде «жажды отцовства».

Родился ли уже ребенок, если должен родиться ребенок? Тристрам как-то потерял счет времени. Он чувствовал, что во всем этом хаосе Беатрис-Джоанна должна быть в большей безопасности, чем прежде. Она должна по-прежнему находиться на севере (если тот человек сказал правду); в любом случае ей идти больше некуда. Он испытывал уверенность, что сам делает единственно возможную вещь. Ему тоже некуда больше идти. Только до чего же ему ненавистен свояк: хвостун, обманщик, вечно ханжеские лозунги на языке, пригодные для поощрения команд по перетягиванию каната. На сей раз он ответит такими же криками, превзойдет его в набожности; больше он никому не позволит себя заstraщать.

Держась тротуара, Тристрам к середине дня прошел Барнет. Помешкав в нерешительности меж дорогами, соответственно, на Хэтфилд и на Сент-Олбани, с удивлением увидел автофургон, медленно с кашлем ползший на север, туда же, куда он. Выкрашен в какой-то земляной цвет; под одним слоем краски слабо проглядывал призрак его принадлежности — *Министерство Бесплодия*. Колеблясь между дорогами, Тристрам еще поколебался, прежде чем жестом просить подвезти. Решение за него принял нерв в больной левой ноге, и, отмахнувшись доводов разума, он рефлекторно выставил большой палец.

— Я еду только до Эйлсбери, — сказал водитель. — Может, там еще кого поймаете. Я хочу сказать, когда доберемся до Эйлсбери. — Автомобиль согласно содрогнулся. — Вы проделали долгий путь, — сказал он, с любопытством поглядывая на Тристрама. — Нынче путешественников не так много. — Тристрам объяснил. Водитель был тощим мужчиной в странной униформе: серый китель, штатские штаны, выцветшие до того же земляного цвета, что сам грузовик, на коленках землястые сырные дыры, белые тесемки висят из-под подтяжек. Когда Тристрам рассказал о своем освобождении из тюрьмы, он, коротко всхрипнув, рассмеялся.

— Если б вы обождали до нынешнего утра, — сказал он, — преспокойно бы вышли. Видно, там распахнули ворота из-за сбоя с доставкой еды. Так мне, по крайней мере, в Илинге рассказали.

Тристрам тоже издал лающий смешок. Все труды Чарли Линклейтиера впустую.

— Вы должны понимать, — сказал он, — я не слишком осведомлен. Просто не имею понятия, что происходит.

— Ох, — сказал мужчина. — Ну, не так уж я много могу рассказать. Похоже, центрального правительства в данный момент нету, однако мы пытаемся изобрести какой-то региональный закон и порядок. Что-то вроде военного положения, можно сказать. В моем лице вы видите воскресшего военного. Я солдат. — И он снова всхрипнул.

— Армия, — сказал Тристрам. — Полк. Батальон. Рота. — Он читал о подобных вещах.

— Всего этого у нас быть не может, — сказал мужчина. — Каннибализм без разбора, и канализация не работает. Нам надо думать о женах и детях. В любом случае в Эйлсбери кое-что начинается. У нас даже есть люди, которые снова чуть-чуть работают.

— А что вы едите? — спросил Тристрам.

Солдат очень громко рассмеялся.

— Официально называется свиная тушенка, — сказал он. — Надо же нам что-то есть. Чего добру пропадать. Приходится, понимаете ли, довольно часто стрелять во имя закона и порядка, — серьезно сказал он. — Мясо и вода. Может быть, чересчур смахивает на тигриный рацион, но в консервных банках с виду выглядит цивилизованно. И мы надеемся, знаете, мы надеемся, что все снова начнет расти. Верьте, не верьте, но в прошлые выходные я на самом деле немножко рыбачил.

— Много поймали?

— Голавля, — сказал солдат и опять рассмеялся. — Жалкого маленького голавлика.

— А, — сказал Тристрам, — если можно спросить, какова цель вашей поездки?

— Этой? Ох, мы сообщение получили, что полицейские боеприпасы валяются на дороге от Илинга до Финчли. Однако какие-то свиньи добрались туда первыми. Очередная шайка. Моего капрала прибили. Капрал был не очень хороший, да не надо бы им его прибивать. Наверно, едят его теперь, каннибалы проклятые, — вполне спокойно рассказывал он.

— Кажется, — сказал Тристрам, — мы все каннибалы.

— Да, только, черт побери, мы-то в Эйлсбери хоть цивилизованные каннибалы. В том-то вся разница, чтоб есть из банок.

Глава 3

К западу от Хинкли Тристрам впервые увидел вспаханное поле. В целом все у него шло хорошо: ночь в бараках в цивилизованном Эйлсбери; путь при по-прежнему ясной погоде по Бистерской дороге в армейском грузовике, посадившем его в пяти милях от Эйлсбери и довезшем аж до Блэкторна; ленч в вооруженном, но дружелюбном Бистере, даже бритье и стрижка; пешком в Ордли по железнодорожной линии, а там сюрприз — древний паровичок, бежавший через лес до самого Банбери. У Тристрама было всего несколько септ, таннеров и тошрунов, обнаруженных в карманах оглушенного дубинкой мужчины, но любители, населявшие три вагона поезда, оказались археологами, имевшими смутное представление насчет оплаты проезда. Тристрам провел ночь в затянутом паутиной подвале на Уорвик-роуд и на следующий день задолго до обеда добрался до Уорвика в остановленном грузовике, музыкально громыхавшем мелким оружием. В притихшем при военном положении Уорвике ему посоветовали не соваться в Кенилуорт, так как этим городом явно правили какие-то фанатики типа Пятой монархии^[38], приверженцы доктрины строгой экзофагии; а вот в Ковентри, заверяли его, чужаку вполне гарантирована безопасность. Поэтому Тристрам отправился через Лимингтон окольной дорогой, которую облегчил веселый курьер-мотоциклист, посадивший его на заднее сиденье. Ковентри показался почти нормальным городом, если не считать гарнизонного привкуса: общественные мессы, переклички перед заводами, комендантский час с наступлением темноты. На границе города Тристрама жадно расспрашивали о новостях, по ему, разумеется, нечего было сказать. Тем не менее его приняли, разрешили свободно присутствовать на инженерно-сержантской мессе. Когда он уходил на рассвете, сунули в карманы пару консервных банок с мясом, и впервые за много лет ему по-настоящему хотелось петь на ходу по пути в Нанитон при чудесной погоде. Он уже приближался к северной границе Большого Лондона, мечтая вдохнуть сельский воздух. В Бедфорде его посадил военный автомобиль (красномордый от алка полковник типа Фальстафа с адъютантом) и провез через Нанитон до дороги на Шрусбери. Здесь, наконец, началась настоящая сельская местность: ровные вспаханные поля, не видно почти ни одной постройки, небо больше не загораживают горделивые монолиты. Он прилег за воротами и соснул в ароматах земли. Слава Всемогущему Богу.

А проснувшись, подумал, будто видит сои. Подумал, будто слышит дыхание флейты, поющие с придыханием голоса. Слова песни как бы складывались в утверждение, столь недвусмысленное и окончательное, точно он снова слышал «евхаристическое причащение». Слова были

примерно такие: «Наливаются яблочки и орехи полны, задирайте подолы, спускайте штаны», а простая мелодия кружилась и кружилась в бесконечном *da saro*^[39]. И он видел, он видел, он видел мужчин и женщин на пахоте — пара тут, пара там, — с ритуальной серьезностью изображавших чудовище за чудовищем с двумя спинами. Подолы задраны, штаны спущены под весенним солнцем, в засеянных бороздах, наливные яблоки и коричневые орехи, деревенское совокупление. Шесть мужчин, пять мужчин, четыре мужчины, два мужчины, один мужчина, и его, их... Почему в песне сказано «пес»? Поле засеяно, а не сжато. Однако в свое время они пожнут, вполне определенно пожнут. Вся жизнь едина. Та самая гниль была отказом человека от размножения.

Глава 4

— Ну, давайте, — раздраженно крикнул староста. Он смахивал на организатора танца героев легенды о Робин Гуде, жилистый, высокомерный, с красным носом, синими щеками. — Пожалуйста, слушайте все, — жалобно сказал он. — Выбраны следующие партнеры. — И начал читать по списку, который держал в руке. — Мистер Липсет с мисс Кенеми. Мистер Минрат с миссис Грэм. Мистер Ивенс с миссис Ивенс. Мистер Хильярд с мисс Этель Даффус. — И стал читать дальше. Тристрам, моргая на теплом солнце, сидел у постоянного двора в Атерстоне, благосклонно глядя на пары мужчин и женщин. — Мистер Финлей с мисс Рейчел Даффус. Мистер Мэйо с мисс Лаури. — Поименованные, точно на деревенских танцах, вставали в ряд лицом к возлюбленным, хихикая, вспыхивая, с отважным выражением палице, застенчивым, игривым, охотным. — Очень хорошо, — устало сказал староста. — А теперь в поля. — И все пошли рука об руку. Староста, увидев Тристрама, подошел, укоризненно качая головой, сел рядом с ним на скамейку. — В странные времена мы живем, — сказал он. — А вы что, просто мимо проходите?

— По пути в Престон, — сказал Тристрам. — А зачем, если можно спросить, вы все это устраиваете?

— Ох, обычное дело, — сказал староста. — Алчность, эгоизм. Кое-кто собирает все сливы. Вон тот тип Хильярд, к примеру. А бедняжка Белинда Лаури все время остается на холоде. Я все думаю, выйдет ли из этого хоть что-нибудь на самом деле хорошее, — мрачно задумался он. — Все гадаю, есть ли тут на самом деле хоть что-нибудь, кроме простого потворства своим желаниям.

— Это подтверждение, — сказал Тристрам. — Способ продемонстрировать, что разум — единственный инструмент проживания жизни. Возвращение к магии, вот что это такое. Мне это кажется очень здоровым.

— Я предвижу опасность, — сказал староста. — Ревность, драки, чувство собственности, расторжение браков. — Он твердо решил смотреть на дело с темной стороны.

— Все само образуется, — утешил его Тристрам. — Вот увидите. Краткое повторение всех времен свободной любви, а потом восстановятся христианские ценности. Вообще не о чем беспокоиться.

Староста нахмурился на солнце, на облачка, мягко, серьезно проплывавшие по акрам голубизны.

— По-моему, вы нормальный, — сказал он наконец. — По-моему, вы из тех, что и тот самый тип Хильярд. Типа «а-что-я-вам-говорил» по рождению и по воспитанию. Он всегда говорил, что дела не могли вечно идти так, как шли. Они смеялись надо мной, когда я сделал то, что сделал. Хильярд громче других. Я бы мог убить Хильярда, — сказал он, стискивая кулаки с зажатыми внутри большими пальцами.

— Убить? — сказал Тристрам. — Убить, — сказал он, — в дни любви?

— Это было, когда я работал в Личфилдской Жилищной Конторе, — пробормотал староста, — произошла эта вещь. Встал вопрос о вакансии и о моем повышении. Видите ли, я был старшим. — Если не дни любви, то определенно дни откровенных и честных признаний. — Мистер Консетт, начальник, сказал, что возникли сомнения, кого выбрать, меня или мужчину по имени Моэм. Моэм был гораздо младше меня, но Моэм был гомик. Ну, я долго думал. Меня самого на тот путь никогда не тянуло, но, разумеется, кое-что можно было сделать. Я много думал, прежде чем что-нибудь сделать; в конце концов, шаг очень важный. Так или иначе, после долгих раздумий, мучений, ворочаясь в постели, решился отправиться к доктору Мэнчипу. Доктор Мэнчип сказал, дело довольно легкое, вообще никакого риска, и он его сделает. Сказал, в общем наркозе нет надобности. Я смотрел, как он делает.

— Ясно, — сказал Тристрам. — То-то меня голос ваш удивил...

— Правильно. И посмотрите на меня теперь. — Он вытянул руки. — Сделанного не переделаешь. Как я впишусь в новый мир? Меня должны были предупредить, кто-то должен был мне сказать. Откуда мне было знать, что тот мир не продлится вечно? — Он понизил голос. — Знаете, как тот самый тип Хильярд недавно меня назвал? Он назвал меня *каплуном*. И причмокнул губами, в шутку, конечно, но не слишком хорошего вкуса.

— Ясно, — сказал Тристрам.

— Мне это вообще не понравилось. Мне ни чуточки это все не понравилось.

— Сидите тихонько и ждите, — посоветовал Тристрам. — История — колесо. Мир подобного типа тоже не может вечно существовать. В один прекрасный день нам придется вернуться к либерализму, к пелагианству, к сексуальным извращениям и... ну, к вашему случаю. Очевидно, придется — из-за всего вот этого. — Он махнул рукой в сторону вспаханных полей, откуда доносились приглушенные звуки энергичной сосредоточенности. — Из-за биологической цели всего вот этого, — пояснил он.

— А пока, — мрачно сказал староста, — мне придется бороться с людьми типа Хильярда. — Он передернулся. — Ничего себе, обозвать меня каплуном.

Глава 5

Еще молодой Тристрам, не болезненный с виду, был тепло принят дамами в Шенстоне. Он принес куртуазные извинения, сетуя на необходимость попасть к ночи в Личфилд. Проводили его поцелуями.

Личфилд взорвался пред ним, точно бомба. Там шел какой-то карнавал (хоть и не в знак расставания с мясной пищей^[40], вовсе нет), и смятенному взору Тристрама предстало факельное шествие, пляшущие над головами знамена и транспаранты: «Личфилдская Гильдия Плодородия», «Любовный Коллектив Служащих Юга». Тристрам смешался с толпой на тротуаре, глядя на парад. Сначала маршировал оркестр с грохочущими и визжащими доэлектронными инструментами, звучавшими как та флейта в полях под Хинкли, только мелодия теперь была уверенной, со всеми медными, мясистыми, кроваво-красными тонами. Толпа радостно голосила. Затем шли два клоуна, брыкаясь и падая, во главе потешного взвода новобранцев в сапогах, длинных кителях, но без штанов. Женщина позади Тристрама завизжала:

— И-и-их, вон наш Артур, Этель.

Кителя и фуражки этой хитро косившей, махавшей, кричавшей, шатавшейся голоногой фаланги были явно украдены у Поппола (где он теперь, где он?), а на высоко воздетой на палке табличке было аккуратно начертано: «ПОЛИЦИЯ СОВОКУПЛЕНИЯ». Маршировавшие колотили друг друга дубинками из набитых чулок, размахивали ими в воздухе в итифаллическом ритме.

— Что значит это слово, Этель? — прокричала женщина позади Тристрама.

— Настоящая щековая дробилка, вот что, — сказал ей маленький мужчина в шляпе, употребив один краткий термин Лоренса^[41].

— И-и-и, — провизжала она.

Дальше топали маленькие мальчики и девочки в зеленом, сладенькие и хорошенькие, с многоцветными парившими шарами-сосисками, привязанными к пальчикам.

— Ва-а-у-у, — взывала рядом с Тристрамом девушка с гладкими волосами и слюнявым ртом, — прелесть, правда?

Шарики рвались высоко в небо, освещенное факелами, вступая там в мягкий подушечный воздушный бой. За проскакавшими детьми потащились очередные фигляры, одни мужчины в древних раздутых женских юбках, с огромными неровными грудями, другие в облегающих шутовских костюмах с панурговыми рогами. Неуклюже танцуя, разыгрывали краткую судорожную пародию, стучаясь друг о друга задами.

— И-и-и, — вопила женщина позади Тристрама. — Я сейчас прямо умру со смеху, вот что.

Потом под восторженный вздох, сменившийся искренними радостными приветствиями, выехала белая платформа в море бумажных цветов, где на высоком троне восседала полногрудая девчонка в голубом, в короне из бумажных цветов, с древком в руке, в тесном окружении разноцветных фей, улыбалась, призывно помахивала, — видно, личфилдская королева карнавала.

— Истинная прелесть, — сказала другая женщина. — Дочка Джо Тредвелла.

Платформу тащили — на увитых цветами канатах, до треска натянутых, — юноши в белых рубашках и красных трико, красивые, мускулистые. За платформой шагали степенные представители духовенства, неся вышитый на заменителе шелка лозунг «Бог есть Любовь». За ними маршировала устрашающая местная армия со знаменами «Парни Генерала Х эту да, Мы Спасли Личфилд». Толпа приветственно орала во все горло. А потом, в копие, соблазнительно семенили молоденькие девушки (ни одна не старше пятнадцати), каждая с транспарантом, каждый транспарант прикреплен к верхушке высокого тонкого шеста; приапический символ, вызвавший радостные многократные крики, красовался в руках у вышагивавшей в длинных одеждах матроны, облетевшей розы в саду нераскрывшихся первоцветов. Процессия двигалась к окраинам города, толпа подпрыгивала, напирала,

проталкивалась на дорогу, следуя за ней. Из невидимой головы шествия грянула, медно грохнула веселая мелодия, — куст шелковицы, май, орешки, наливные яблочки, — пробивая путь в весенней ночи. Зажатый в толпе Тристрам тащился без сопротивления, наливные яблочки, через город, лебединое гнездо и орешки полны, лексикограф, задирай подолы, «Лич» на среднеанглийском означает «труп», спускай штаны, какое неподобающее название — Личфилд^[42] — для нынешней ночи. Мужчины и женщины, юноши и девушки толкались, работали локтями, хохотали в кильватере процессии; высоко впереди поблескивал белый деревянный фаллос, колыхался в фокусе среди красивых ленточек; старики горбились, но вступали в игру; женщины средних лет солидно проявляли готовность, юные похотливые парни, робкие, но охочие девушки, лунообразные лица, топорики, утюги, цветы, яйца, шелковица, все на свете носы (горделивые итальянские, приплюснутые восточные, вздернутые, плоские, торчащие, картофельные, петушинные, скошенные, широкие), волосы кукурузные, ржавые, по-эскимосски прямые, выющиеся, волнистые, редющие, выпавшие, тонзуры и проплешины; щеки, разгоревшиеся, как наливное яблочко и созревший орешек в кострах и пламени энтузиазма; шелест подолов по пути в засеянные борозды поля и штанов.

Где-то там пропала почти пустая сумка Тристрама с едой, исчезла дубинка. Руки оказались свободными для танцев и объятий. На травке на краю города устроился оркестрик, усевшись на скамейках, дудел, трещал, гремел, завывал. Приапический шест воткнули в ямку, уже вырытую в центре лужайки; знамена хлопали, обвивали мужчин, которые втыкали их в землю и утапывали у основания. Местная армия ловко рассредоточилась, принялась сваливать в кучу оружие. Были огни, фейерверки, пылало, трещало жаркое. «Личфилдские Колбаски», гласил плакатик. Тристрам присоединился к голодным волкам, раздававшим бесплатные вертелы, жевавшим соленое мясо, — гоахо, охень гоахо, — изо рта у него валил пар.

Вокруг приапического шеста начались танцы, юноши и предположительно девушки. В дальнем конце лужайки (эвфемистическое обозначение коричневой, почти голой площадки в полаккра) сладострастно и неповоротливо вертелись старшие. Разгоряченная смуглая женщина лет тридцати подошла к Тристраму и сказала:

— Как насчет нас с тобой, селезень?

— С радостью, — сказал Тристрам.

— Вид у тебя такой грустный, — сказала она, — точно ты по кому-то сохнешь. Правильно?

— Еще пара дней, если чуточку повезет, — сказал Тристрам, — и я

буду с ней. А пока...

И они закружились в танце. Оркестр снова и снова играл веселую резвую мелодию шесть на восемь тактов. Вскоре Тристрам с партнершей покатались в борозду. Многие катались в бороздах. Ночь была теплой для этого времени года.

Среди ночи пировавшие, тяжело дыша, раздевались у костров, фанфары объявили о начале состязания за мужскую праздничную корону. Королева надменно восседала на своей платформе; растрепанная, порозовевшая свита у ее ног, хихикая, расправляла юбчонки. Ниже платформы за грубым столом из одной морщинистой руки в другую руку переходила фляжка с алком, сидели судьи, старейшины города. В кратком списке значились пять соперников на состязаниях по физической силе и ловкости. Десмонд Сьюард согнул кочергу, — скрипя зубами, надув жилы, — и прошел на руках сорок ярдов. Джоллибой Адамс перекувырнулся бесчисленное множество раз, а потом перепрыгнул через костер. Джеральд Тойнби на пять минут задержал дыхание и исполнил лягушачий танец. Джимми Куэйр прошелся на четвереньках, лег неподвижно, а маленький мальчик (его брат, как потом оказалось) встал на животе Джимми Куэйра в позу Эрота. За новизну и эстетическую привлекательность они заслужили больше всех аплодисментов. Однако корона отошла Мелвилу Джонсону (прославленное имя), который, балансируя на голове, высоко задрал ноги, громко процитировал триолет собственного сочинения. Странно было видеть перевернутый рот и слышать правильные слова:

Если я завоюю прелестную королеву,
Сердце мое станет ей медальоном.
У нее всегда будет сердце на обед,
Если я завоюю прелестную королеву.
От моего огня разгорится в ней свет,
Поплывет она по морю золотым галеоном,
Если я завоюю прелестную королеву,
Сердце мое станет ей медальоном.

Тщетно придиричивые ворчали, будто в правилах состязаний ничего не сказано насчет таланта версификации, и в любом случае каким образом претендент продемонстрировал силу и ловкость? Он их очень скоро продемонстрирует, смеялся кое-кто. Единодушное решение судей вызвало

одобрительный рев. Мелвил Джонсон был коронован зубчатой фольгой и унесен под радостные крики на сильных плечах к королеве. Потом царственная чета, рука об руку, — юноши и девушки распевали вслед старую брачную песнь, слов которой Тристрам не сумел разобрать, — величественно проследовала в поля для завершения своей любви. На почтительном расстоянии за ними последовал простой народ.

Все под луной, семя делало свое дело на земле, семя делало свое дело под землей: Чарли Аарон с Глэдис Вудворд, Дэн Эйбл с Моникой Уилсон, Говард Уилсон с Кларой Хокинс-Эйбра-холл, Фредди Адлер с Дианой-Гертрудой Уильямс, Билл Айгер с Мэри Весткотт, Гарольд Олд с Луизой Вертхаймер, Джим Уикс с Пэм Азимов, Форд Вулвертон Эвери с Люси Вивиан, Дэнис Бродрик с Дороти Ходж, Джон Холберстрем с Джесси Гринидж, Тристрам Фокс с Энн Опимес, Рои Хайпляйи с Агнес Гелбер, Шерман Фейлер с Маргарет Ивенс, Джордж Фишер с Лили Росс, Альф Мелдрем с Джоанн Крамп, Элвис Фенвик с Брендой Фенвик, Джон-Джеймс Де Ропп с Асмарой Джоунс, Томми Элиот с Китти Элфик, — и еще бесчисленное множество. Когда луна спряталась, поднялся ветер, их потянуло к кострам, где они спали до рассвета в красной потрескивающей дымке сытости.

Тристрам проснулся на заре, слыша чириканье птиц; протер глаза под холодную далекую бас-флейту кукушки. Появился священник со складным алтарем и зевающий мальчик-служка с крестом.

— Introibo ad altare Dei^[43]. К Богу, даровавшему радость юности моей.

Освящение жареного мяса (хлеб и вино, без сомнения, скоро вернутся), раздача на завтрак причастия. Умывшийся, но небритый Тристрам поцеловал на прощанье новых друзей и отправился северо-западной дорогой на Рагли. Прекрасная утренняя погода вполне могла продержаться весь день.

Глава 6

Дионисийские буйства в Сэндоне, Мифорде, на перекрестке близ Уитмора, а в Нантвиче проходило нечто вроде ярмарки. Тристрам с интересом увидел звонко сыпавшиеся на прилавки ручейки мелких монет (стрельбище, «тетушка Салли»^[44], силомер, брось-монетку-в-счастливый-квадрат): видно, люди снова работали и зарабатывали. Еда (он заметил среди колбас и кебабов маленьких пятнистых птичек) продавалась, а не раздавалась бесплатно. Зазывалы настойчиво убеждали мужчин заплатить

таннер и поглядеть на Лолу и Кармениту в сенсационном танце с семьей покрывалами. Казалось, как минимум, в одном городе новизна плотской свободы начинала тускнеть.

В самых низменных формах оживало искусство. Сколько минуло времени с той поры, когда кто-нибудь в Англии видел живую игру? Люди на протяжении поколений лежали на спине в темноте своих спален, подняв глаза на голубой водянистый квадрат в потолке: механические истории о хороших людях, не имевших детей, и о плохих, их имевших; влюбленные друг в друга гомики; подобные Оригену^[45] герои, оскотившие себя ради глобальной стабильности. Тут, в Нантвиче, покупатели выстроились в очередь у большой палатки, желая посмотреть *«Несчастный отец: Комедия»*. Тристрам встряхнул свою маленькую горстку монет, подсчитал цену билета: полторы септы. Ноги у него устали; надо бы где-нибудь отдохнуть.

Должно быть, думал он, стиснутый на скамейке, вот такой была первая греческая комедия. На скрипучей платформе, освещенной двумя неуверенными лучами, актер, читавший текст от автора, с огромным фальшивым фаллосом представлял и грубо комментировал простую непристойную историю. Лысый муж-импотент (импотенцию символизировал обвисший гульфик) имел огневую жену, которая регулярно беременела от похотливых любовников, и в результате полный дом детей. Со временем бедняга, оскорбленный, осмеянный и поруганный, разбираясь на улице в приступе ярости с парой наставлявших ему рога бездельников, получил звонкий удар по макушке, корчась от боли. Но — чудо! Удар по голове странным образом подействовал на нервную систему: гульфик расправился, вздернулся: он больше не был импотентом. Однако, придумав хитрый план, с легкостью стал пробираться в дома любовников своей жены, где имелись женщины, и забавляться с ними, пока хозяин на работе. Восторженный рев. В конце концов он велел своей жене собрать манатки и превратил дом в сераль. Комедия закончилась фаллической песней и пляской. Ну, думал Тристрам, покидая в сумерках палатку, скоро мужчины станут одеваться козлами, представлять первую неотрагедию. Может быть, через год-другой начнутся мистерии.

У одного дымящегося лотка с едой маленький мужчина продавал одиночные листки бумаги инкварто; торговля шла бойко.

— *«Эхо Нантвича»*, — кричал он. — Всего один таннер.

Многие стояли и читали с разинутым ртом. Тристрам, несколько трепеща, потратил одну из последних монет и понес газету в уголок, скрытно, как несколько дней назад нес свой первый кусок мяса. Это —

газета — было почти таким же архаичным, как комедия. Лист с обеих сторон покрывал слепой шрифт, под названием «ЭКО ННТВЧ» — надпись: «Отпечатано с микроволнового передатчика Мининф 1.25 пополудни. Издатель Дж. Хоутри». Частное предприятие: начало Гусфазы. Тристрам глотал новости не жуя. Мистер Окэм получил от Его Величества предложение сформировать правительство; имена членов кабинета будут объявлены завтра. Общенациональное чрезвычайное военное положение; немедленное установление централизованного контроля над региональными (нерегулярными) вооруженными силами; региональные командиры отныне должны обращаться за распоряжениями в провинциальные штаб-квартиры, перечисленные ниже. Ожидается восстановление регулярных коммуникационных и информационных услуг на протяжении сорока восьми часов. Приказано вернуться к работе в течение двадцати четырех часов, за отказ суровое наказание (без спецификации).

Вернуться к работе, вот как? Тристрам задумался об этом, подняв взор от газеты. Стоявшие вокруг мужчины и женщины читали, шевеля губами или быстро пробегая глазами, открыв рты, озадаченные, восхищенные. Никто не бросал в воздух шапок, не кричал ура в честь новостей о восстановлении стабильности. Вернуться к работе. Официально он должен по-прежнему быть безработным, посадка в тюрьму автоматически лишала государственного служащего его должности. Ему надо прорваться на Государственную Ферму СЗ₃₁₃. Разумеется, первым делом жена и дети? (Дети? Один из них умер.) Впрочем, в любом случае он официально не получал никакой информации.

Сегодня вечером надо бы постараться добраться до Честера. Он купил себе за таннер причастие — большую колбасу — и, жуя, пошел по честерской дороге. Шагающие ноги подбадривал доносившийся из глубин памяти ритм афористичного катрена какого-то забытого поэта:

Ветер с севера леденит,
Южный зефир благоухает.
Пелагий полицию обожает;
Августин армии благоволит.

Капитан Лузли пожирал трещащие крохи новостей, пойманных по микроволновому радио на приборной доске.

— Вот, — сказал он с гадким удовлетворением, — это их научит, видите ли. Будет чуть больше уважения к закону и порядку.

Как грубо сказал ему в тот день в тюрьме Тристрам Фокс, он не обладал познаниями в историографии, не имел представления о цикле. Юный Оксенфорд, ведя машину, кивал без особого убеждения. Он был сыт по горло; поездка выдалась поганая. Полицейский паек скудный, в желудке у него урчало. Ядерный мотор фургона Поппола несколько раз сбоил, а механиком-ядерщиком Оксенфорд не был. Выезжая из Честера, он ошибся дорогой и радостно пер на запад (дело было вечером, а он к тому же не астронавигатор), обнаружив ошибку только в Долгелли (столбы с указателями выкопали на растопку). В Молвиде, на Уэлшпул-роуд, мужчины и женщины с живой веселой речью и с лицами чудотворцев остановили их. Этих людей очаровали близнецы Беатрис-Джоанны («до чего хорошенькие»), но враждебно настроили высокомерные манеры и дрожащий пистолет сержанта Имиджа.

— Чудной бедняга педик, — говорили они, нежными пальцами забирая у него оружие. — Вареный хорош будет, — кивали они, ощупывая мягкие суставы, когда его раздевали. Они также взяли форму капитана Лузли и юного Оксенфорда, приговаривая: — Очень даже пригодится для армии. Очень даже кстати. — Глядя, как эти двое трясутся в нижнем белье, сказали: — Ну, жалко. Кто знает, где взять оберточную бумагу, грудь им прикрыть? — Никто не знал. — Мы с вами хорошо обошлись, — сказали они наконец, — вон из-за той, что сидит позади, ясно? Игра почестному. — И проводили их, помахав руками. Сержант Имидж громко протестовал против предательства, дергаясь в хватке сильных мясников.

Возможно, люди из Молвида, отобрав форму, спасли им жизнь, но капитан Лузли был слишком глуп, чтобы это понять. Что касается Беатрис-Джоанны, единственной ее заботой оставались малыши. Она боялась городов и деревень с кострами и с лицами, от души евшими мясо, с лицами, дружелюбно улыбавшимися при виде ее спящей парочки. Улыбки и слова восхищения казались ей двусмысленными: вместо агуканья вскоре вполне могли зачмокать губы. Какая бы официальная судьба ни поджидала ее в столице, разумеется, до текнофагии ведь она не опустится? Тревожась за малышей, Беатрис-Джоанна забыла о голоде, но недоедание громко отзывалось на качестве и количестве молока. Время от времени ее невольно тянуло к жареным или вареным запахам, когда они быстро ехали через какой-нибудь город; а когда фургон останавливала хватка мясистых рук и

любопытные взоры рассматривали пару в нижнем белье, ее с близнецами на груди, чувствовала тошноту при мысли о том, что там жарилось и кипело. Но почему? Первичным было чувство, чувство не протестовало, это в дело вступал великий извечный предатель — *мысль*.

— Вещи, похоже, почти возвращаются к норме, видите ли, — сказал капитан Лузли, когда наконец выбрались на брайтонскую дорогу. — Впрочем, слишком много разбитых окон, и взгляните вон на то искореженное железо на дороге, видите ли. Перевернутые транспортные средства. Варварство, варварство. Военное положение. Бедный сержант Имидж. Нам надо бы, видите ли, выяснить имена ответственных за это. Тогда их можно было бы суммарно наказать.

— Бросьте эти распроклятые слюнявые речи, — сказал юный Оксенфорд. — Меня от вас иногда прямо тошнит, будь я проклят.

— Оксенфорд! — воскликнул шокированный капитан Лузли. — Помоему, вы не совсем понимаете, что говорите. Одно то, что мы без формы, видите ли, не оправдание для забвения об уважении к... к...

— Ох, заткнитесь. Все кончено. Есть у вас, черт возьми, хоть немножечко здравого смысла, чтоб это понять? Как вы, черт возьми, доберетесь туда, куда надо, просто не представляю, черт побери. — Они уже въезжали в Хейвордс-Хит. — Вернемся, раздобуду какую-нибудь одежду и первым же делом вступлю в эту чертову армию. А с этим со всем я покончил, так как с этим со всем покончено в любом случае. — Они уже выезжали из Хейвордс-Хит.

— Со всем этим *не* кончено, видите ли, — сказал капитан Лузли. — Всегда должна быть некая организация с целью сдерживания прироста населения либо силой, видите ли, либо с помощью пропаганды. Я прощаю вас, Оксенфорд, — великодушно добавил он. — Вы, вероятно, разнервничались из-за судьбы сержанта Имиджа, как, признаюсь, и я разнервничался, видите ли, слегка. Только больше чтоб этого не было. Не забывайте, пожалуйста, о разнице нашего ранга.

— Ох, заткнитесь, — снова сказал Оксенфорд. — Я чертовски замерз и чертовски проголодался, и хочу, черт возьми, остановить машину, оставить вас в ней и пойти присоединиться вон к ним. — Он резко махнул головой в сторону компании вроде цыганской, которая мирно ела вокруг костра на обочине.

— Их возьмет армия, — спокойно сказал капитан Лузли. — Их возьмут, нечего опасаться.

— А-а-пчхи! — вдруг чихнул Оксенфорд. И снова: — А-а-а... пчхи. Проклятье, разрази его гром, я по-настоящему простудился. Лопни ваши

глаза, Лузли. А-а-ах. Пчхи.

— Столичный Комиссар кое-что скажет по этому поводу, видите ли, — предупредил капитан Лузли. — Чистое, абсолютное нарушение субординации.

— По-моему, — саркастически сказал Оксенфорд, — целью этого упражнения было увольнение Столичного Комиссара. Я думал, такая была идея.

— Вот тут вы и сгруппируйте, Оксенфорд. Будет другой Столичный Комиссар, — высокомерно сказал капитан Лузли. — Ему будет известно, что делать при нарушении субординации.

— А-а-апчхи, — продолжал юный Оксенфорд, и еще: — Чхи, — чуть не врезавшись в фонарный столб. — В любом случае это не вы будете, — грубо сказал он. — Это будете не вы, взявшийся за такое чертовское дело, факт. А я в любом случае сегодня же буду в армии. Или завтра. Вот где мужская жизнь. Ка-а-х-хе-выпоспе-е-чхи-ли. Будь оно проклято, разрази его Дог. Там никто не гоняется за бедными беззащитными женщинами и детьми по нашему примеру.

— Я достаточно выслушал, видите ли, — сказал капитан Лузли. — Очень хорошо, Оксенфорд.

— А-а-а-р-р-х. Чтоб тебя разразило.

Вскоре въехали в Брайтон. Солнце весело сияло на море, на цветных платьях женщин и детей, на тусклых костюмах мужчин. Казалось, народу вокруг меньше; нельзя одновременно иметь пирог и его есть. Уже подъехали к величественным Правительственным офисам.

— Ну вот, — сказал капитан Лузли. — Езжайте прямо туда, Оксенфорд, где написано «Въезд». Странно, не могу вспомнить, чтобы было написано «Въезд», видите ли, когда мы уезжали.

Оксенфорд хрипло рассмеялся.

— Бедный глупый чертов болван, — сказал он. — Не видите, откуда взялся «Въезд»? Не видите, слабоумный дурак?

Капитан Лузли вытаращил глаза на фасад.

— Ох, — сказал он. — О Боже.

Ибо огромная растянувшаяся надпись — «*Министерство Бесплодия*» — изменилась; последнее слово утратило отрицательное значение.

— Ха-ха, — продолжал юный Оксенфорд. — Ха-ха-ха. — А потом: — А-а-а-р-рпчи! Проклятье, разрази его гром.

Глава 8

— И насколько возможно, — сказала телевизионное лицо почтенного Джорджа Окэма, Премьер-Министра, — стремиться к добропорядочной жизни при минимальном вмешательстве Государства.

Это было лицо воротилы-бизнесмена, — с жирными брылами, твердыми, по потворствующим страстям губами, с несговорчивыми глазами за шестиугольными очками. Оно было видно только временами из-за перебоев с трансляцией: сменялось быстрой рябью или дробилось на геометрические тропы и орнаменты; качалось, пошатывалось; самостоятельно расщеплялось на автономные гримасы; возносилось, уплывая с экрана, летело вдогонку за самим собой в бегущих друг за другом кадрах. Но твердый, спокойный, размеренный деловой голос не искажался. Говорил долго, хотя — в истинно августинской манере — мало что мог сказать. Впереди еще вполне возможны трудные времена, но, благодаря духу трезвого британского компромисса, пережившего в прошлом столько кризисов, страна несомненно победно придет к счастливым временам. Главное — доверие; мистер Окэм просил доверия. Он верит в британский народ; пусть народ верит в него. Изображение кивало самому себе до исчезновения в телевизионной темноте.

Тристрам сам кивал, подобрав себе зубы в благотворительном центре питания, созданном Ассоциацией Плодовитости Честерских Леди на северном берегу Ди. Он только что съел, слушая мистера Окэма, добрый мясной обед, поданный розовыми, добродушно подшучивавшими чеширскими девушками в симпатичной, хоть и аскетической обстановке, с бледно-желтыми нарциссами в горшках, свисавших с потолка. Много мужчин в его положении ели там сейчас и раньше, хотя в большинстве своем, кажется, провинциалы: ошеломленные мужчины, выпущенные из тюрьмы, теперь на пути в поисках своих семей, которые эвакуировались из городов во время пайковых бунтов и зверств первых обеденных клубов; безработные мужчины, добравшиеся до вновь открывшихся фабрик; мужчины (но ведь должны быть и женщины; где женщины?), изгнанные сильными и безжалостными из квартир на нижних этажах, — все без таннера в кармане.

Без единого таннера. Деньги стали проблемой. В тот день Тристрам обнаружил открытый банк, отделение Государственного третьего, где лежали его несколько гиней, которое вновь проворно вело дела после долгого моратория. Хотя кассир вежливо сказал, что ему следует обратиться в свое отделение, чему Тристрам мрачно усмехнулся, но, если он пожелает, у него с радостью примут денежный вклад. Банки. Может быть, не доверявшие им были не так глупы. Один человек в Тарпорли, как

он слышал, зашил в свой матрас три тысячи банкнотов по гинее и сумел открыть универмаг, когда банки были еще закрыты. Мелкие капиталисты выползали из нор, крысы Пелфазы, но августинские львы.

— ...От души приглашаем, — воззвал женский голос в громкоговорителе, — присутствовать. В восемь часов. Будет подан легкий ужин, жаркое. Партнеры, — это прозвучало греховно, — для каждого.

Голос отключился. Скорей приказание, чем приглашение. Танцы у костра у реки, не в полях. Неужели надеются, что лосось скоро снова взыграет в Ди? Две вещи лениво озадачивали Тристрама в тот прекрасный, но прохладный весенний вечер: несговорчивость женщин, а также тот факт, что за все, даже самое малое, необходимо платить.

Вздохнув, он встал из-за стола; надо бы пройтись по улицам Честера. В дверях нетерпеливая женщина проговорила:

— Ты ведь не забудешь, нет? Ровно в восемь часов. Я буду ждать тебя, скупой мальчишка.

Она захихикала, плотная женщина, легче видеть в ней тетушку, чем любовницу. Скупой? Чем это он проявил свою скупость? Или это шуточный пролептический^[46] термин, с едой никак не связанный? Тристрам объединил бурчание с прощальной усмешкой и вышел.

Такой ли был запах у Честера в дни римской оккупации, — солдатский запах? «Армия Запада — штаб-квартира», — кричала вывеска; звук благородно вибрирующий, почти артуровский^[47]. Во времена цезарских легионеров город должен был дымиться дыханием оскальзывавшихся коней, теперь он дымился лазурными мотоциклетными выхлопами, брызжущими, перистыми; прибывали гонцы с сверхсекретными сообщениями в гнездах конвертов, убывали — в перчатках и в шлемах — с такими же письмами, пинком воспламеняя свои машины, пламенем мчась по грохочущим дорогам-щупальцам, тянувшимся из города-лагеря в лагерь-город. Загадочные столбы с табличками указывали «Начальник артиллерийско-технического снабжения, Начальник медицинского снабжения, Офис главного интенданта». Тарахтели грузовики, нагруженные неловкими солдатами в импровизированной униформе; рабочую роту — с метлами вместо ружей — распускали на тротуаре; пара капелланов стыдливо училась отдавать честь. В охраняемом продуктовом магазине выгружали бидоны.

Чей лицемерный кивок головы обеспечил все эти припасы? Гражданские контракты без каких-либо вопросов; войска называют анонимное мясо в консервных банках «тушенкой», а такого животного

вовсе не существует; поддержание закона и порядка несовместимо с терпимостью к тихой работе бойни. По мнению Тристрама, военное положение было единственным способом. Армия — в первую очередь организация, созданная для массового убийства; мораль ее никогда не заботит. Расчищай дороги-артерии для движения, крови страны; следи за водоснабжением; обеспечь надлежащее освещение главных улиц, переулки и задворки сами о себе позаботятся. Не их дело рассуждать зачем и почему. Я простой солдат, сэр, лопни ваши глаза, не какой-нибудь там политик-горлопан: грязную работу оставьте нам.

Снова функционировал Дейли Ньюсдиск. Тристрам слышал металлический голос, гремевший на мессе офицерского гарнизона (сумеречные огни, порядок в белых покрывалах, ножевой серебряный звон), и перестал слушать. В Мехико ожил культ Кецалькоатля^[48]; из Чихуахуа, Моктесумы, Чильпапцинго сообщается о любовных празднествах и человеческих жертвоприношениях. Мясоедение и засолка мяса по всей длинной узкой полоске Чили. Лихорадочное консервирование в Уругвае. Свободная любовь в Юте. Бунты в зоне Панамского канала; свободно любящий, свободно питающийся народ не подчиняется вновь созданной милиции. В провинции Сюйюн в северном Китае местный магнат с ярко выраженной хромотой был обречен на заклание в ходе соответствующей церемонии. В Ост-Индии отлиты «рисовые младенцы» и утоплены на плантациях необрушенного риса. Хорошие новости об урожае зерновых в Квинсленде.

Тристрам шел, видя сменившихся со службы солдат, смеявшихся в обнимку с местными девушками. Слышал, как настраивается оркестр перед танцами, замечал нежные веселые огоньки на почках прибрежных деревьях. Он начинал поддаваться всему окружающему с апатичностью от усвоения мяса. Вот мир, молча с ним согласись: бормотание занимающихся любовью и месса, хруст мяса и военных колес. Жизнь. Нет, черт возьми, нет. Он взял себя в руки. Теперь он на последнем этапе пути. С удачей и с попутками можно даже к утру попасть в Престон. Он уже довольно давно в пути; надо ждать когда-то знакомых и любимых рук, усталости, освященной любовью и темнотой уединения, подальше от костров и веселых празднеств. Он быстро прошагал к устью дороги, ведущей на север, и встал, выставив поднятый большой палец, под указателем направления на Уоррингтон. Может быть, он не выразил подобающей благодарности Ассоциации Плодовитости Честерских Леди, ну и ладно. Плодовитость должна быть плодом Святого Духа, в любом случае зарезервированной за супругами. Слишком много прелюбодеяний

свершается.

Безответно вздернув поднятый палец раз шесть или семь, он уже решил идти пешком, когда рядом с визгом затормозил армейский грузовик.

— В Уиган, — сказал солдат-водитель, — со всей вон той кучей позади.

Он лихорадочно махнул головой, указывая назад, в кузов. У Тристрама екнуло сердце. В двадцати милях к северу от Уигана лежит Престон. В трех милях к западу от Престона на блэкпулской дороге стоит государственная ферма СЗ₃₁₃. Он влез в машину, рассыпавшись в благодарностях.

— Ну, — сказал водитель, держа большой руль по диаметру, — по моему, все это долго продолжаться не может, мистер.

— Нет, — энергично согласился Тристрам.

— Тогда скажите мне, мистер, — сказал водитель. — Как по-вашему, кто это будет? — Он громко причмокнул, посасывая естественный премоляр, моложавый пухловатый светловолосый мужчина в засаленной фуражке.

— А? — сказал Тристрам. — Боюсь, я не... боюсь, я что-то другое имел в виду.

— *Боитесь*, — с удовлетворением повторил водитель. — Вот именно. Точно сказано. Скоро многим придется бояться, мистер, и вам в том числе, осмелюсь сказать. Только война обязательно будет. Конечно, не потому, что ее кто-то хочет, а потому, что есть армия. Тут армия, там армия, по всей лавочке армии. Армии для войны, а войны для армий. Это только простой здравый смысл.

— С войной покончено, — сказал Тристрам. — Война вне закона. Войны не было много, много, много лет.

— Тем больше причин для войны, — сказал водитель, — раз мы без нее так долго обходились.

— Но, — взволнованно сказал Тристрам, — вы не имеете представления, что такое война. Я читал книги про старые войны. Они были ужасны, ужасны. Были ядовитые газы, которые превращают кровь в воду, бактерии, уничтожавшие семена в целых странах, бомбы, за долю секунды крушившие города. Со всем этим покончено. Должно быть покончено. Мы не можем опять это все пережить. Я видел фотографии, — содрогнулся он. — Фильмы тоже. Старые войны были просто жуткими. Насилие, грабеж, пытки, поджоги, сифилис. Немыслимо. Нет-нет, больше никогда. Не говорите подобных вещей.

Водитель легко покручивал руль, поводя плечами, точно плохой

танцор, потом сильно причмокнул.

— Я не такой тип имею в виду, мистер. Понимаете, я говорю про бои. Армии. Одна дерется с другой, если вы понимаете, что я имею в виду. Одна армия стоит лицом к другой, как, например, две команды. А потом одна стреляет в другую, и стрельба продолжается, пока кто-то не свистнет в свисток и не скажет: «Вот эта победила, а вон та проиграла». А потом раздадут увольнительные и медали, и девчонки все выстроятся в ожидании на вокзале. Вот какую войну я имею в виду, мистер.

— Но кто, — спросил Тристрам, — с кем пойдет на войну?

— Ну, — сказал водитель, — решат, правда? Как бы организуют все, правда? Только, попомните мои слова, будет так. — Груз позади него плясал, весело гроыхая жестью, когда проезжали по горбтому мосту. — Пал смертью храбрых, — сказал вдруг солдат с неким самодовольством. Батальоны жестянок с мясом звонко заплодировали, точно какая-нибудь гигантская грудь, увешанная медалями.

Глава 9

Тристрам доехал в фургоне военной полиции от Уигана до Стэндиша, потом дорога вдруг опустела. Он медленно, с некоторым трудом шел полнолуной ночью, левая нога доставляла проблемы, — натертая мозоль и протертая до чистой дыры подметка. Все-таки он браво шаркал, впереди трусило тихое возбуждение, высунув язык; ночь плелась вместе с ним к утру. В Лиленде ноги предложили передохнуть, но сердце этого не желало. Дальше, к рассвету в Престоне: там дух перевести, может быть, получить благотворительный завтрак, потом к цели в трех милях на запад. Утро и город неуклонно приближались.

Что за звон? Хмурясь, Тристрам сунул в уши мизинцы, с оглушительным грохотом сотрясая серу. Автоматически понюхал испачканный серой копчик пальца (все телесные секреты пахнут только приятно), вслушиваясь. Колокол звенел в мире, не у него в голове: он лязгал в самом городе. Колокола приветствуют пилигримов? Вздор. К тому же это и не колокол: электронная имитация колоколов медленно пульсирует из сотрясавшихся рупоров, извергая металлический фонтан гармоничного, сводящего с ума серебра. Тристрам, гадая, приближался. Он вошел в Престон в разгар утра и был поглощен толпами и ликующим звоном, крича окружавшим его незнакомцам:

— Что это? Что происходит?

Они смеялись в ответ, глухие, немые, шевеля губами в безумном водовороте гремящего в ушах металла. Сотрясавшаяся бронзовая крышка опустилась в серебре над городом, чудесным образом пропуская как бы больше света. Люди направлялись к источнику сумасшедшего ангельского перезвона; Тристрам следовал за ними, входя словно в самое сердце звука, — звука как конечной реальности.

Анонимное здание из серого строительного камня — провинциальной архитектуры, не более десяти этажей, — громкоговорители торчат с крыши. Тристрам, толкаясь, вошел с лимонного солнца, внутри разинул рот над обширной кубической пустотой. Он никогда в жизни не видел такого огромного интерьера. Даже помещением не назовешь — зал, зал заседаний, ассамблея; должно быть специальное слово, он его искал. Импровизация: клетушки старого здания (квартиры или офисы) раскурочили, стены снесли, о чем свидетельствовали неровные остатки кирпичной кладки; расчистили, содрали перекрытия потолков-полов нескольких этажей, так что высота ошеломяла глаз. Тристрам узнал алтарь на возвышении в дальнем конце; ряды грубых скамей, сидевшие в ожидании люди, коленопреклоненные в молитве. Соответствующие термины со скрипом выныривали из прочитанного, как раньше из контекста, почему-то казавшегося аналогичным, вставляли взвод, батальон. *Церковь. Паства.*

— Давка, как в старые добрые времена, приятель, — сказал позади добродушный голос. Тристрам сел на... на... — как сказать? На *молитвенную скамью.*

Священники во множестве мощно маршировали с большими толстыми свечами со взводом (нет, с причтем) мальчиков-служек.

— Introibo ad altare Dei...

Смешанные голоса летели в самую высь, с галереи в задней части здания ответила песнь:

— Ad Deum Qui laetificat juventutem meam^[49].

Это был какой-то совсем особый случай. Как игра в шахматы конями и слонами, вырезанными из слоновой кости, а не вылепленными из кусочков тюремного мыла. «Аллилуйя», — непрерывно гремело в ходе литургии. Тристрам терпеливо ждал Причастия, евхаристического завтрака, но молитва перед едой была очень длинной.

Бык-священник с тяжелыми губами повернулся от алтаря к пастве, стоя на краю кафедры, благословил воздух.

— Братие, — сказал он. Спич, торжественная речь, обращение, *проповедь.* — Нынче Пасха. Нынче утром мы празднуем воскресение или восстание-от-смерти Господа нашего Иисуса Христа. Мертвое тело Его,

распятого за проповедь Царства Божия и братства людей, сняли с креста, запечатали в земле, как в нее втоптывают сорняк или пепел костра, но все-таки Он на третий день восстал, осиянный славой, как встают на небе солнце, луна, все светила. Он восстал, засвидетельствовав всему миру, что нет смерти, смерть — только видимость, не реальность; воображаемые силы смерти — лишь тени, а их власть — лишь господство теней. — Священник мягко рыгнул на постившийся желудок. — Он восстал, чтобы превознести жизнь вечную, не призрачную белогубую жизнь в некоей мрачной ноосфере... — («И-и», — сказала какая-то женщина позади Тристрама), — а полную или единую жизнь, где планеты танцуют с амебами, великие неведомые макробы — с микробами, кишачими в наших телах и в телах наших братьев-зверей; вся плоть едина, и плоть также хлеб, трава, ячмень. Он есть знак, вечный символ, постоянное обновление, ставшее плотью; Он — человек, зверь, хлеб, Бог. Его кровь стала также и нашей кровью через акт освежения нашей — вялой, теплой, красной, свернувшейся в пульсирующих сосудах. Его кровь не только кровь человека, зверя, птицы, рыбы; это также дождь, река, море. Это пульсирующее в экстазе мужское семя и молоко, обильно источаемое матерями людей. В Нем мы едины со всеми вещами, и Он един со всеми вещами и с нами.

Сегодня в Англии, сегодня во всем Англоязычном Союзе мы радостно празднуем, с цевницами, псалмами, с громким аллилуйя, воскресение Князя Жизни. Сегодня также в дальних землях, отвергавших в бесплодном прошлом плоть и кровь Подателя Вечной Жизни, Его восстание из могилы приветствуется с радостью, подобной нашей, пусть даже под лицами и именами чужеземного значения и варварского звучания. — Мужчина справа от Тристрама нахмурился при этой фразе. — Ибо, хоть мы называем Его Иисусом, истинным Христом, Он все-таки за пределами всех имен и превыше них, поэтому, вновь восстав, Христос слышит, как к нему радостно обращаются и почитают под именами Таммуза или Адониса, Аттиса, Бальдера, Гайаваты, и для Него все едино, как едины все имена, как едины все миры, как едина вся жизнь.

Священник временно замолчал; из паствы доносилось напряженное покашливание. Потом, с уместной для религиозной проповеди неуместностью, он вскричал в полный голос:

— Итак, не бойтесь. Среди смерти мы в жизни.

— А-а-ах, чертов бред! — вскричал сзади голос. — Ты не можешь оживить мертвого всеми своими прекрасными речами, чтоб тебя разразило!

С признательностью завертелись головы; завязалась драка, мелькали

руки; Тристраму было не очень-то хорошо видно.

— Я думаю, — невозмутимо сказал священник, — перебившему меня лучше бы удалиться. Если он не уйдет добровольно, может быть, ему помогут.

— Чертов бред! Проститутствуешь ради ложных богов, прости Бог твое черное сердце! — Теперь Тристрам увидел, кто это. Узнал лунообразную физиономию, красную от искреннего гнева. — Моих собственных детей, — вопил он, — принесли в жертву на алтарь Ваала, которому ты поклоняешься как истинному богу, прости тебя Господь. — Крупное тело в обвисшей фермерской одежде выталкивали в борьбе, в драке тяжело дышавшие мужчины, развернув его в правильном направлении, больно заломив руки за спину. — Прости вас всех Бог, ибо я никогда не прощу!

— Извините меня, — бормотал Тристрам, проталкиваясь со своей скамьи. Кто-то крепко зажал рукой рот его удалявшегося свояка.

— Боб, — доносился приглушенный протест, — боб бас бро... боб... боб. — Шонни со своим крепким пыхтевшим эскортом уже был в дверях. Тристрам быстро шел по проходу.

— Продолжим, — продолжил священник.

Глава 10

— Значит, — безнадежно сказал Тристрам, — ее просто увезли.

— А потом, — глухо сказал Шонни, — мы ждали, ждали, но домой они не пришли. А потом, на другой день мы узнали о происшедшем. Ох, Боже, Боже. — Он пудингом плюхнул голову на большую красную тарелку, сделанную из своих рук, и всхлипнул.

— Да, да, ужасно, — сказал Тристрам. — Они сказали, куда ее повезли? Сказали, что возвращаются в Лондон?

— Я обвиняю себя, — сказала спрятанная голова Шонни. — Я верил Богу. Я долгие годы верил не тому Богу. Ни один добрый Бог не позволил бы такому случиться, прости Его Бог.

— Все напрасно, — вздохнул Тристрам. — Весь путь впустую. — Рука его дрожала, держа стакан. Они сидели в маленькой лавочке, торговавшей водой, слегка тронутой алком.

— Мевис была великолепна, — сказал Шонни, поднимая глаза, из которых текли слезы. — Мевис это приняла, как святая или как ангел. Только я никогда больше прежним не буду, никогда. Я пытался сказать себе,

Богу известно, для чего это произошло, и всему есть божественная причина. Даже пошел на мессу в то утро, готовый уподобиться Иову и хвалить Господа среди несчастий своих. А потом я увидел. Увидел в жирной морде священника. Услышал в его жирном голосе. Их всех прибрал к рукам ложный Бог.

Он дышал с трудом, со странным треском, словно море ворошило гальку. Немногочисленные прочие выпивавшие (мужчины в старой одежде, которые не праздновали Пасху) оглядывались.

— У вас могут быть еще дети, — сказал Тристрам. — У тебя еще есть жена, дом, работа, здоровье. А мне что делать? Куда идти, к кому я могу обратиться?

Шонни злобно взглянул на него. Губы его были в пене, борода плохо выбрита.

— Не говори мне, — сказал он. — У тебя дети, которых я берег столько месяцев, рискуя жизнью всей своей семьи. Ты со своими хитрыми близнецами.

— С близнецами? — вытаращил глаза Тристрам. — Ты сказал, с близнецами?

— Вот этими руками, — сказал Шонни, предъявляя их миру, огромные, скрюченные, — я помог родиться твоим близнецам. А теперь скажу: лучше б я не делал этого. Лучше бы я их оставил самих выбираться, как маленьких диких животных. Лучше б я их задушил и швырнул твоему ложному жадному Богу, с губ которого капает кровь, который ковыряет в зубах после своего любимого распроклятого мяса маленьких детей. Тогда, может быть, Он моих бы оставил в покое. Тогда, может быть, Он позволил бы им невредимыми прийти из школы домой, как в любой другой день, дал бы им жить. Жить, — крикнул он. — Жить, жить, жить.

— Я очень сочувствую, — сказал Тристрам. — Знаешь, сочувствую. — Помолчал. — Близнецы, — удивленно сказал он. А потом, лихорадочно: — Они сказали, куда поехали? Сказали, что возвращаются к моему брату в Лондон?

— Да, да, да. Наверно. Наверно, сказали что-то вроде этого. В любом случае это значения не имеет. Ничто больше не имеет значения. — Он без удовольствия присосался к своему стакану. — Весь мой мир потрясен, — сказал он. — Я должен его строить заново, искать Бога, в которого смогу верить.

— Ох, — в неожиданном раздражении крикнул Тристрам, — да не надо себя так жалеть. Это тебе подобные создали мир, в который ты, по твоим словам, больше не веришь. Все мы были в достаточной безопасности

в старом либеральном обществе. — Он говорил о том, что было меньше года назад. — Голодные, но в безопасности. Как только вы разрушили либеральное общество, то создали вакуум, куда мог прорваться Бог, а потом спустили с цепи убийство, прелюбодеяние, каннибализм. И, — сказал Тристрам с внезапно сжавшимся сердцем, — вы верите, что человек вправе вечно грешить, так как этим оправдываете свою веру в Иисуса Христа.

Он увидел: какая бы власть ни пришла к власти, он всегда будет против нее.

— Неправда, — сказал Шонни с неожиданной рассудительностью. — Вовсе нет. Есть два Бога, понятно? Они смешались, и нам трудно отыскать правильного. Вроде, — сказал он, — тех самых близнецов. Дерека и Тристрама, так она их назвала. Она все их путала голеньких. Но уж лучше так, чем вовсе без Бога.

— Тогда какого черта ты жалуешься? — рявкнул Тристрам. Лучшее от обоих миров, как всегда; женщины всегда получают лучшее от обоих миров.

— Я не жалуюсь, — сказал Шонни с пугающей кротостью. — Я готов вложить свою веру в реального Бога. Он отомстит за моих бедных мертвых детей. — Потом заглушил новые рыдания двумя полумасками из своих рук, грязных рук. — А вы можете себе оставить другого Бога, своего другого ложного Бога.

— Я в обоих не верю, — услышал свои слова Тристрам. — Я либерал. — И сказал, потрясенный: — Разумеется, на самом деле я этого не имею в виду. Я имею в виду...

— Оставь меня с моими бедами! — вскричал Шонни. — Уйди, оставь меня.

Тристрам растерянно пробормотал:

— Ухожу. Лучше мне начать обратный путь. Говорят, поезда теперь ходят. Говорят, снова действуют государственные авиалинии. Значит, — сказал он, — она назвала их Тристрамом и Дерексом, да? Очень умно.

— У тебя двое детей, — сказал Шонни, отнимая руки от затуманенных глаз. — А у меня ни одного. Давай, иди к ним.

— Факт тот, — сказал Тристрам, — факт тот, что у меня нет денег. Ни единого таннера. Если можешь одолжить, скажем, пять гиней, или двадцать крон, или что-нибудь в этом роде...

— Денег ты от меня не получишь.

— Взаймы, вот и все. Отдам, как только получу работу. Ждать недолго, обещаю.

— Не дам ничего, — сказал Шонни, безобразно кривя рот, как

ребенок. — Я достаточно для тебя сделал, правда? Разве я для тебя недостаточно сделал?

— Ну, — озадаченно сказал Тристрам, — не знаю. Наверно, раз так говоришь. Я в любом случае благодарен, очень благодарен. Только тебе, разумеется, ясно, что мне надо в Лондон вернуться, и, разумеется, было бы слишком просить меня возвращаться так же, как пришел, пешком, на попутках.

Посмотри на мой левый башмак. Я хочу поскорее туда попасть. — Он слабо стукнул по столу обоими кулаками. — Я хочу быть со своей женой. Разве ты не можешь понять?

— Всю свою жизнь, — мрачно сказал Шонни, — я давал, давал, давал. Люди обманывали меня. Люди брали, а потом смеялись у меня за спиной. В свое время я давал слишком много. Время, работу, деньги, любовь. А что вообще получил взамен? Ох, Боже, Боже, — задохнулся он.

— Ну, рассуди. Просто займы дай. Скажем, две-три кроны. В конце концов, я твой свояк.

— Ты мне никто. Просто муж сестры моей жены, вот и все. И оказался чертовски поганой обузой, прости тебя Бог.

— Слушай, мне это не нравится. Зачем же ты так говоришь.

Шонни сложил руки, словно по приказу учителя, крепко сжал губы. Потом сказал:

— Ничего от меня не получишь. За деньгами иди куда-нибудь в другое место. Я тебя никогда не любил, таких типов, как ты. С твоим безбожным либерализмом. С обманом. Хитростью завел детей. Не надо бы ей за тебя никогда выходить. Я всегда говорил, Мевис тоже. Уходи, прочь с глаз моих.

— Ах ты, злобный ублюдок, — сказал Тристрам.

— Какой есть, — сказал Шонни, — точно так же, как Бог такой, какой есть. Ты от меня помощи не получишь.

— Проклятый лицемер, — сказал Тристрам с каким-то ликованием, — с твоими фальшивыми «Господь смилуется над нами», «слава в вышних Богу». Высокопарные проклятые религиозные фразы, и ни крохи истинной в тебе религии.

— Уходи, — сказал Шонни. — Иди с миром. — Лысый официант у бара нервно грыз ногти. — Не хочу тебя вышвыривать.

— Кто-нибудь может подумать, будто это проклятое заведение принадлежит тебе, — сказал Тристрам. — Надеюсь, ты когда-нибудь вспомнишь. Вспомнишь, надеюсь, как ты отказался помочь при отчаянной необходимости.

— Иди-иди. Иди ищи своих близнецов.

— Иду, — сказал Тристрам. Встал, залепив гнев усмешкой. — В любом случае придется тебе расплатиться за алк, — сказал он. — За одно это ты будешь вынужден заплатить. — Издал школьный вульгарный звук и вышел, раздираемый гневом. Чуть постоял нерешительно на тротуаре, потом, решив свернуть направо, пошел своей дорогой, бросив через грязное окно дешевой лавочки последний взгляд на бедного Шонни, голова которого пудингом дрожала в ладонях.

Глава 11

Голодный, гадая, что делать, с еще побулькивающим внутри гневом, Тристрам шел по солнечным улицам пасхального Престопа. Обосноваться в сточной канаве, просить милостыню с протянутой рукой? Он знал, что вполне оборван и грязен для нищего, тощ, бородат, с взлохмаченными в колтун волосами. В некоей древней истории или мифе жил меньше года назад некий не слишком несчастный преподаватель общественных наук, ухоженный, аккуратный, красноречивый, евший дома пудинг из синтемолы, приготовленный презентабельной женой, под степенно крутившиеся на стене поблескивавшие черные новости. В самом деле, все было не так уж плохо: еды в самый раз, стабильность, денежный достаток, стереоскопический телевизор в потолке спальни. Он подавил сухой всхлип.

Недалеко от автобусной станции — красные одноэтажные машины заполняли пассажиры на Бамбер-Бридж и на Хорли — ноздри Тристрама раздулись от резкого, принесенного ветром аромата похлебки. Это был аромат грубого, благотворительного типа — жирный металл и мясной жир, смягченный травами, — но он полностью покорился ему, сглатывая слюну, руководствуясь своим носом. На боковой улочке запах щедро пахнул на него, оживил вроде низкой комедии; он увидел мужчин и женщин в очереди у магазина с двойным фасадом, с замазанными молочно-белыми окнами в завитушках побелки, как любительская копия портрета Джеймса Джойса работы Бранкуши. На металлической табличке над дверью белым по алому: «ВМ^[50] Коммунальный Центр Питания Северо-Запад». Благослови Бог армию. Тристрам присоединился к шеренге таких же бродяг, как он сам, — грязные волосы, измятая во сне одежда, безнадежные рыбы глаза. Один жалкий плут без конца сгибался пополам, словно его пнули в живот, монотонно жалуясь на желудок. Очень худая женщина с седыми грязными волосами с патетическим достоинством держалась прямо, выше этих людей, выше нищенства, разве что по рассеянности. Довольно молодой

человек с отчаянной силой шамкал беззубым ртом. Тристрама вдруг толкнул веселый мужчина в лохмотьях, сильно пахнувший старой псиной.

— Как дела? — спросил он Тристрама. А потом сказал, кивнув в сторону жирного аромата похлебки: — Как там дела в корыте для стружки.

Никто не улыбнулся. Молодая бесформенная женщина с волосами, похожими на спутанный клубок шерсти, сказала согбенному обремененному восточному человеку:

— Пришлось как бы бросить детей по дороге. Не могу их больше таскать.

Жалкие бродяги.

Рыжий мужчина в форме, без фуражки, подбоченившись, но страдальчески извернувшись, чтобы было лучше видно его три шеврона, теперь встал в дверях и сказал, сочувственно глядя на очередь:

— Подонки, отбросы человечества. — А потом: — Ладно. Заходите. Не толкаться, не лезть. Полно на каждую душу, если это можно назвать душой. Ну, идите.

Очередь затолкалась, полезла. Внутри слева стояли трое мужчин в грязных белых поварских одеждах с черпаками над дымящимися цистернами с похлебкой. Справа — рядовой солдат в слишком большом кителе грохотал тускло блестящими жестяными мисками и ложками. Самые голодные члены очереди лаялись друг с другом, пускали слюну над налитыми порциями, прикрывали защитными крышками из грязных лап, плелись с ними к рядам столов. Тристрам ел вчера, но совсем изголодался от утренней злости. Беленое, грубо функциональное помещение наполнилось шумом чавканья, плеска и дребезга ложек. Обезумев от пахучего пара, Тристрам за несколько секунд выхлебал свою похлебку. Голод стал пуще прежнего. Мужчина с ним рядом вылизывал пустую миску. Кого-то, чересчур жадно евшего, вырвало на пол.

— Пустая трата, — сказал еще кто-то, — чистая трата ко всем чертям.

Добавок вроде не давали. Также нельзя было, выскочив, снова встать в очередь: подбоченившийся сержант в дверях наблюдал. Фактически, кажется, возможности выскочить вообще не было.

Тут открылась дверь по диагонали напротив входной, вошел мужчина в форме, недавно приобщившийся к среднему возрасту. Он был в фуражке, вылощен, вычищен, отутюжен, затянут в португепю, носил три капитанские звездочки. Благожелательно сверкали очки армейского образца в стальной оправе. За ним стоял плотный мужчина с двумя нашивками, с пюпитром под мышкой. Тристрам с изумлением и надеждой увидел, что, кроме звездочек, при капитане находится серый мешок, который на ходу

отчетливо звякал. Деньги? Благослови Бог армию. Боже, как следует благослови армию. Капитан обошел вокруг столов, наблюдая, оценивая, а капрал семенил следом.

— Вам, — сказал капитан с культурным акцентом у стола Тристрама чавкавшему старику с буйными волосами, — наверняка пригодится тоштрун или около того. — Покопался в мешке, полупрезрительно бросил на стол яркую монетку. Старик сделал древний жест, прикоснувшись ко лбу. — Вам, — сказал капитан молодому голодному мужчине, по иронии судьбы очень толстому, — наверное, пойдет на пользу ссуда. Деньги правительственные, без процентов, должны быть возмещены в течение шести месяцев. Скажем, две гинеи?

Капрал протянул свой пюпитр со словами:

— Подпишите вот тут.

Молодой человек стыдливо признался в неумении писать.

— Тогда крест поставь, — утешил его капрал, — а потом выходи вон в ту дверь. — Он кивнул на дверь, в которую вошел с офицером.

— Ах, — сказал капитан Тристраму, — расскажите мне все о себе.

Лицо его было на редкость гладким, словно в армии имелся какой-то секретный утюг для лица; пахло от него любопытно пикантно. Тристрам рассказал.

— Школьный учитель, да? Ну, вам не о чем беспокоиться. Сколько мы скажем? Четыре гинеи?

Может быть, можно вас убедить согласиться на три. — Он вытащил из мешка шуршащие банкноты. Капрал сунул пюпитр и, казалось, готов был ткнуть авторучкой Тристраму в глаз.

— Подпишите вот тут, — сказал он.

Тристрам, дрожа, подписал, зажав в той же самой руке банкноты.

— Теперь вон в ту дверь, — подтолкнул капрал.

Дверь оказалась не выходом. Она вела в какой-то длинный широкий коридор, выбеленный известкой, пахнувший пустотой и некоторым количеством оборванных людей, скандаливших с молодым сержантом невеселого вида.

— Чего на меня-то накидываться, — говорил он северным голосом, высоким и напряженным. — День за днем мы их тут собираем, все на меня накидываются, будто я виноват, и приходится объяснять, я-то чем виноват. Ничем, — перевел он, взглянув на Тристрама. — Никто вас не заставлял, — рассудительно втолковывал он всем собравшимся, — делать то, что вы только что сделали, правда? Кое-кто, так сказать, старики, получили небольшой подарок. А вы взяли ссуду. Ее будут из жалованья вычитать.

Столько-то в неделю. Ну, не брали бы королевские деньги, если не хотите, не надо было подписываться.

Сердце Тристрама ухнуло глубоко вниз, потом снова выскочило в горло, точно прицепленное к резинке.

— В чем дело? — спросил он. — Что происходит?

К своему удивлению он увидел грязно-седую леди, величественную *гранд-даму*, аршин проглотившую.

— Этот субъект, — сказала она, — имеет наглость утверждать, будто мы вступили в армию.

Никогда не слыхала подобного вздора. *Я* — в армии. Женщина в моем возрасте и в моем положении.

— Осмелюсь сказать, вы отлично сгодитесь, — сказал сержант. — Любят, как правило, чуточку помоложе, но и вам вполне может найтись симпатичная работенка — присматривать за запасом. Солдат-женщин, — любезно объяснил он Тристраму, точно Тристрам был там самым невежественным, — называют запасом, понятно?

— Это правда? — спросил Тристрам, стараясь держаться спокойно.

Сержант, казавшийся порядочным молодым человеком, мрачно кивнул. И сказал:

— Я всегда говорю, ничего не подписывай, пока не прочитаешь. В той штуке, которую там сует капрал Ньюлендс, в самом верху сказано, что вы добровольно вступаете под знамена на двенадцать месяцев. Напечатано мелкими буквами, но можно прочитать при желании.

— Он закрывал большим пальцем, — сказал Тристрам.

— Я читать не умею, — сказал толстый молодой человек.

— Ну, хоронят вас, что ли? — сказал сержант. — Там тебя и научат читать, не бойся.

— Это, — сказала седая леди, — нелепо. Чрезвычайный скандал и позор. Я сейчас же вернусь, возвращу им их грязные деньги и в точности сообщу, что о них думаю.

— Вон как, — восхищенно сказал сержант. — Прямо вижу вас в канцелярии подразделения, как вы всем отвечаете по заслугам. Точно, отлично справитесь. Будете, как говорится, истинным старым боевым мечом.

— Позор. — И она, истинный старый боевой меч, направилась к двери.

— Что сделано, то сделано, — философски сказал сержант. — Что подписано пером, не вырубишь топором. Честным или нечестным образом, только они вас поймали. Впрочем, двенадцать месяцев не так уж и много,

правда? Меня уговорили на семь лет подписаться. Я был настоящим балбесом. Болваном, — перевел он для Тристрама. — Между нами, — признался он всем, — у добровольца гораздо больше шансов на повышение. Ага, она взялась за дело, — сказал он, наклонив голову. Из обеденного зала отчетливо слышался громкий голос седой женщины. — Отлично справится. — А потом: — Скоро введут, как говорится, призыв, капитан Тейлор сказал. Доброволец будет вообще совсем в другом положении. Стоит подумать.

Тристрам начал смеяться. Прямо в дверном проходе стоял стул, и он сел, чтоб удобнее было смеяться.

— Рядовой Фокс, — сказал он, плача от смеха.

— Правильно, — одобрительно сказал сержант. — Вот это настоящий армейский дух. Все время улыбайся, говорю я; лучше смеяться, чем делать что-нибудь другое. Ну, — сказал он, стоя вольно, кивая по мере прибытия других сбитых в кучу бродяг, — теперь вы в армии. Вполне можете от души ей попользоваться. — Тристрам продолжал смеяться. — Вон с него и берите пример.

Часть пятая

Глава 1

— Буки-буки-бу-бу-бу, — сказал Дерек Фокс сперва одному брыкавшемуся и чмокавшему близнецу, потом другому. — Бу-бу-бук, — проворковал он своему маленькому тезке, потом, со скрупулезной справедливостью, произнес то же самое крошке Тристраму.

Он всегда был скрупулезно справедлив, что могли засвидетельствовать его подчиненные в Министерстве Плодородия; даже Лузли, низведенный в довольно мелкий чиновничий ранг, — хотя теперь он силился доказать, будто Дерек гомосексуалист, — о несправедливости практически не говорил.

— Утю-тю-тю, — мурлыкал Дерек, повторяя все дважды, щекоча близнецов двумя пальцами. Они тем временем бултыхались, как рыбы, в своем безопасном манеже, хватались за поручни, молотя ручками-ножками. Крошка Тристрам произнес, точно гром из Упанишад:

— Да-да-да.

— Ах, — серьезно сказал Дерек, — нам нужно еще, еще и еще.

— Чтобы их взяли в армию и убили? — сказала Беатрис-Джоанна. — Ну уж нет.

— Ох, вот как... — Дерек, сцепив за спиной руки, быстро прошелся по гостиной. Потом выпил кофе. Гостиная была просторной; все комнаты в квартире с видом на море были просторными. Нынче людям ранга Дерека, их женам или псевдоженам, их детям было просторно. — Каждый должен воспользоваться своим шансом, — сказал он. — И женщины тоже. Вот поэтому нам и нужно еще.

— Чепуха, — сказала Беатрис-Джоанна.

Она растянулась на приземистом мягком глубоком диване, восьми футов длиной, цвета кларета. Пролистывала последний номер «Шика», журнала мод из сплошных картинок. Глаз отметил: Париж велит носить повседневно турнюры; смелые декольте для вечера объявлены de rigueur^[51]. Сладострастные гонконгские чонгсамы с четырьмя разрезами. Секс. Война и секс. Младенцы и пули.

— В прежние времена, — задумчиво сказала она, — говорили, что я уже свою норму превысила. А теперь твое министерство говорит, будто я свою норму не выполнила. Сумасшествие.

— Когда мы поженимся, — сказал Дерек, — то есть поженимся должным образом, может быть, ты иначе на это посмотришь. — Обошел диван сзади, поцеловал ее в шею, в нежно золотившийся на слабом солнце пушок. Один из близнецов, возможно крошка Тристрам, синхронно, точно в сатирическом саунд-треке, пукнул губами. — Тогда, — весело сказал Дерек, — я смогу *по-настоящему* завести разговор об обязанностях супруги.

— Сколько еще?

— Около шести месяцев. Тогда минет полных два года с тех пор, как ты в последний раз его видела. — Он еще раз поцеловал нежную шею. — Установленный законом период ухода от семьи.

— Я о нем все время думаю, — сказала Беатрис-Джоанна. — Ничего не могу поделать. Пару ночей назад видела сон. Вполне четко видела Тристрама, он бродил по улицам, звал меня.

— Сны никакого значения не имеют.

— И думаю, как Шонни рассказывал про встречу с ним. В Престоне.

— Как раз перед тем, как беднягу забрали.

— Бедный, бедный Шонни. — Беатрис-Джоанна бросила на близнецов отчаянно любящий взгляд.

Мозги у Шонни помутились после потери детей, отступничества Бога, и теперь он служил долгие литургии своего собственного сочинения в палате Винвикской больницы близ Уоррингтона в Ланкашире, пытаясь жевать священные простыни.

— Ничего с этим предчувствием не могу сделать. Будто он где-то бродит по всей стране, меня ищет.

— Стоял вопрос о средствах к существованию, — сказал Дерек. — Ты что, правда думала питаться воздухом с двумя детьми? Я часто говорил и теперь скажу, самое милосердное — считать Тристрама давно мертвым и давно съеденным. С Тристрамом всё, с ним покончено. Теперь ты и я. Будущее. — Он склонился над нею, уверенно улыбаясь, ухоженный, гладкий, очень похожий на будущее. — Святители небесные, — сказал он без всякой тревоги. — Время. — Время смутно показывали часы на дальней стене, — часы, стилизованные под золотое солнце, со сверкающими лучами вроде шпилек для волос сплошь вокруг циферблата. — Я должен лететь, — сказал он без всякой спешки. А потом, еще более неторопливо, ей на ухо: — Ты ведь на самом деле не хочешь, чтоб все было иначе. Правда? Ты со мной счастлива, да? Скажи, что ты счастлива.

— Ох, я счастлива. — Но улыбка была бледной. — Просто я...

хочется, чтобы все было честно. Вот и все.

— Все честно. Очень даже честно. — Он с облегчением поцеловал ее в губы, без всякого привкуса прощания. Но сказал: — А теперь я действительно должен лететь. Весь день забит делами. Буду дома около шести. — Про близнецов не забыл, поцеловал каждого в шелковую макушку, наградил финальным воркованием. Помахал, улыбнулся, сунул кейс под мышку, исчез; министерский автомобиль должен был ждать внизу.

Минуты через три Беатрис-Джоанна как-то воровато оглянулась, потом засемила на цыпочках к выключателю, распоряжавшемуся *Дейли Ньюсдиском*, сияюще-черным, как обливной кекс, на стенном шпинделе. Она не совсем могла объяснить себе слабое ощущение вины за желание снова послушать новости дня: в конце концов, *Дейли Ньюсдиск* — ныне одно из многочисленных свободных частных средств массовой информации, визуальных, аудиовизуальных, даже (например, *Уикли Фил*) осязательных, — тут затем, чтоб любой мог еще раз послушать. Зудел в стволе мозга Беатрис-Джоанны намек, будто в последние дни в новостях было нечто хитрое, нечто лукавое, невероятное, о чем было досконально известно Дереку и людям типа него (они посмеивались над этим в рукав), которые никак не желали, чтобы об этом знали люди типа нее. Ей хотелось проверить, не удастся ли найти трещину в слишком гладкой штукатурке, которая теперь...

— ...Выход Китая из Руссо и оглашенная премьером Пу Суинем в Пекине декларация о китайских намерениях создать содружество независимых государств, известном в Го-Ю под названием Та Чунь-го, в англазированном варианте Кит-со. Уже сообщалось о признаках агрессивных намерений по отношению как к Руссо, так и к Ангсо, в виде разведывательных рейдов в Култук и Боризу, а также сосредоточения в Южном Кантоне пехоты. По всем признакам, сообщает наш обозреватель на островах Мидуэй, запланирована аннексия Японии. Располагаясь в непосредственной близости к западным границам Ангсо...

Беатрис-Джоанна щелчком выключила магнетический синтетический голос. Полный бред чертов. Если б мир в самом деле подумывал о настоящей войне, говорили бы, разумеется, о летающих самолетах, о военных кораблях, бороздящих моря, о марширующих армиях с простым переносным вооружением; безусловно, грозили бы возрождением какого-то древнего, но эффективно губительного ядерного оружия. Однако ничего подобного не было. Прошлогодня импровизированная британская армия, которую теперь сменили — ради поддержания гражданского порядка, — рассудительные бобби^[52] в синем, была чистой пехотой при минимальной

поддержке специализированных войск; в журналах и на катушках новостей видели влезавших на танки солдат, — говорили, для строевой подготовки на Придаточных островах или для полицейской работы в раскольнических коридорах, — они вздергивали перед камерой большой палец с частично зубастой ухмылкой, цвет британской удачи и доблести.

Беатрис-Джоанна почти убедила себя в своей собственной убежденности, что как-то вечером перед стереовещателем в этой самой квартире видела на полутемном фоне крупным планом веселого Томми^[53], вздернувшего большой палец, и лицо его было знакомым.

— Ерунда, — сказал, разумеется, Дерек, растянувшись на кровати в лиловом халате. — Будь Тристрам в армии, его имя значилось бы в Армейской Канцелярии. Ты порой забываешь, что я его брат и у меня есть определенный долг. Я справлялся в Армейской Канцелярии, там ничего не знают. Я уже говорил и опять скажу, самое милосердное — считать Тристрама давно мертвым и давно съеденным.

И все же...

Она нажала кнопку электрического звонка в стенной панели с кнопками и выключателями; почти тут же впорхнула веселая (веселая, словно Томми) коричневая девушка, с судорожными поклонами, в черном форменном платье прислуги из заменителя шелка. Она представляла собой милый расовый оркестрик, а звали ее Джейн.

— Джейн, — сказала Беатрис-Джоанна, — пожалуйста, приготовь близнецов к дневной прогулке.

— Да-да, мадам, — сказала Джейн, покатила манеж на колесиках по ковру цвета морской волны во всю комнату, кудахча и гримасничая перед двумя младенцами, молотившими ручками-ножками.

Беатрис-Джоанна пошла к себе в спальню подготовиться к дневной прогулке. На ее туалетном столике стояла в аккуратном порядке целая аптека кремов и мазей; встроенные в стену платяные шкафы были полны костюмов и платьев. У нее были слуги, дети, красивый и преуспевающий псевдомуж (координирующий помощник Министра в Министерстве Плодородия; говорят, скоро станет Министром), все, что способна принести любовь и что можно купить за деньги. Но счастливой по-настоящему она себя не считала. В подвальном кинозале ее сознания время от времени мелькала в смутном фильме последовательность прошедших событий. Дерек (а раньше Тристрам) часто звал ее цветочком, и будь она в самом деле цветком, принадлежала бы к группе двутычинковых. В жизни ей требовались двое мужчин, день должен быть приперчен неверностью.

Она отперла резную шкатулку из камфорного дерева и вытащила

письмо, написанное вчера; оно дивно пахло смесью камфорного дерева и сандала. Прочитала его в седьмой-восьмой раз, прежде чем окончательно решить отослать. В нем было сказано:

«Милый, милый Тристрам, этот безумный мир так изменился, столько странных событий стряслось после нашего столь несчастливого расставания, что я не могу здесь сказать ничего особо для нас обоих существенного, только что я тоскую по тебе, и люблю тебя, и томлюсь по тебе. Я живу теперь с Дерекком, но не думай обо мне из-за этого плохо: двум твоим сыновьям нужен дом (да, я искренне верю, они в самом деле твои). Может, ты уже пробовал мне писать, может быть, — твердо верю, — пытался связаться со мной, но знаю, до чего трудна жизнь. Твой брат был ко мне очень добр и, по-моему, искренне любит меня, но не думаю, будто до меня дойдет хоть какое-нибудь письмо, отправленное тобой на его имя. Ему надо думать о своей драгоценной карьере, у мужчины с детьми больше шансов продвинуться в Министры Плодородия, чем у мужчины ни с чем, вот как он говорит. Помнишь, когда мы были вместе, я обычно каждый день ходила гулять к морю, близ Правительственного Здания. Я по-прежнему каждый день это делаю, катая в коляске двух своих сыновей, с трех до четырех. Глядя на море, теперь ежедневно молюсь, чтобы море тебя мне вернуло. В этом моя надежда. Я люблю тебя, а если когда-нибудь сделала больно, прости. Вернись к своей вечно любящей *Бетти*».

Она сложила листок, сунула в конверт с тонким запахом, превосходного качества. Потом взяла изящную ручку и смелым мужским почерком адресовала конверт Тристраму Фоксу, эсквайру, БИ^[54], Британская Армия. Просто шанс; в любом случае единственный способ. Что касается Армейской Канцелярии, — Дерек, может быть, самый могущественный, а может быть, великий лжец, — она сама однажды утром украдкой, после того самого ролика теленовостей, позвонила в Военное Министерство (домашний телефон был подключен к министерскому коммутатору), там ее без конца перебрасывали из департамента в департамент, наконец, слабый шотландский голосок признался, что служит в Армейской Канцелярии, но холодно сообщил, что частных лиц не информируют о расположении войск. Ни о чем, имеющем отношение к секретности. Но ее, сказала Беатрис-Джоанна, не занимают тонкости вроде расположения; у нее более фундаментальный вопрос, более онтологический. Голос со щелчком сурово отключился.

Дерек вернулся домой в шесть с улыбкой и с улыбкой полюбопытствовал, зачем она звонила в Армейскую Канцелярию. Разве она не верит ему, своему псевдомужу, разве она ему не доверяет? В том-то

и дело: она ему не доверяла. Можно простить ложь и обман любовнику; мужу — вряд ли, даже псевдомужу. Однако она ему этого не сказала. Все-таки его любовь казалась какой-то бессовестной, — льстила, но Беатрис-Джоанна предпочитала такую любовь в любовнике.

И пошла с близнецами в коляске под зимним приморским солнцем, маленькой нянечкой в черном, кудахча, луной улыбаясь двум пузырившимся крошкам мужчинам в теплой вязаной шерсти, и бросила письмо в ящик на столбе, с белой от помета чаек крышкой. Все равно что бросить в море бутылку с письмом, поручив его этому абсолютно ненадежному почтальону.

Глава 2

— Ать, — рявкнул полковой старшина Бэкхаус, устрашающе вывихнув челюсть. — 7388026, сержант Фокс Т. Ать!

Тристрам как-то вприпрыжку промаршировал, отдал честь без изящества. Подполковник Уильямс за столом опечаленно поднял глаза; стоявший позади него смуглый адъютант болезненно усмехнулся.

— Сержант Фокс, а? — спросил полковник Уильямс. Это был симпатичный усталый сидящий мужчина, в данный момент в неуклюжих очках для чтения. Излучаемая им аура долгой службы была, конечно, иллюзорной: все солдаты всех новых армий были новобранцами. Но подполковник Уильямс, как все старшие офицеры, вел происхождение из старых либеральных полицейских сил, почти полностью вытесненных серыми; он был грамотным суперинтендентом Особого Отдела. — Фокс с немой «е» на конце, ясно, — сказал он, — как в «Книге Мучеников».

— Сэр, — сказал Тристрам.

— Ну, — сказал подполковник Уильямс, — встал вопрос о вашей компетенции в качестве сержанта-инструктора.

— Сэр.

— По-моему, ваши обязанности вполне недвусмысленны. Согласно СИКСу^[55] Бартлету, вы должны их исполнять адекватно. Вы, например, хорошо поработали в группе неграмотных. Вдобавок обучали основам арифметики, написанию рапортов, пользованию телефоном, военной географии и текущему положению.

— Сэр.

— И как раз с текущим положением возникли проблемы. Верно, Уиллоуби? — Он взглянул на адъютанта, который щипал себя за нос,

перестал щипать нос и энергично кивнул. — Ну, посмотрим. Кажется, вы заводи́ли с людьми какие-то дискуссии. Нечто вроде того, Кто Тут Враг и Что Вообще За Бои. Думаю, вы это признаете.

— Да, сэр. На мой взгляд, люди имеют полное право обсуждать, для чего они в армии и что...

— Солдат, — устало сказал подполковник Уильямс, — не имеет права на взгляды. Это установлено, правильно или неправильно. Думаю, правильно, раз установлено.

— Но, сэр, — сказал Тристрем, — мы, безусловно, должны знать, в чем участвуем. Нам говорят, идет война. Некоторые люди, сэр, отказываются поверить. Я склонен с ними согласиться, сэр.

— Неужели? — холодно сказал полковник Уильямс. — Что ж, могу вас просветить, Фокс. Идут бои, значит, должна быть война. Может, это и не война в древнем смысле, только я бы сказал, в организованном смысле, в смысле действия армий, война и бои — синонимы.

— Но, сэр...

— Я ведь еще не закончил, Фокс, правда? Что касается двух вопросов, кто и почему, это — и вы должны меня выслушать беспрекословно — не дело солдат. Враг есть враг. Враги — люди, с которыми мы сражаемся. А решение, с какими конкретно людьми, мы должны предоставить нашим правителям. Это абсолютно не касается вас, меня, Частных Сыщиков или Трудяг-Ищеек. Ясно?

— Но, сэр...

— Почему мы сражаемся? Мы сражаемся потому, что мы солдаты. Весьма просто, правда? За что мы сражаемся? Снова просто. Мы сражаемся, защищая свою страну, а в более широком смысле весь Англоязычный Союз. От кого? Не наше дело. Где? Куда нас пошлют. Теперь, Фокс, я уверен, все совершенно ясно.

— Ну, сэр, я...

— Очень нехорошо с вашей стороны, Фокс, будоражить людей, заставляя их думать и задавать вопросы. — Он, что-то бубня, изучил лежавший перед ним лист. — Я так понимаю, Фокс, вы очень интересуетесь врагом, боями и прочим?

— Ну, сэр, на мой взгляд...

— Мы собираемся дать вам возможность для более тесных контактов. Хорошая мысль, Уиллоуби? Вы одобряете, старший сержант? Я освобождаю вас, Фокс, от обязанностей инструктора с 12.00 текущего дня. Вы будете переведены из квартирмейстерской роты в одну из стрелковых рот. Уиллоуби, по-моему, в роте Б не хватает взводного сержанта. Хорошо,

Фокс. Это сильно пойдет вам на пользу, приятель.

— Но, сэр...

— Отдать честь! — заорал полковой старшина Бахус, бывший сержант полиции. — Кругом! Бегом марш!

Тристрам вышел — левой-правой-левой-правой-левой — взбешенный, полный страха.

— Лучше сейчас же докладывайся, — более братским тоном сказал старшина.

— Что он имел в виду, — спросил Тристрам, — под более тесным контактом? На что намекал?

— По-моему, он имел в виду то, что сказал, — сказал старшина. — По-моему, скоро кого-то отправят на марш. Некогда будет учиться азбуке, никаких парт не будет. Ладно, сержант. Можешь идти.

Не очень похожий на солдата Тристрам потопал в канцелярию роты Б, звеня и гремя сапогами по металлическому настилу. Придаточный остров В6 был небольшим рукотворным участком, стоял на якорях в Восточной Атлантике, изначально предназначенный для устройства преизбыточного населения; теперь там компактно расположилась бригада. Естественным миром казалось лишь яркое зимнее небо да кислое серое море за круговой оградой. Эта бесконечная двойная преграда побуждала с радостью уйти в себя, в пустую дисциплину, в ребяческую подготовку, в теплую духоту барачных помещений и ротной канцелярии. Тристрам вступил на территорию роты Б, доложил старшине роты — глупому нордическому гиганту с распущенным ртом, — а потом был допущен пред очи капитана Беренса, командира роты.

— Хорошо, — сказал капитан Беренс, жирный белый мужчина с очень черными усами и волосами. — Хоть какое-то подкрепление роте. Вам бы лучше пойти доложиться мистеру Доллимору, командиру вашего взвода.

Тристрам отдал честь, чуть не упал, выполняя поворот, и пошел. Лейтенанта Доллимора, дружелюбного молодого человека в идиотских очках, с розовыми угрями средней степени тяжести, он нашел за обучением взвода названию ружейных деталей. Ружья (Тристрам знал, в древних до-атомных войнах были ружья), организация, номенклатура, процедуры, вооружение в новой британской армии — все казалось заимствованным из старых книг, старых фильмов. Ружья, подумать только.

— Курок, — говорил мистер Доллимор. — Нет, простите, боек. Затвор, ударник... Капрал, это как называется?

— Спусковой крючок, сэр. — Приземистый, средних лет сержант с двумя нашивками вскинулся, весь внимание, готовый прийти на помощь,

как в данный момент.

— Сержант Фокс прибыл, сэр.

Мистер Доллимор со сдержанным интересом взглянул на характерное козыряние Тристрама и ответил причудливым собственным вариантом — быстро махнул ребром ладони возле своих бровей.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо, хорошо. — Лицо его оживилось в приливе вялого облегчения. — Названия деталей, — сказал он. — Можете приступить.

Тристрам в замешательстве осмотрел взвод. Тридцать человек сидели на корточках в спальне казармы, ухмыляясь, зевая. Большинство ему было знакомо; большинство ходило к нему получать зачатки грамотности; большинство до сих пор не знало азбуки. Другими рядовыми и младшими чипами этой армии были завербованные убийцы, уличные мальчишки, сексуальные извращенцы, сутенеры, идиоты. И все же в названиях ружейных деталей они все демонстрировали неплохие способности.

— Очень хорошо, сэр, — сказал Тристрам и схитрил: — Капрал!

— Сержант?

— Можете продолжать. — И пошел рядом с мистером Доллимором, направлявшимся в сторону своей столовой. — Что вы в действительности с ними делаете, сэр?

— Что делаем? Ну, не так уж много тут *можно* сделать, правда? — Мистер Доллимор подозрительно открыл рот на Тристрама. — Я хочу сказать, предписано лишь научить их из ружей стрелять, правда? О, и, конечно, по мере возможности держать себя в чистоте.

— Что происходит, сэр? — как-то резко спросил Тристрам.

— Что вы хотите сказать, — происходит? Происходит лишь то, что я вам говорю. — Они с металлическим грохотом, с искрами топали по открытой зимней палубе в Атлантике, по голому, изготовленному людьми острову.

— Я хотел сказать, — несколько терпеливее сказал Тристрам, — вы что-нибудь слышали о нашем вступлении в действия?

— В действия? Против кого? — Мистер Доллимор перестал топать, чтоб лучше приглядеться к Тристраму.

— Против врага.

— А, понятно. — Тон мистера Доллимора подразумевал наличие массы прочего, кроме врага, против чего можно вступить в действия. Тристрама целиком обуяло ужасное ощущение, что мистера Доллимора надо считать безвозвратно пропавшим; а раз он безвозвратно пропащий, значит, взводный сержант его тоже. И тут, ровно в полдень, из

громкоговорителей прошипело скрежещущее сообщение, синтетический горн протрубил благовестие, а мистер Доллимор сказал:

— Я просто не думал об этом. Я действительно думал, что *это* и есть какие-то действия. Думал, мы как бы что-то охраняем.

— Пойдем лучше посмотрим приказы по батальону, — сказал Тристрам.

Канцелярия подразделения их канцелярски развешивала, — одинокие флаги капитуляции, хлопавшие на атлантическом ветру, — пока они приближались к изготовленным заводским способом баракам (звякающим звоночками пишущих машинок) батальонной штаб-квартиры. Тристрам с ухмылкой кивнул, читая быстрее своего офицера.

— Ну вот, — сказал он.

— Ох, ох, вижу, — сказал мистер Доллимор с разинутым ртом. — Что это за слово? Ох, ох, ясно. — Все тут хрустящее, холодное, как салат, хоть и не такое съедобное. Приказ об отправлении из бригады: отправка шестисот офицеров и рядовых — по двести от каждого батальона, — для посадки на судно завтра в 6.30. — Да, да, — энергично говорил мистер Доллимор, — и мы тут, видите? — Радостно тыкал пальцем, точно его фамилия стояла в бумагах. — Вот, второй батальон, рота Б. — А потом вдруг замер неловко в стойке смирно и сказал: — Возблагодарим теперь Бога, назначившего нам Свой час.

— Простите? — сказал Тристрам.

— Если мне суждено умереть, думайте обо мне только так, — сказал мистер Доллимор. Казалось, он в школе читал только оглавления из первых стихотворных строк. — Говорит он, ты ограблен, молодец, — сказал он, — ты убит, тебе конец.

— Похоже на то, — сказал Тристрам, хотя голова у него шла кругом. — Очень даже похоже.

Глава 3

Ночью были слышны гудки морского транспорта. Людей отослали спать в десять, напичканных какао и тушенкой, стерпевших досмотр ружей и йога, пополнивших недостаку в одежде и снаряжении, получивших множество обоем с боевыми патронами. После того как трое других рядовых были случайно застрелены насмерть, а старшина квартирмейстерской роты получил ранение мягких тканей ягодицы, раздачу отменили как преждевременную: войскам выдадут пули — строго для

врага — в базовом лагере в порту назначения.

— Да кто же этот чертов враг? — спросил сержант Лайтбоди в тысячный раз.

Он лежал в койке над Тристрамом на спине, заложив руки за голову, сардонический симпатичный юноша с челюстью Дракулы. Тристрам писал письмо своей жене, сидя, обернув одеялом колени. Он был уверен, она его не получит, как был уверен, что не получила тридцать с лишним написанных писем, но писать ей было все равно что творить молитву, молитву о лучших временах, о нормальности, о приличном обычном домашнем уюте и о любви.

«...Завтра приступаем к действиям. Где — Бог весть. Верь, что мысли мои о тебе, как всегда. Мы скоро вновь будем вместе; возможно, скорее, чем думаем. Любящий тебя *Тристрам*».

Он написал ее имя на дешевом солдатском конверте, запечатал письмо; потом нацарапал на обороте неизменную приписку:

«Свинья, именуемая моим братом, отдай это моей жене, лживый, не знающий любви ублюдок. Вечно ненавидящий *Т. Ф.*»

Верхний конверт адресовал Д. Фоксу, Правительственное Здание, Брайтон, Большой Лондон, вполне веря, что Дерек принадлежит к типу, который всегда у власти на приспособленческий лад викария из Брея^[56], какая б ни правила партия. Дерек вполне мог стоять за этой войной, если была война. Определение командованием «врага» было ложным.

— Знаете, что я думаю? — сказал сержант Лайтбоди, когда Тристрам к собственному удовлетворению ответил на его первый вопрос, про себя, но не вслух ни в коем случае. — Я думаю, нет никакого врага. Думаю, как только мы на тот транспорт погрузимся, его просто затопят. Думаю, на него сбросят несколько бомб, расколотят нас вдребезги. Вот что я думаю.

— Нет никаких самолетов-бомбардировщиков, — сказал Тристрам. — Летающих бомбардировщиков больше не существует. Они давно исчезли.

— Я в кино видел, — сказал сержант Лайтбоди.

— В очень старых фильмах. В фильмах о войнах двадцатого века. Те древние войны были очень сложными и изощренными.

— Нас потопят торпедами.

— Еще один устаревший способ, — сказал Тристрам. — Забыли? Никаких военных кораблей.

— Ладно, — сказал сержант Лайтбоди. — Тогда отравляющий газ. Они все равно нас достанут. Не дадут шанса хоть раз выстрелить.

— Возможно, — допустил Тристрам. — Они не захотят портить солдатскую форму, снаряжение или само судно. — Он одернул себя и спросил: — Кого, черт возьми, мы имеем в виду под словом «они»?

— Мне бы надо подумать, — сказал сержант Лайтбоди. — Под «ними» мы имеем в виду тех, кто жиреет, делая корабли, форму, ружья. Делают, уничтожают и опять делают. Продолжают все это опять и опять. Эти люди и ведут войны. Патриотизм, честь, слава, защита свободы — куча дерьма, вот что это такое. Цель войны — это средства войны. А враг — *мы*.

— Чей враг?

— Свой собственный. Попомните мои слова. Мы не доживем, чтоб увидеть, но теперь у нас эра войны без конца, — без конца, потому что она не затронет гражданское население, потому что война будет длиться в приятном далеке от цивилизации. Штатские любят войну.

— Только, — сказал Тристрам, — предположительно, до тех пор, пока могут оставаться штатскими.

— Некоторым удастся, — тем, кто правит, и тем, кто деньги делает. И, конечно, их женщинам. Не то что бедным сучкам, с которыми мы будем биться бок о бок, — если нам милостиво разрешат жить, то есть пока до другого берега не доберемся.

— С момента вступления в армию, — сказал Тристрам, — мне ни одна из запаса на глаза не попадалась.

— Из запаса? Тоже куча дерьма. Женские батальоны, вот что они устроили, целый полк, будь я проклят. Знаю, — в один моя сестра записалась. Пишет время от времени.

— Я не знал, — сказал Тристрам.

— По ее словам, они вроде бы вполне успешно делают точно то же, что мы. Черт побери, другими словами, кроме практики в стрельбе. Засекайте время, пока на бедных сучек бомбу не сбросят.

— А вы, — спросил Тристрам, — очень сильно возражаете против перспективы гибели?

— Да не так чтобы очень. Лучше уж неожиданно. Не хотелось бы лежать в койке и ждать. Если задуматься, — сказал сержант Лайтбоди, устраиваясь поудобней, точно в собственном гробу, — об этом деле насчет «дай мне пасть, как солдат» многое говорит в его пользу. Жизнь — просто выбор, когда умереть. Жизнь — это долгое промедление, так как выбор очень труден. Грандиозное облегчение, когда не приходится выбирать.

Морской транспорт взревел вдалеке, точно в насмешку над сим

банальным афоризмом.

— Я жить собираюсь, — сказал Тристрам. — У меня столько всякого, ради чего надо жить. — Морской транспорт снова взревел. Он не разбудил четырех других сержантов в том же месте постоя, крепких мужчин, склонных посмеиваться над Тристрамом из-за его акцента, претензий на воспитание и образованность, храпевших теперь после тяжелого суматошного вечера с алком. Больше сержант Лайтбоди ничего не сказал, вскоре сам легко заснул, аккуратно заснул, как бы сам себя изваял в элегантном забвении. Но Тристрам лежал в незнакомой постели в незнакомом бараке, в койке сержанта Дэя (уволенного из рядов в связи со смертью от ботулизма), которого он теперь заменял. Морской транспорт ревел долгую ночь напролет, будто изголодался по грузу своих безвозвратно пропащих, не желая ждать завтрака; Тристрам к нему прислушивался, ворочаясь на грязных простынях. Бесконечная война. Он призадумался. Он не верил в такую возможность, — нет, если закон исторических циклов чего-нибудь стоит. Может, все эти годы историографы не хотели признать историю спиралью, потому что спираль очень трудно описывать. Легче сфотографировать спираль сверху, легче сжать пружину в одно кольцо. Так была ли война, в конце концов, великим решением? Были ли правы жестокие первые теоретики? Может, война — великое сладострастие, великий источник всемирного адреналина, излечивающий апатию, Angst^[57], меланхолию, бездействие, сплин? Может, война сама по себе — массовый половой акт, кульминационный момент которого знаменует прекращение эрекции, а ведь это не просто метафора смерти? Может, война, наконец, контролер, регулятор и стопор, оправдание плодовитости?

— Бой, — ревел транспорт в металлической гавани. И, ворочаясь в тяжелом сие, сержант Белле-ми отрывисто всхрапывал:

— Бой.

По всему миру в тот самый момент миллионы младенцев с боем прорывались на свет, ревя:

— Бой.

Тристрам зевнул, и в зевке прозвучал «бой». Он безнадежно устал, но никак не мог спать, несмотря на звучащую вокруг него («бой» на многочисленных инструментах) колыбельную. Впрочем, ночь была не слишком долгой; условное утро настало в 4.00, и Тристрам испытывал благодарность за избавление от мучений сержантов-коллег, которые со стонами возвращались в мир, вновь обрекаясь на смерть под синтетический горн, игравший побудку по всему лагерю.

Глава 4

Искры на утренне-ночной дороге при случайном столкновении за баракком с взводом № 1, кашель, харканье, проклятия в пяти футах над искрами. Капрал Хаскелл прыскал тоненьким светом фонарика на список личного состава в руках его сержанта. Тристрам, в стальном шлеме, в шинели старинного покроя реглан, бросал на ветер имена.

— Кристи.

— Есть.

— Крамп.

— Слинял.

— Гашен. Хауэлл. Маккей. Мьюир. Толбот.

Кое-кто отвечал, кое-кто непристойно.

— Лучше бы пересчитать, — сказал Тристрам.

Капрал Хаскелл тыкал тонкий луч фонаря в каждую тройку лиц, серийно высвечивая безголовые маски, жуткие призраки атлантической темноты.

— Двадцать девять, сержант, — сказал капрал Хаскелл. — О’Шоннеси застрелился прошлой ночью.

— Взвод, смирно, — предложил Тристрам. — Направо по трое. Левой — марш. — Тотальный приказ был более-менее выполнен. Взвод, высекая искры, повернул направо, палево, остановился не на той ноге у границы ротной территории. Подтащились несколько других взводов, высекая огонь каблуками, рывкнули, посты заняли ротные командиры. Со временем появился капитан Беренс молочно-белым привидением в офицерском дождевике, отправил роту маршем на батальонный парадный плац. Там под арочной лампой батальонный капеллан служил мессу, точно зорю играл, зевал и поеживался, отбивая поклоны перед алтарем под балдахином. Для пресуществления был хлеб (небывалый урожай в прошлом году), но вино по-прежнему отсутствовало: в потир наливали приправленный черной смородиной алк. Капеллан, долговязый мужчина несчастного вида, благословил войска и их цель; кое-кто иронически благословил его в ответ.

Завтрак; под чавканье, чмоканье командир через громкоговорители произнес напутственную речь.

— Вы будете сражаться со злобным и беспринципным врагом, защищая благородное дело. Знаю, вы покроете себя ела... ела... ела... во-о-ой, вернетесь живыми, и поэтому я скажу, Бог в помощь, да сопутствует

вам вся на свете удача.

Жалко, думал Тристрам, попивая в сержантской столовке заменитель чая, жалко, что из-за поцарапанной записи слова этого, может быть, искреннего человека звучат столь цинично. Сержант из Суонси в Западной Провинции встал из-за стола и затянул прекрасным тенором:

— Покройте себя славой, славой, сла-а-авой.

В 6.00 отправлявшаяся часть батальона, получив не вдохновляющую долю дневного пайка, двинулась маршем — собранная, перетянутая, с водой в фляжках, в шлемах, с ружьями, все (кроме офицеров и сержантов) с пустыми ради безопасности патронташами — к причалу. Транспорт ждал, скупое освещенный, но название сияло золотом: «Т₃ (АТЛ)^[58] У. Дж. Робинсон, Лондон». Запах моря, машинного масла, грязных камбузов, торговые матросы в свитерах с высокими воротами плюют с верхней палубы; неожиданное появление ревущего поваренка, выплеснувшего за борт помой, жалобный бесцельный вой сирены. Во время вынужденного ожидания Тристрам разглядывал сцену — драму резких теней, грузов, подъемных кранов, спешивших офицеров службы перевозок, солдат, которые уже разворачивали свои пайки (тушенка между двух ломтей хлеба), стоя или присев на корточки. Мистер Доллимор, оторванный от коллег-субалтернов, бесконечно зевал, то и дело поглядывал в черное небо, источник вечной славы. Трехсторонняя отправка завершалась сама по себе — маршировали другие войска, пукая губами, издавая радостные крики, раздвигая в знак победы два пальца. Появился бригадный майор, одетый как для урока верховой езды, козыряя и глядя, как козыряют ему. Из говорящих ртов вылетали облачка диалогами комикса. По трубам, змеями присосавшимся к груди корабля, равномерно накачивалось машинное масло. Старшина из другого батальона снял шлем, почесал непристойно плешистую голову. Двое рядовых толкали друг друга в веселой визгливой шутливой борьбе. Высокий капитан раздраженно потирал мошонку. Выла судовая сирена. У младшего капрала шла из носу кровь. Трап под навесом внезапно рождественской елкой зажегся веселыми огоньками. Кое-кто из солдат застонал.

— Вдибадие, — провозгласил голос из громкоговорителя, глухой и гнусавый. — Вдибадие. Босадка сейчас дачидаедся. Босадка в бодядке бобададьоино, боочедедно.

Офицеры взывали и умоляли, занимая посты на фоне качавшегося корабля. Тристрам поманил капрала Хаскелла. Богохульствуя и торжествуя, они выстроили свой взвод под правильным углом к борту судна. Мистер

Доллимор, очнувшись от мечтаний о далекой Англии и чести, считал вслух и на пальцах. Шесть взводов первого батальона поднялись на борт первыми; у одного солдата к всеобщей радости упало за борт ружье; неуклюжий полуидиот споткнулся, чуть не повалив людей впереди, точно карточную колоду. Но в целом посадка прошла гладко. Второй батальон, взвод № 1 начинал подниматься. Тристрам видел своих людей на войсковой палубе с крючками для гамаков (гамаки позже натянут, поставят обеденные столы; свистел холодный ветер, но переборки запотели).

— Не спите в них, педеры, — сказал Тэлбот про гамаки. — Спите на полу, вот и все.

Тристрам отправился искать свое место.

— В одном могу поклясться, — сказал сержант Лайтбоди, сбрасывая свою поклажу, — что они заколотят все люки. Или как там это у моряков называется. Вот увидите. На палубу нас не выпустят. Крысы в ловушке, Богом клянусь или Догом. — Он лег, как бы в высшей степени удовлетворенный, на узкую нижнюю койку. Из заднего кармана древней военной формы вытащил истрепанный томик. — Рабле. — сказал он. — Знаете такого старого писателя? «Je m'en vais chercher un grand peut-être». Вот что он сказал на смертном одре. «Иду искать великое „быть-может“». И я тоже. Мы все. «Опустите занавес, фарс окончен». Это тоже он сказал.

— По-французски, да?

— По-французски. Один из мертвых языков.

Тристрам, вздыхая, взгромоздился на верхнюю койку. Другие сержанты — покрепче, а может быть, поглупее — уже начали играть в карты; одна компания даже заспорила из-за якобы неправильной сдачи.

— *Vogue la galère!*^[59] — воскликнул голос сержанта Лайтбоди. Судно не сразу послушалось, но примерно через полчаса послышался металлический грохот отплытия, вскоре равномерно запульсировал двигатель, точно шестидесятичетырехфутовый регистр органа. Как и предвещал сержант Лайтбоди, на палубу никого не пускали.

Глава 5

— Когда кормежка, сержант?

— Кормежки сегодня не будет, — терпеливо сказал Тристрам. — Помните, вы паек получили.

Но вам надо кого-нибудь в камбуз послать за какао.

— Я съел, — сказал Хауэлл. — Я паек съел, когда ждали посадки на

борт. Назову это чертовским обманом. Я чертовски голодный, чертовски задолбанный, послан ко всем чертям, чтоб меня, черт возьми, подстрелили.

— Мы посланы сражаться с врагом, — сказал Тристрам. — У всех будет шанс получить пулю, не бойтесь. — Большую долю подпольного утра он потратил на чистку своего пистолета, довольно красиво изготовленного оружия, которым, думая отслужить свой срок мирным инструктором, никогда не мечтал воспользоваться. Он воображал изумленное выражение упавшего, насмерть сраженного этим оружием; воображал лицо, вмиг превратившееся в мешанину сливового джема, где стираются изумленные черты и любые другие эмоции; воображал собственное лицо со вставными зубами, контактными линзами и всем прочим, вмиг превратившееся в лицо мужчины, выполняющего мужской акт убийства другого мужчины. Закрыв глаза, чувствуя пальцем курок пистолета, мысленно его легонько нажал; изумленное лицо перед ним было лицом Дерека; единственный резкий щелчок превратил Дерека в пудинг с вареньем, размазанный на стильном пиджаке. Тристрам, открыв глаза, сразу сообразил, как он должен выглядеть перед своими солдатами, — преисполненный ярости, с прищуренными глазами, с ухмылкой киллера, образец для них всех.

Но люди суетились, капризничали, скучали, склонялись к мечтательности, не были настроены грезить о крови. Сидели, уткнув подбородок в ладони, уткнув локти в колени, со стеклянными от видений глазами. Передавали по кругу фото, кто-то наигрывал на самом меланхоличном инструменте — губной гармошке. Пели:

Мы вернемся домой,
Мы вернемся, вернемся домой,
Это будет когда-нибудь скоро,
В холода или в зной,
По весне иль зимой...

Тристрам, прислонясь спиной к койке, задумавшись, ощутил дрожь, пронзившую его от этой грустной песенки. Казалось, он вдруг перенесся во время и место, где никогда раньше не был, в мир за пределами книг и фильмов, несказанно древний. Китченер, «хана!», Боттомли, большие потери, «арчи»^[60], цеппелины, — слова, благоуханные, мучительно памятные, мелодией звенели сквозь песню.

А ты стой, стой и жди у ворот,
Покуда мой корабль не придет,
С тобой вместе мы будем всегда,
Больше я не уйду никогда...

Он лежал, прикованный к месту, тяжело дыша. Это вовсе не то, что старые писатели-фантасты называли «переносом во времени»: это действительно фильм, действительно рассказ, и все они в него попали. Все это выдуманно, все они — персонажи чьей-то выдумки.

Он придет,
Мы придем,
И я снова вернусь домой.

Он спрыгнул с койки. Встряхнул сержанта Лайтбоди. Задыхаясь, сказал:

— Мы должны отсюда выбраться. Тут что-то не то, что-то дьявольское.

— Именно это я вам все время стараюсь втолковать, — спокойно сказал сержант Лайтбоди. — Только сделать мы с этим ничего не можем.

— Ох, заткнитесь вы ради Христа, — взмолился сержант, пытавшийся — в море все время едино — поспать.

— Вы не понимаете, — настойчиво сказал Тристрам, по-прежнему дрожа. — Это дьявольщина, потому что никому не нужно. Если нас хотят убить, почему попросту здесь и сейчас не прикончат? На Б6 почему не убили? Но они не хотят. Хотят, чтобы мы прошли через иллюзию...

— Через иллюзию выбора, — сказал сержант Лайтбоди. — Сейчас я склонен согласиться с вами. По-моему, иллюзия будет весьма продолжительной. Надеюсь, не чересчур продолжительной.

— Но зачем, зачем?

— Может быть, наше правительство верит, будто у каждого есть иллюзия свободы воли.

— Думаете, корабль правда движется? — Тристрам прислушался. Органные регистры судовых двигателей работали, успокаивая теплой припаркой желудок, но было невозможно сказать, то ли...

— Не знаю. Меня это не волнует.

Вошел сержант из судовой канцелярии, сердитый молодой человек с

лошадиными зубами, с шеей из перекрученных канатов. На нем была фуражка и повязка на рукаве с буквами «СС»^[61].

— Что там наверху происходит? — спросил Тристрам.

— Откуда мне знать? Я сыт по горло, черт побери, разбираюсь вот с этим со всем. — Он полез в задний карман. — Должен ведь быть почтовый капрал, — сказал он, шурша письмами. Письмами? — У меня хватит дел на все это короткое путешествие. СЦ^[62]. Солдаты — настоящие сволочи. Вот, — сказал он, бросая связку на стол посреди карточной игры. — Катись, Смерть, отправимся к ангелам.

— Где вы их взяли? — удивленно нахмурился сержант Лайтбоди.

— В судовой канцелярии. Там признались, их сбросили с вертолета.

Началась свалка. Один игрок заскулил:

— А мне только хорошая карта пришла.

Одно ему, одно Тристраму. Первое, самое первое, буквально, абсолютно, черт возьми, первое с момента вербовки. Что это — зловещий эпизод фильма? Почерк знакомый, и сердце его заплясало. Он лег на койку, очень ослабев, дрожа, разорвал конверт заплетавшимися пальцами. Да, да, да, да. От нее, она, его любимая, — сандал и камфорное дерево. «Милый, милый Тристрам, безумный мир изменился, столько странных вещей после несчастливого расставания, не могу здесь сказать ничего, только тоскую по тебе, и люблю тебя, и томлюсь по тебе...» Перечитал четырежды, потом как бы потерял сознание. Очнувшись, обнаружил, что по-прежнему стискивает письмо. «Ежедневно молюсь, чтобы море тебя мне вернуло. Люблю тебя, если когда-нибудь сделала больно, прости. Возвращайся к своей...» Да, да, да, да. Он будет жить. Будет. Они его не достанут. Он, дрожа, соскочил с койки на палубу, сжимая письмо, как недельную получку. Потом, не стыдясь, пал на колени, закрыл глаза, сложил руки. Сержант Лайтбоди глазел, открыв рот. Один игрок сказал:

— Педеру с командиром надо словцом перемолвиться, — и принялся быстро и ловко делать ставки.

Глава 6

Еще три дня во чреве судна, при постоянном электрическом свете, под стук двигателей, между запотевшими переборками, под гул вентиляторов. Крутые вареные яйца на завтрак, ломти хлеба с тушенкой на ленч, кекс к чаю, какао и сыр на ужин, запор (новое занятие на целый день) на солдатские головы. А потом, в один сонный полдень после ленча раздались

крики сверху, крики с противоположной стороны, очень отдаленные, позже тяжелый скрежет раскручивающейся мили якорной цепи, голос судового батальонного старшины из радиоаппаратуры «Танной»:

— Высадка в 17.00, чай в 16.00, построение на войсковой палубе, форма одежды походная, в 16.30.

— Слышите гул? — спросил сержант Лайтбоди, сильно хмурясь в сторону своего наклоненного левого уха.

— Орудия?

— Похоже на то.

— Да.

Ключки старой песни закружились по спирали в мозгу Тристрама, задымились из какого-то забытого источника: «Мы под Лоо были, пока вы тут пили, а нам такой выпивки не перепало. (Что это за Лоо, что они там делали?^[63]) Верни меня в добрую старую Блайти. Посади меня в поезд на...» (Блайти^[64] — ранение, после которого репатрируют, да? Рана желанно сияла, и Англия тоже; Англия и рана слились воедино. Как трагичен жребий мужчины.)

Солдаты его роты слюняво пели sentimentalный припев:

С тобой вместе мы будем всегда,
Больше я не уйду никогда...

Тристрам жевал и жевал сухой зерновой хлебец, выданный к чаю; приходилось чуть ли не пальцем заталкивать в рот кусок. После чая надел шинель со спускавшимися спереди ровными рядами металлических пуговиц, которая придавала ему вид мужчины, нарисованного ребенком, и неглубокий стальной шлем, похожий на перевернутую птичью ванночку. Взял на спину ранец, нацепил на бок сумку; вставил обоймы с патронами, сухо щелкнул пистолетом. Превратившись вскоре в честного солдата, приготовился предстать перед взводом и мистером Доллимором. Придя на обеденную палубу, уже обнаружил там мистера Доллимора, который говорил:

— Мы так любим свою старую родину. Сделаем для нее все возможное, правда, ребята?

Глаза его сияли сквозь очки, лоб вспотел, подобно переборкам. Взвод отводил глаза, сбитый с толку. Тристрам вдруг почувствовал огромную любовь к солдатам.

Дул ледяной морской ветер; люки были открыты. Из радиоаппаратуры

«Танной» судовой батальонный старшина начинал индифферентно оглашать порядок высадки. У Тристрама было время потопать по палубе. Темнота, редкие лампы, канаты, стальные тросы, плюющие моряки в шерстяных свитерах, режущий холод, глухие удары и грохот с земли, вспышки взрывов.

— Где мы? — спросил Тристрам матроса с плоской физиономией. Матрос помотал головой и сказал, что не говорит по-английски:

— Инь куо хуа, во пу тунь.

Китайский. Море шипело и ухало на чужом морском языке. На чужом? Он призадумался.

Взвод за взводом спускался в высоких ботинках по стальному трапу. Темный причал маслянисто блестел. Света было мало, словно ввели некое модифицированное правило о затемнении. Офицеры службы перевозок носились вокруг с пюпитрами. Военные полицейские маршировали парами. Штабной майор с фальшивым патрицианским акцептом, что-то бормоча, похлопывал себя по боку кожаным стеклом. Мистера Доллимора с другими субалтернами вызвали на короткое совещание возле каких-то навесов. На земле громоздились тяжелые орудия, визжали снаряды, широко полыхали вспышки — все как в кино про войну. Незнакомый капитан с закрученными усами разговаривал с разинувшим рот мистером Доллимором и его коллегами, сильно жестикулируя. Где же свои бригадные офицеры выше лейтенанта. Значит, так. Капитан Беренс просто проводил на корабль свою роту. Значит, лишь лейтенантов и ниже сочли безвозвратно пропавшими. Мистер Доллимор вернулся, запыхавшись, и сказал, что им надо идти в расположенный в миле базовый лагерь.

Они двинулись, взвод за взводом, ведомые чужим капитаном. Солдаты тихо, по-ночному, пели:

Мы вернемся домой,
Мы вернемся, вернемся домой,
Это будет когда-нибудь скоро,
В холода или в зной,
По весне иль зимой...

Безлунный ранний вечер. Вспышки высвечивали сливовые деревья, стоявшие, как кулисы, по обе стороны от мощеной дороги. Местность без ферм, без живых изгородей. Но капрал Хаскелл сказал:

— Я это место знаю. Клянусь, знаю. Что-то такое в воздухе. Мягкое. Керри, Клер или Голуэй^[65]. В мирное время я тут путешествовал по всему западному побережью, — сказал он почти извиняющимся тоном. — Знаете, покупал, продавал. Знаю этот район Ирландии как свои пять пальцев. Дождливая мягкость, — сказал он, — если вы понимаете, что я имею в виду. Стало быть, с Миками^[66] будем драться. Хорошо. Они чертовски охочи до драки. Хотя потом никаких обид. Отрежут тебе голову и прибинтуют обратно.

Приблизившись к базовому лагерю, получили приказ «стоять смирно». Колючая проволока по периметру, бетонные столбы ворот, шаткие ворота со скрипом открыл часовой. Освещенные бараки. Слабая жизнедеятельность. Шел, напевая, мужчина, балансируя кексами на кружках с чаем. Меланхолический глухой стук столов, расставленных под навесом с надписью: «СЕРЖАНТСКАЯ СТОЛОВАЯ», запах жареного на жире, не слишком горячего. Вновь прибывших остановили; мужчинам приказали разойтись, взвод за взводом следовать к выделенным им баракам под руководством младших капралов в парусиновых туфлях на резиновой подошве (самодовольных самодовольством служащих запаса); сержантов повели к помещениям без удобств — одна голая походная красная лампа на потолке, пыльные, набитые капоком, жесткие, как сухарь, матрасы, ни кроватей, ни лишних одеял, грязная незажженная плита. Вел их тощий старшина-квартирмейстер.

— Где мы? — спросил Тристрам.

— В базовом лагере 222.

— Да, это нам известно, но где?

Он цыкнул зубом в ответ и ушел.

— Слушайте, — сказал сержант Лайтбоди, сбросивший снаряжение, стоя в дверях с Тристрамом. — Вы заметили что-то странное в этом шуме разрывов?

— Тут столько шуму.

— Знаю, только просто послушайте. Он идет вон оттуда. Да-да-бух, да-да-бух, да-да-бух. Улавливаете?

— Кажется, да.

— Да-да-бух. Да-да-бух. Что это вам напоминает?

— Очень мерный ритм, да? Понимаю, о чем вы: *слишком* мерный.

— *Точно*. Вам это немножко не напоминает прощальную речь командира?

— Боже милостивый, — сказал свежошеломенный Тристрам. —

Заевшая граммофонная запись. Разве это возможно?

— Очень даже возможно. Усилители. Вспышки магния. Электронная война, граммофонная война. Враг, бедняга, тоже видит и слышит.

— Мы должны отсюда выбраться, — затрясся Тристрам.

— Вздор. Вы здесь в такой же ловушке, как на корабле. По периметру пущен ток, часовому велено стрелять без вопросов. Мы должны досмотреть до конца.

Однако они вместе пошли к проволочному ограждению высотой. в двенадцать футов. Сетка прочная. Тристрам брызнул взводным фонариком на сырую землю.

— Вот, — сказал он. В крошечном световом пятне лежал трупик воробья, обугленный, как на гриле. Потом к ним приблизился слабый капрал без фуражки, с расстегнутым воротником кителя, помахивая пустой чайной кружкой.

— Держитесь подальше отсюда, друзья, — сказал он с наглостью служащего запаса. — Электрический ток. Куча вольт. Спалит прямо в тушенку.

— Где мы находимся? — спросил сержант Лайтбоди.

— В базовом лагере 222.

— Ох, ради Бога, — воскликнул Тристрам. — Где это?

— Не имеет значения, — сказал младший капрал с достойной своих нашивок сообразительностью. — Где — никакого значения не имеет. Просто клочок земли, вот и все. — Они слышали на дороге за лагерем ревущие крещендо моторы. Трехтонный грузовик промчался со всеми огнями, держа путь к берегу, потом другой, еще, конвой из десяти машин. Младший капрал стоял по стойке «смирно» до исчезновения последнего заднего подфарника.

— Мертвецы, — со спокойным удовлетворением сказал он. — Грузовики, груженные трупами. Только подумайте, всего две ночи назад некоторые из этой кучи были тут, прохаживались перед ужином вроде вас, разговаривали со мной, точно так же, как вы. — Он покачал головой в притворном горе. Далекая граммофонная запись продолжала грохотать «да-да-бум, да-да-бум».

Глава 7

На следующее утро, вскоре после мессы, им велели в тот же самый вечер отправляться на фронт; неотступно надвигалось какое-то «шоу».

Мистер Доллимор радостно просиял от этой перспективы.

— Гряньте, трубы, над богатой жатвой смерти! — бестактно процитировал он своему взводу.

— Кажется, у вас сильная тяга к смерти, — сказал Тристрам, чистя свой пистолет.

— А? А? — Мистер Доллимор оторвался от оглавления из первых строк. — Мы выживем, — сказал он. — Бош получит по заслугам.

— Бош?

— Враг. Другое название врага. Во время моего обучения в офицерской школе, — сказал мистер Доллимор, — мы каждый вечер смотрели фильмы. Это всегда был Бош. Нет, вру. Иногда Фриц. А порой Джерри^[67].

— Понятно. А еще вы военную поэзию изучали?

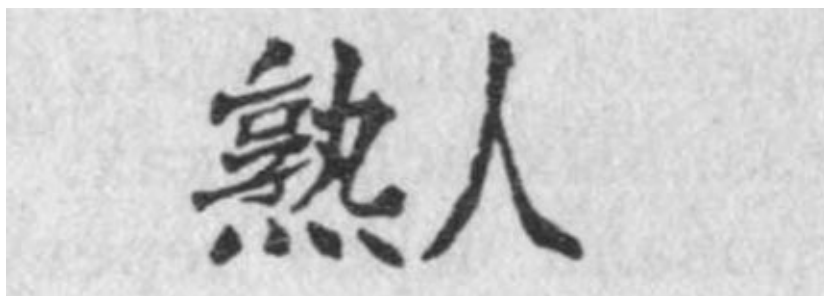
— По субботним вечерам. После отбоя. Из моральных соображений. Капитан Оден-Ишервуд преподавал. Это был один из моих любимых предметов.

— Ясно.

Холодный сухой день, пыльный ветер. Колючая проволока под высоким напряжением, таблички с указателями ВМ^[68], за периметром разрушенная с виду местность, угнетающая, как желчный Атлантический океан вокруг Б6. По-прежнему звучал отдаленный треск и удары, круглосуточное представление, должно быть, в три смены младшие сержанты — диск-жокеи; однако без пламени в небе. В полдень древний самолет — канаты, распорки, открытая кабина, помахавший пилот в выпученных очках — пролетел над лагерем и опять улетел.

— Наш, — сказал своему взводу мистер Доллимор. — Галантная авиация сухопутных войск.

Ленч из тушенки и гидрированных дегидрированных овощей; пара часов на хозяйственные дела; чай с рыбным паштетом, с Особыми Фруктовыми Пирожками Арбакла. Потом, пока солнце текло к морю, — небесной сковородке с разбитыми яйцами, — пришло время раздачи боеприпасов из квартирмейстерских складов, а также на человека банки тушенки и серой буханки кукурузного хлеба. На банке с тушенкой была китайская этикетка с ключевыми словами:

Тристрам усмехнулся; второе раздвоенное слово мог прочесть любой дурак (значит, раздвоение для китайцев — суть человека?), имевший сестру, которая служит в Китае. Кстати, что с ней? Что с братом в Америке? За одиннадцать месяцев пришло одно письмо, всего одно, от дорогой особы, но эта особа самая дорогая. Он похлопал себя по нагрудному карману, где письмо покоилось в безопасности. Шу жэнь, а? Перевод латиницей четко читался внизу этикетки. Готовая к употреблению, варенная с приправами человечина.

В сумерках двинулись-упорядоченным маршем, с налитыми водой фляжками, примкнув штыки, натянув на стальные шлемы чехлы для стальных шлемов. Принимать парад явился из какого-то другого батальона мистер Солтер, только что повышенный в капитана Солтера и гордый этим. Кажется, указания для него написали на клочке бумаги; никаких путеводителей не было. Он, немного попискивая, велел шагать направо по трое, и Тристрам, шагая, впервые дивился анахронизму. Безусловно, в войне-прототипе строились по четыре? Но суть современной войны выглядела эклектичным упрощением: не будем чересчур педантичными. Они смиренно маршировали из лагеря. Никто им не махал на прощанье, за исключением часового, которому по обязанности полагалось отсалютовать ружьем. Повернули налево, через четверть мили зашагали вольно. Впрочем, никто не пел. Примкнутые штыки смахивали на Бирнамский лес пик. Среди трах-бах-ух — интервалы больше прежнего; безусловно, заевшую запись сменили — слышалось бульканье на ходу воды в фляжках. В небе вспыхивало пламя; по обеим сторонам дороги армии деревьев уныло высились черными кулисами во внезапных вспышках.

Промаршировали через деревушку, выдуманную готическую массу руин, в нескольких сотнях ярдов за ней получили приказ стоять.

— Теперь можно оправиться, — скомандовал капитан Солтер. — Разойдись.

Сели; самые глупые быстро поняли значение длинного слова: дорога уютно огласилась приятным теплым плеском. Снова построились.

— Мы уже очень близко от линии фронта, — сказал капитан

Солтер, — в досягаемости для вражеских снарядов. — («Ерунда», — подумал Тристрам.) — Пойдем маршем в шеренге по левой стороне дороги.

С tre corde до una corda^[69], как на пианино с глухой педалью. Отряд вытянулся в одну длинную струну, марш возобновился. Еще через милю дошли до стоявшего слева якобы разрушенного деревенского дома. Капитан Солтер сверился с клочком бумаги при свете вспышек в небе, как бы удостоверяясь в верности номера дома. Явно удовлетворенный, храбро шагнул к передним дверям. За ним потек длинный ручей. Тристрам с интересом обнаружил, что они вошли в окоп.

— Какой-то дурацкий дом, — проворчал некий мужчина, словно искренне думал, будто их туда к ужину пригласили.

Это был просто каркас, как в кинодекорациях. Тристрам посветил на землю взводным фонариком — дыры, мотки проволоки, неожиданный трупик зверька с длинным хвостом — и мгновенно услышал:

— Гасите чертов свет.

Он повиновался; голос звучал властно. По бесконечной шеренге передавались предупреждения:

— Дыра — ыра — ра; проволока — оволка — волка, — точно примеры изменения английских гласных.

Тристрам замешкался во главе отделения № 1 своего взвода, четко полностью видя монтаж при озарявшем небо фейерверке (это именно он, это именно он *должен* быть). Конечно, должна быть запасная линия, вспомогательная линия, часовые на стрелковых ступенях, дым и вонь из землянок? Весь лабиринт казался совсем пустым, никто их приветственно не встречал. Неожиданно повернули направо. Люди впереди спотыкались, тихо сыпали проклятиями, втискиваясь в землянки.

— Враг, — благоговейно шепнул мистер Доллимор, — всего в сотне ярдов. Вон там, — указал он, красиво освещенный сильной вспышкой, в сторону ничейной земли, или как она там называлась, — мы должны выставить часовых. Одного через каждые сорок — пятьдесят ярдов.

— Слушайте, — сказал Тристрам, — кто командует? Что мы такое? К кому мы относимся?

— Боже, сколько вопросов. — Он спокойно смотрел на Тристрама при новой вспышке фейерверка.

— Я имею в виду, — сказал Тристрам, — мы подкрепляем какие-то войска, уже находящиеся в расположении, или?.. *Что* мы такое? Откуда нам поступают приказы? Какие у нас приказы?

— Ну, сержант, — отеческим тоном сказал мистер Доллимор, —

пускай все эти важные вопросы вас не тревожат. Обо всем позаботятся, не волнуйтесь. Просто проследите за подходящим расположением людей. Потом выставьте часовых.

Безвредный шум продолжался тем временем, магнитофоны гремели, симулируя яростную войну: видно, динамики стояли очень близко. Над землей полыхали вспышки необычайной яркости, как разноцветное горячее.

— Па-атрясающе, — сказал мужчина из Северной Провинции, высовываясь из землянки.

— Какой, — не унимался Тристрам, — смысл расставлять часовых? Врага вокруг нет. Одно мошенничество. Этот окоп очень скоро взорвется, и взрыв из далекого центра управления произведет какой-то кровожадный огромный паук, сидящий на базе. Разве вы не видите? Это новый современный способ справляться с избыточным населением. Весь этот грохот поддельный. И вспышки поддельные. Где наша артиллерия? Видите хоть какую-нибудь артиллерию за окопами? Разумеется, нет. Видите хоть какие-нибудь снаряды, шрапнель? Высуньте из-за бруствера голову, и что будет, по-вашему? — Тристрам взобрался на мешки с землей, аккуратно сложенные, — явно работа каменщиков — и выглянул. На мгновение увидел освещенную фейерверком ровную местность с далекой купой деревьев, с холмами за ними. — Ну, вот, — сказал он, слезая.

— Я намерен, — дрожа, сказал мистер Доллимор, — взять вас под арест. Я намерен немедленно вас разжаловать. Я намерен...

— Ничего у вас не выйдет, — покачал головой Тристрам. — Вы всего лейтенант. И ваш временный капитан Солтер тоже ничего не может. И еще одно можете мне сказать: где старшие офицеры? Тут нигде не найдется ни одного офицера штабного ранга. Где, к примеру, штаб-квартира батальона? Возвращаясь к первому вопросу: кто отдает приказы?

— Это нарушение субординации, — встряхнулся мистер Доллимор. — А также измена.

— Ох, бросьте нести чепуху. Слушайте, — сказал Тристрам, — вы обязаны сказать людям, что происходит. Вы обязаны привести их обратно в базовый лагерь, не позволив властям их убить. Вы обязаны начать задавать кое-какие вопросы.

— Не рассказывайте мне о моих обязанностях. — Мистер Доллимор неожиданно вытащил из кобуры пистолет. — Я намерен вас расстрелять, — сказал он. — У меня есть на то полномочия. Вы сеете панику и уныние. — Он был как бы в остром приступе тропической лихорадки: пистолет сильно трясся.

— Вы не сняли с предохранителя, — сказал Тристрам. — Что за вздорная чертовщина. У вас кишка тонка. Я уйду отсюда. — И сделал пол оборота.

— О нет, не уходите. — И, к крайнему изумлению Тристрама, мистер Доллимор, очевидно сняв с предохранителя пистолет, выстрелил. Бах — пуля провизжала далеко мимо цели, безопасно вонзилась в мешок с землей. Кое-кто из солдат высунулся, жуя или перестав жевать, тараща глаза на звук настоящего оружия.

— Ладно, — вздохнул Тристрам. — Просто обождите, и все. Идиот, вы увидите, что я прав.

Глава 8

Но Тристрам был не совсем прав. Собственный здравый смысл должен был указать ему на изъян в лихорадочных допущениях. Мистер Доллимор пошатнул все учебные патетические штабные выдумки капитана Солтера. Тристрам оглядел свой взвод. Капрал Хаскелл сказал:

— Знаете, что я обнаружил, сержант? Немножечко трилистника^[70]. Вполне хорошее указание места нашего нахождения, разве нет?

— Можете сообразить, зачем мы тут? — спросил Тристрам.

Капрал Хаскелл сделал лягушачью физиономию и сказал:

— Я же говорил, драться с Миками. Хотя для чего с ними драться, один Бог знает. Все-таки мы не знаем и половины происходящего, правда? Из услышанного пару недель назад в новостях я подумал бы, это будут китайцы. Может, ирландцы с китайцами крепко повязаны.

Тристрам призадумался, не надо ли просветить капрала Хаскелла, хорошего, приличного с виду семейного мужчину, «Мне никто никогда не поверит» — это пропел не установившийся офицерский голос в нескольких ярдах от окопа. Значит, на тех самых офицерских курсах обучают древним военным песням? Тристрам гадал, не рискнуть ли сейчас потихоньку сбежать. Но, считая все это ловушкой и выдумкой, знал — за окопы, назад, пути нет. Если есть вообще хоть какой-нибудь путь, он лежит впереди, наверху, и при большом везении. Он сказал капралу Хаскеллу:

— Вы вполне уверены, что это Западное побережье Ирландии?

— Если я в чем-то могу быть уверенным, так как раз в этом.

— Но не можете точно назвать место?

— Нет, — сказал капрал Хаскелл, — только я бы сказал, определенно не дальше Коннаха на север. Значит, наверняка Голуэй, или Клер, или

Керри.

— Ясно. А как бы перебраться на другой берег?

— Надо было бы в поезд сесть, правда? Тут в Ирландии кругом старые паровички, во всяком случае, были во время моих разъездов. Дайте сообразить. Если это Керри, тогда можно добраться из Килларни в Бунгарван. Или дальше на север, от Листоуэлла через Лимерик, и через Типперери, и через Килкенни до Вексфорда. А допустим, мы в графстве Клер...

— Спасибо, капрал.

— Этого, конечно, не сделать, если б мы с Миками воевали. Они сразу горло тебе перережут, как только речь услышат.

— Ясно. Все равно, спасибо.

— Вы же не собираетесь ноги сделать, сержант?

— Нет, нет, конечно.

Тристрам оставил тесную вонючую землянку, полную сидевших солдат, пошел перекинуться словом с ближайшим часовым. Часовой, прыщавый парень по имени Берден, сказал:

— Они вон там шевелятся, сержант.

— Где? Кто?

— Вон там.

Он кивнул стальным шлемом в сторону противоположных окопов. Тристрам прислушался. Китайцы? Доносилось бормотание довольно резких голосов. Запись звуков сражения сильно увяла. Итак. Его сердце сжалось. Он ошибся, совершенно ошибся. Враг был. Прислушался внимательней.

— По-настоящему быстро бегали, да еще тихо. Похоже, их там целая куча.

— Значит, теперь недолго, — сказал Тристрам.

И словно в подтверждение этого утверждения из окопа, спотыкаясь, появился мистер Доллимор. Увидел Тристрама и сказал:

— Это вы? Капитан Солтер сказал, что вас надо под строгим арестом держать. Но также говорит, что уже слишком поздно. Атакуем в 22.00. Сверим часы.

— Атакуем? Как атакуем?

— Ну вот, вы опять задаете глупые вопросы. Мы выходим наверх ровно в 22.00. Сейчас, — он взглянул на часы, — ровно 21.34. Штыки примкнуть. Приказ взять вон ту вражескую траншею. — Он был лихорадочно бодр и светел.

— Кто отдает приказы?

— Вас совсем не касается, кто отдает приказы. Готовьте взвод. Все ружья зарядить, не забудьте ни одного. — Мистер Доллимор стоял, выпрямившись, с важным видом. — Англия, — вдруг произнес он с заложенным от слез носом. Тристрам, которому в данных обстоятельствах было нечего больше сказать, козырнул.

В 21.40 внезапно, как пощечина, наступила тишина.

— Ух ты, — сказали мужчины, скупая по забавному шуму. Перестали мелькать вспышки. В незнакомой водворившейся тишине ясней слышался враг, кашлявший, шептавшийся в легких тонах мелкокостных жителей Востока. В 21.45 по всей длине окопа мужчины поднялись, тяжело дыша открытыми ртами. Мистер Доллимор с трясущимся пистолетом, не сводя глаз с наручных часов, готов был отважным броском вести наверх тридцать своих человек (в каком-то углу чужого поля), поклявшись перед Богом принять смерть (то есть за Англию). 21.50, у всех звучно забились сердца. Тристрам знал свою роль в этом неминуемом самоубийстве: если мистер Доллимор обязан был бросить людей, сам он был обязан их подгонять:

— Встать, вперед, отребье, или я пристрелю каждого труса.

21.55.

— О, бог войны, — шептал мистер Доллимор, — укрепи мое солдатское сердце.

21.56.

— Я хочу к мамочке, — притворно всхлипнул юморист-кокни.

21.57.

— Или, — сказал капрал Хаскелл, — если мы достаточно далеко на юге, можно добраться от Бантри до Корка.

21.58. Задрожали штыки. Кто-то начал икать и все время твердил:

— Пардон.

21.59.

— Ах, — сказал мистер Доллимор, глядя на секундную стрелку, точно она выступала в блошином цирке. — Сейчас мы пойдем, сейчас мы пойдем...

22.00. По всей линии смертельно пронзительно залились серебром свистки, сразу грянула сводившая с ума фонографическая бомбардировка. В зловещих спазматических вспышках виднелся мистер Доллимор, взбиравшийся наверх, размахивавший пистолетом, разинувший рот в каком-то неслышном, разученном в офицерской школе воинственном крике.

— Все вперед, — прокричал Тристрам, тыча собственным пистолетом, толкаясь, угрожая, пинаясь. Солдаты поднимались, кое-кто откровенно

сердито.

— Нет-нет, — запаниковал один упрямый человечек, — ради Бога, не заставляйте меня.

— Вылезай, разрази тебя, — оскалил вставные зубы Тристрам.

Капрал Хаскелл вопил сверху:

— Иисусе, они идут на нас!

Резко, раскатисто треснули ружья, наполнив едкий воздух еще более едким ветчинным дымом тысячи чиркнутых спичек. Уныло свистели пули. Оттуда неслись жуткие проклятия, отсюда вопли. Тристрам, высунув над бруствером голову, видел черные гравированные срезанные тела, схватившиеся врукопашную, неуклюжие, падавшие, стрелявшие, пронзавшие, как в каком-то старом кино про войну. Он отчетливо видел, как повалился назад мистер Доллимор (вечный элемент абсурда: он будто танцевал и пытался, танцуя, стоять на ногах), а потом рухнул с разинутым ртом. Капрал Хаскелл был тяжело ранен в ногу; падая и стреляя, открыл рот (как для гостьи) перед пулей, лицо его разлетелось. Тристрам, одним коленом на верхнем мешке с землей, бешено расстреливал патроны в шатавшихся наступавших. Это была бойня, взаимное массовое уничтожение, уклониться было невозможно. Тристрам перезарядил пистолет, запоздало заразившись теперь лихорадкой бедняги Доллимора, подался назад в окоп, подошвы сапог утонули в мешках с землей, голова в шлеме, глаза и стреляющая рука оставались над бруствером. И увидел врага. Незнакомая раса, маленькие, широкие в груди, в бедрах, визжащие, точно женщины. Все они сыпались вниз, воздух был полон вкусного дыма, еще свистел пулями. И при виде всего этого, пока все это расставлялось по своим местам в холодной запасной комнате в его мозгу, все это, предвещавшееся Священной Игрой пелагианских времен, он рыгнул, а потом выплеснул из кишок все пережеванное прокисшее мясо. Один из собственных его солдат вернулся в окоп, хватая руками воздух, бросил ружье, вымолвил, задохнувшись:

— Ох, Иисусе, будь я проклят.

Потом глубоко из груди его вырвался стон — в спину вонзилась пуля. Он перевернулся, как акробат, увлекая с собой Тристрама; сплошные руки-ноги, раздвоение — суть человека. Тристрам, сильно ударившись о качавшиеся доски обшивки, борясь с мертвым грузом инкуба, хрипло испускавшего дух, услышал с флангов, как из театральных кулис, сухой дождь пулеметного огня, явно живой по сравнению с фальшивой какофонией бомбардировки.

— Прикончим их, — думал он, — прикончим.

Потом громкие звуки утихли, не слышалось и никаких характерных человеческих звуков, только животные вздохи последних умирающих. При финальной вспышке он разглядел свои часы: 22.03. Три минуты с начала до конца. Тристрам с огромным трудом свалил со своего живота тело на пол окопа: оно свалилось со стоном. Он в страхе мрачно пополз прочь поплакать в одиночестве, сверху по-прежнему шел чудовищный запах завтрака с копченым беконом. Он неудержимо заплакал; вскоре взвыл от ужаса и отчаяния, видя во тьме, как в зеркале, собственное искаженное перекошенное лицо, слизывавшее языком слезы, с отвисшей нижней губой, трясущейся от злобы и безнадежности.

Когда жуткий порыв прошел, послышалось возобновившееся над ним сражение. Но то были лишь единичные щелчки пистолетных выстрелов, через неравные промежутки времени. В ужасе взглянув вверх, он увидел шарившие лучи фонариков, будто что-то искавшие в мешанине тел. И застыл в сильном страхе.

— Старый соор de gracy^[71], — сказал хриплый голос. — Бедная сучка. — Потом пара треснувших властных выстрелов. Фонарик искал, искал над бруствером, искал его. Он лежал с напряженным лицом, как принявший ужасную смерть. — Бедный старый педер, — сказал хриплый голос; звучный выстрел, должно быть, попал в кость.

— Тут сержант, — сказал другой голос.

— С него хватит.

— Лучше наверняка, — сказал первый.

— Ох, черт, — сказал другой. — Меня тошнит от этой работы. Тошнит по-настоящему. Грязь и мерзость.

Тристрам почувствовал, как луч фонаря пробежался по его закрытым векам, потом ушел дальше.

— Ладно, — сказал первый. — Кончаем. Если разрешат. Эй, вы, — кому-то подальше, — все карманы оставьте в покое. Никакого мародерства. Имейте хоть какое-то уважение к мертвым, чтоб вас разразило.

По полю затопали сапоги; еще несколько разрозненных выстрелов. Тристрам лежал в мертвой неподвижности, даже не дернулся, когда по нему деловито протопало некое маленькое животное, принявшись, пощекотав усиками лицо. Вернулась человеческая тишина, но он лежал еще целую вечность, застыв на месте.

Глава 9

Наконец, в мертвой, но безопасной тишине Тристрам фонариком высветил себе путь в окоп, где капрал Хаскелл давал ему урок географии Ирландии, где ожидало действий первое отделение его взвода, напевая, развалившись; волнуясь. Там, за плотной дверью из одеяла, было тихо, смрадно, пахло жизнью. Лежали ранцы, бутылки с водой, может быть, в том числе его собственная, он ведь свалил войсковое имущество вместе с отделением, входя в окоп. Питавшуюся от батарейки лампочку в землянке погасили перед атакой, он не стал ее вновь зажигать. Фонарик осветил кучку монет на столе — гиней, септы, таннеры, кроны, тоштруны, фунты, флорины; ему было известно — это взводный общак, бесполезный для мертвых, награда для выживших, по древней традиции. Единственный уцелевший, Тристрам склонил голову, запихивая в карманы монеты. Потом набил подвернувшийся ранец мясными консервами, прицепил к поясу полную бутылку с водой, зарядил пистолет. И вздохнул перед очередным анабасисом.

Вылез из окопа, перешагивая через тела на крошечной ничейной земле, не смея включать фонарь даже снаружи. Пробравшись ощупью, вылез из противоположного окопа, очень мелкого, а потом зашагал, морщась от боли после того самого падения с бруствера на обшивку, которое так давно было, опасаясь возможного рыщущего стрелка. В слабом свете звезд простиралась голая земля. Посчитав, что прошел милю, увидел впереди на горизонте огни, туманные, редкие. Осторожно, вытащив пистолет, семенил дальше. Огни становились больше, ярче, скорее похожие на плоды, чем на зерна. Вскоре, чувствуя внутри сильно бьющийся страх, он увидел высокую проволочную ограду, бесконечно тянущуюся в обе стороны, сплетенный из света и полутеней рисунок стальной сетки вблизи. Может быть, под напряжением, как по периметру базового лагеря. Делать было нечего, только идти параллельно ограде (прикрытия в виде деревьев, кустов не имелось), искать, решившись на провокацию, на угрозы, на применение силы, какой-нибудь законный проход, если он существует.

Он заметил на расстоянии и опасливо приблизился к чему-то вроде ворот в бесконечной ограде; ворота представляли собой крепкий металлический остов, обвитый колючей проволокой. За ними стоял деревянный сарай с единственным слабо освещенным окном, а у дверей сарая стоял часовой в серой шинели и шлеме, чуть не спал на ногах. Лачуга, ворота, проволока, темнота, часовой, — ничего больше. Часовой, увидев Тристрама, очнулся, испуганно дернувшись, вскинул ружье.

— Открывай, — приказал Тристрам.

— Ты откуда? — Выражение довольно тупой физиономии

нерешительное.

— Я ведь старший по званию, правда? — взорвался Тристрам. — Впусти меня. Проводи к дежурному командиру.

— Извините, сержант. Я вроде как немножко опешил. В первый раз вижу, как кто-то идет с той стороны. — Похоже, все шло легко. Часовой открыл ворота, проехавшие по земле на роликах, и сказал: — Сюда, — другой дороги явно не было, — сержант. — Привел Тристрама в караульный барак, открыл дверь, завел внутрь. Низковольтная лампочка апельсином посвечивала с потолка; на стене в рамках общие приказы-инструкции, карта. У капрала Хаскелла был поразительно верный нюх: то была карта Ирландии. На столе, чистя ногти, положив ноги на стул, сидел капрал с прической и выражением лица Шарля Бодлера.

— Встать, капрал, — рявкнул Тристрам.

Капрал второпях свалил стул, реагируя больше на офицерский тон Тристрама, чем на его нашивки.

— Хорошо, — сказал Тристрам. — Садитесь. Вы дежурный?

— Сержант Форестер спит, сержант. Лучше я его разбужу.

— Не трудитесь. — Он решил довести блеф до точки кипения. — Я за транспортом. Где можно получить транспорт?

Капрал выпучил глаза, как Шарль Бодлер с дагерротипа.

— Ближайший мотопарк в Дингле. В зависимости от того, куда вы хотите добраться.

— Я должен доложить насчет последнего шоу, — сказал Тристрам. — Можно взглянуть на карту? — И подошел к толстому многоцветному чудищу, представлявшему собой Ирландию. Дингл, разумеется, в заливе Дингл; заливы Дингл и Трали вырезают полуостров из графства Керри. Теперь он все видел: разнообразные острова и выступы на западном побережье помечены флажками ВМ, — должно быть, сданы правительством Всей Ирландии в аренду Военному Министерству Британии в мнимых учебных целях. — Ясно, ясно, — сказал Тристрам.

— А куда, — спросил капрал, — вы хотите добраться?

— Вам должно быть известно, что не следует задавать вопросы, — одернул его Тристрам. — Слышали, *есть* такая штука — секретность?

— Виноват, сержант. Сержант, — робко спросил капрал, — что тут *действительно* происходит, сержант? — Он махнул в сторону огромного закрытого поля боя.

— Вы хотите сказать, что не знаете?

— Никого туда не пускают, сержант. Никого никогда не пускали. Мы просто слышим шум, вот и все. Судя по шуму, какие-то совсем реальные

учения. Но никому даже взглянуть не разрешают, сержант. Все это записано в общих инструкциях.

— А насчет того, чтоб оттуда кого-нибудь выпускать?

— Ну, видите, про это вообще ничего. Наверно, потому, что оттуда никто не приходил никогда. Я вас вообще первого вижу, а я тут уже девять месяцев. Даже не стоило ворота ставить, правда?

— Ох, не знаю, — сказал Тристрам. — Ведь сегодня они выполнили свою задачу, не так ли?

— И то правда, — сказал капрал с неким благоговением в адрес предусмотрительности всевидящего провидения. — Истинная правда. — А потом услужил: — Конечно, вы всегда можете в поезд сесть, куда бы ни хотели добраться, правда, сержант?

— Где станция?

— А, всего в паре миль вниз вон по той дороге. Ветка в Трали. Там поезд подбирает сменных рабочих в Килларни около двух по ночам. Вы легко в него сядете, если он вам хоть как-то годится.

Думай, просто думай: еще тянется та же самая ночь, но все же кажется, будто после тех засвистевших свистков как-то вне времени пролетел целый пласт времени. Сержант Лайтбоди, вдруг припомнил Тристрам, говорил что-то о поисках великого «быть-может»: забавно, что он давно уже его нашел. Для него это уже не «быть-может», а «точно». Тристрам содрогнулся.

— Вы не слишком-то хорошо выглядите, сержант. Уверены, что сможете дойти?

— Смогу, — сказал Тристрам. — Должен дойти.

Эпилог

Глава 1

От Трали до Килларни, от Килларни до Маллоу. Почти всю дорогу Тристрам видел дурные сны на угловом сиденье, сгорбившись, подняв воротник шинели. Пронзительный голос как бы вел подсчеты сквозь шум паровоза:

— Скажем, нынче вечером отправили тыщу двести; скажем, в среднем десять стоунов; женщины легче мужчин; скажем, тыща двести стоунов мертвого груза. Умножить на тысячу, получится двенадцать миллионов стоунов — убойного скота — за одну ночь (на досуге перевести в тонны), хорошая глобальная работа.

Его взвод шел парадом, мрачно указывая на него, потому что он был еще жив. Прибывая в Маллоу, он проснулся, отбиваясь. Какой-то рабочий-ирландец схватил его, успокаивая, приговаривая:

— Ладно, ладно, приятель.

Днем доехал от Маллоу до Рослэра. Провел ночь в отеле в Рослэре, утром, заметив рыскавшую вокруг военную полицию, купил готовый костюм, дождевик, рубашку, ботинки. Сунул армейское обмундирование в ранец, отдав сперва свои мясные консервы скулившей карге, которая сказала:

— Да благословят вас Иисус, Мария и Иосиф.

С пистолетом в кармане Тристрам — штатский — сел на пакетбот до Фишгарда.

Жестокая февральская переправа, пролив Святого Георга ревел и дымился, подобно дракону. В Фишгарде он заболел и переночевал. На следующий день под замороженным, как рейнвейн, солнцем отправился на юго-восток к Брайтону. Наконец купленный им билет был до Брайтона. После Солсбери его обуяло судорожное желание считать и пересчитывать свои деньги, взводные деньги: неизменно получалось тридцать девять гиней, три септы, один таннер. Он бесконечно дрожал, отчего прочие обитатели того же отделения бросали на него любопытные взгляды. По прибытии в Саутгемптон решил, что действительно болен, но, возможно, сил хватит выйти в Саутгемптоне, найти пристанище до выздоровления. Было полным-полно веских причин не являться в Брайтон, еле волоча ноги, падая, явно нуждаясь в помощи, не имея возможности что-либо

контролировать.

Близ Центрального вокзала в Саутгемптоне обнаружил армейский отель — пять нижних этажей небоскреба. Вошел, предъявил свою платежную книжку, заплатил за пять дней. Старик в выцветшей синей служебной форме привел его в холодную комнатку, монашескую, но с множеством одеял на кровати.

— С вами все в порядке? — спросил старик.

— В полнейшем, — сказал Тристрам. Когда старик ушел, запер дверь, быстро разделся и заполз в постель. Там ослабил хватку, позволив лихорадке взять над ним полную власть, точно какому-то дьяволу или любовнице.

Нескончаемая дрожь и пот поглотили время, место, ощущения. Он вычислил по естественной смене света и тьмы, что пролежал в постели тридцать шесть часов; болезнь трудолюбиво грызла его, точно собака кость; пот был столь обильным, что мочевой пузырь взял выходной; он чувствовал, что становится ощутимо тоньше и легче, в момент кризиса верил, будто тело стало прозрачным, будто каждый внутренний орган светится, фосфоресцирует в темноте, поэтому казалось скандальным упущением, что ни одна сестра-наставница не может привести учеников поучиться на нем анатомии. Потом рухнул в окоп сна, столь глубокий, что до него не мог добраться никакой сон, никакая галлюцинация. Утром проснулся с мыслью, будто проспал целый сезон, как медведь или черепаха, ибо солнце в комнате было как бы весенним солнцем. Он мучительно выволок время оттуда, где оно пряталось, и подсчитал, что еще должен стоять февраль, еще зима.

Сильная жажда вытащила его из постели. Он потащился к умывальнику, вынул из стакана промерзшие зубы, вновь и вновь наполнял его жесткой южной меловой водой, глотал и глотал, пока наконец не был вынужден снова лечь, задыхаясь. Трястись он перестал, но по-прежнему чувствовал себя тонким, точно лист бумаги. Перекатился под одеяла и снова заснул. В следующий раз разбудил его переполненный мочевой пузырь, и он его опорожнил — маленький секрет — в умывальник. Теперь чувствовал, что способен ходить, хоть и очень замерз. Наверно, потому, что не ел. Солнце садилось, близился морозный вечер. Он оделся, не умываясь, не бреясь, пошел вниз в столовую. Кругом сидели солдаты с еще не просохшими личными номерами, пили чай, плакались, хвастались. Тристрам попросил вареных яиц и натурального молока. Про мясо не смел даже думать. Ел очень медленно, чувствуя некое обещание возвращения сил. Его заинтриговало возрождение древнего обычая (введение которого в

Англии приписывалось мифическому моряку по имени Джон Плейер): некоторые солдаты держали во рту круглые бумажные трубочки с горящим концом. Покройте себя славой, славой, да-да-бух. С шумом брызнули слезы. Лучше вернуться обратно в постель.

Он основательно проспал следующий несчетный пласт тьмы и света. А когда проснулся — внезапно, — обнаружил, что переместился в сферу великой умственной ясности.

— Что ты предлагаешь? — спросило изножье кровати.

— Не попадаться, — отвечал вслух Тристрам. Его загнали в армию 27 марта, в прошлом году на Пасху, должны были демобилизовать ровно через год. До этой даты — еще больше месяца — никак нельзя себя чувствовать в безопасности. Он не сумел погибнуть: возможно, Военное Министерство будет за ним охотиться, пока он не избавится от обвинения в нарушении служебного долга. Впрочем, станут ли в самом деле трудиться? По его мнению, станут: будут горестно хмуриться над ведомостью с вопросительным знаком вместо галочки против одной фамилии, платежная книжка пропала. Может быть, даже тут, в этом армейском отеле небезопасно. Он считал, что достаточно хорошо себя чувствует, чтоб убраться отсюда.

Умылся, тщательно выбрился, старательно оделся в штатское. Почти поплыл по лестнице, легкий, как стриженная овца: болезнь принесла ему некую пользу, очистив от тяжелых соков. В вестибюле военной полиции не было. Он ждал, что выйдет в утро, но, полностью окунувшись в приморский город, обнаружил — уже далеко за полдень. Поел жареной рыбы в ресторане на окольной улочке, потом увидел неподалеку вполне подходящий грязный с виду жилой дом. Никаких вопросов, никакого любопытства. Заплатил за неделю вперед. И подумал: деньги вот-вот кончатся.

Глава 2

Следующие четыре педели Тристрам провел весьма прибыльно. Припомнил свои функции — учителя истории и сопутствующих предметов — и таким образом, финансируемый своим бедным мертвым взводом, провел сам с собой краткий курс реабилитации. Он целыми днями просиживал в Центральной Библиотеке, читая великих историков и историографов своей эпохи — «Идеологическая борьба в двадцатом веке» Стотта; «Principien der Rassengeschichte»^[72] Цукмайера и Фельдфебеля;

«История ядерного оружия» Стебблинг-Брауна; «Ань Чон-чжу» Гун Цинь-шу I; «Религиозные заменители прототехнической эры» Спарроу; «Доктрина цикла» Радзиновича. Все это были тонкие книжки в виде логогрифов, сокращавших орфографию ради экономии места. Но теперь места казалось вполне достаточно. Отдыхая по вечерам, читал новых поэтов и романистов. Заметил, что писатели Пелфазы вроде бы дискредитированы: в конце концов, кажется, невозможно — а жалко — творить искусство при мягком старом либерализме. Новые книги были полны секса и смерти, наверно, единственных для писателя материалов.

27 марта, в понедельник, прекрасной весенней погодой, Тристрам ехал по железной дороге в Лондон. Военное Министерство располагалось в Флоэме. Он нашел его в конторском блоке небоскреба умеренной величины (тридцать этажей) под названием Джунипер-Билдинг. Комиссионер сказал:

— Вам нельзя сюда входить, сэр.

— Почему?

— Без назначенной встречи нельзя.

— Прочь с дороги, — рывкнул Тристрам. — Вы, видно, не знаете, кто я такой. — И, отпихнув комиссионера, прошел в первый попавшийся кабинет. Там на электронных говорящих машинках клацало множество пухловатых блондинок в форме. — Я хочу видеть кого-нибудь из начальства, — сказал Тристрам.

— Без назначенной встречи никого нельзя видеть, — сказала одна молодая женщина.

Тристрам пересек кабинет, открыл дверь со стеклянной верхней половиной. Между двумя пустыми корытцами для корреспонденции сидел лейтенант, деловито задумавшись.

— Вас кто пустил? — сказал он. Очки в большой черной оправе, комплекция сладкоежки, обгрызенные ногти, пятно пушка на шее, где он плохо побрился.

— Бессмысленный вопрос, не так ли? — сказал Тристрам. — Меня зовут сержант Фокс, Т. Я докладываю, как единственный выживший в одном из мило задуманных миниатюрных побоищ на Западном побережье Ирландии. Я бы предпочел побеседовать с кем-нибудь поважней вас.

— Выживший? — ошеломленно спросил лейтенант. — Вам бы лучше пойти доложить майору Беркли. — Он поднял ей из-за стола, продемонстрировав бюрократическое брюшко, и направился к двери напротив той, куда вошел Тристрам. На стук в последнюю ответил сам Тристрам. Это был комиссионер.

— Виноват, что его пропустил, сэр, — начал он, а потом сказал: —

Ох, — ибо Тристрам вытащил пистолет. Хотят играть в солдат — пожалуйста. — С ума сойти, — сказал комиссионер и быстро хлопнул дверью; сквозь застекленную половину видна была его быстро ретировавшаяся тень. Вернулся лейтенант.

— Сюда, — сказал он. Тристрам последовал за ним вниз по коридору, освещенному только светом из других наполовину застекленных дверей, сунув пистолет в карман.

— Сержант Фокс, сэр, — сказал лейтенант, открыв дверь к офицеру, притворявшемуся безнадежно запятым составлением срочного рапорта.

Это был майор с красными петлицами, с очень тонкими каштановыми волосами; погрузившись в писание, он показывал Тристраму лысину размером и округлостью с церковную гостию. На стенах группами висели фотографии скучных с виду людей, большей частью в шортах.

— Всего один момент, — сурово сказал майор, старательно дописывая.

— Ох, бросьте, — сказал Тристрам.

— Прошу прощения? — Майор поднял глаза, слабые, цвета устрицы. — Почему вы не в форме?

— Потому что, согласно условиям контракта, записанным в платежной книжке, срок моей службы завершился сегодня ровно в 12.00.

— Ясно. Лучше оставьте нас, Ральф, — сказал майор лейтенанту. Лейтенант поклонился на манер официанта и вышел. — Ну, — сказал майор Тристраму, — что это за разговоры насчет единственного выжившего? — Он, похоже, не ожидал немедленного ответа, так как продолжал: — Дайте-ка мне взглянуть на вашу платежную книжку. — Тристрам протянул ее. Сесть ему не предложили, поэтому он сел. — М-м-м, — сказал майор, открывая, читая.

Щелкнул переключателем и проговорил в микрофон: — 7388026 сержант Фокс, Т. Прошу досье немедленно. — А потом Тристраму: — Зачем вы к нам пришли?

— Зарегистрировать протест, — сказал Тристрам. — Предупредить о своем намерении поднять адский шум.

Майор выглядел озадаченным. У него был длинный нос, который он в данный момент озадаченно потирал. Из щели в стене в проволочную корзинку выстрелило пухлое досье; майор его открыл и стал внимательно читать.

— А, — сказал он, — понятно. Вас, видно, все ищут. По правилам вы ведь должны быть мертвы, разве нет? Мертвы вместе с остальными своими товарищами. Вам надо очень быстро отсюда уматывать. Я вас еще арестовать могу, знаете, за дезертирство. Задним числом.

— Ох, чепуха, — сказал Тристрам. — Я, единственный выживший, возглавлял тех несчастных убитых. Решил дать себе месяц отпуска. И к тому же был болен, что неудивительно.

— Это, знаете, не по правилам.

— Не хочу ничего даже слышать от вас и от вашей проклятой убийцы-организации насчет правил, — сказал Тристрам. — Куча свиней-убийц, вот вы кто.

— Ясно, — сказал майор. — А себя вы от нас отделяете, да? Я бы сказал, — ровным тоном, — что вы убивали больше, чем я, например. Вы действительно участвовали в ЛО.

— Что такое ЛО?.

— Ликвидационная Операция. Знаете, так называют новые бои. Я бы сказал, вы использовали свой шанс на... самооборону, можно так сказать? Иначе не понимаю, как бы вам удалось выжить.

— Нам дали определенный приказ.

— Конечно. Приказ стрелять. Только логично, правда, когда в вас тоже стреляют?

— Все равно это было убийство, — яростно сказал Тристрам. — Бедные, несчастные, беззащитные...

— Да ладно, какие они беззащитные в точном смысле слова? Опасайтесь клише, Фокс. Знаете, одно клише ведет к другому, а последний в ряду термин всегда абсурден. Их хорошо обучили, хорошо вооружили, они приняли славную смерть, веря, что умирают за великое дело. И, знаете, это правда. А вы, разумеется, выжили по самой что ни на есть бесславной причине. Выжили вы потому, что не верили в то, за что мы сражаемся, за что мы будем вечно сражаться. Конечно, поймали вас в самом начале, когда система была в высшей степени несовершенной. Теперь наша система вербовки весьма избирательна. Больше мы не призываем подозрительных людей вроде вас.

— Просто используете бедолаг, которым ничего лучшего не известно, так, что ли?

— Конечно. Лучше обойдемся без слабоумных и без энтузиастов. Что также означает уличных мальчиков и преступников. И, если говорить о женщинах, кретинистых перепроизводительниц. Знаете, генетически это очень здорово.

— Ох, Боже, Боже, — простонал Тристрам, — все это чистое распроклятое сумасшествие.

— Вряд ли. Слушайте, вы действовали по приказам. Все мы действуем по приказам. Приказы Военного Министерства исходят в конечном счете от

УОГН.

— Убийцы, кто б они ни были.

— О нет. Управление Ограничения Глобального Населения. Конечно, на самом деле оно не отдает приказов в военном смысле. Просто дает сведения о населении по сравнению с продуктовым запасом, — всегда, конечно, с оглядкой на будущее. А его представление о продуктивном запасе не старая примитивная минимальная норма; оно пользуется высоким стандартом, который задает пределы. Я, кстати, не экономист, так что не спрашивайте меня о пределах.

— Мне все об этом известно, — сказал Тристрам. — Я историк.

— Да? Ну, я и говорю, вас либо следовало держать на инструкторской службе, — рано или поздно кому-нибудь вставят хорошую свечку за ваш перевод на боевую должность, — либо... что я говорю? Да, либо вообще не следовало призывать.

— Я вижу, почему вы это говорите, — сказал Тристрам. — Мне слишком много известно, не так ли? И я собираюсь писать, говорить и рассказывать про вашу циничную убийцу-организацию. У нас больше не полицейское государство. Ни шпионов, ни цензуры. Я расскажу распроклятую истину. Я заставлю Правительство действовать.

Майор оставался невозмутимым. Потирал нос в медленном ритме.

— Несмотря на название, — сказал он, — Военное Министерство на самом деле не орган правительства. Это корпорация. Название «Военное Министерство» — просто связь с прошлым. Корпорация, созданная с согласия государства. По-моему, согласие подтверждается каждые три года. Не вижу никакой вероятности, что оно не подтвердится. Каким другим способом сокращать население, понимаете? В прошлом году рождаемость выросла феноменально и до сих пор растет. Конечно, ничего плохого тут нету. Контрацепция жестока и неестественна: каждый имеет право родиться. Но, аналогично, раньше или позже каждый должен умереть. Наши призывные возрастные группы прогрессивно становятся старше, — разумеется, пока речь идет о здоровых, умственно нормальных слоях населения; после чистки останется меньше отбросов. Каждый должен умереть, и, похоже, история показала (вы историк, поэтому согласитесь со мной), похоже, история показала, что солдатская смерть — наилучшая смерть. Взгляни в лицо страшному жребию, сказал поэт. Пепел отцов, храмы богов и так далее. Не думаю, что вы найдете хоть какого-нибудь противника современной системы. Военное Министерство немножко похоже на проституцию: оно чистит общество. Не будь нас, Государство затопила бы куча грязи. Мы — жемчужина, понимаете? Бандиты,

извращенцы, злодеи: вы ведь не хотите их видеть в цивилизованном обществе. Пока есть армия, никогда не будет полицейского государства, никаких больше серых, резиновых дубинок, пыточных тисков, вооруженных отрядов в неуместно ранние часы. Решены последние проблемы политики. Теперь у нас свободное государство — порядок без организации, что означает порядок без насилия. Надежное и просторное общество. Чистый дом, полный счастливых людей. Но, разумеется, в каждом доме должна быть система канализации. Это мы.

— Все не так, — сказал Тристрам. — Все, все не так.

— Да? Ну, придумайте что-то получше, приходите, рассказывайте.

С крошечным зудом надежды Тристрам сказал:

— Как по-вашему, люди в принципе хорошие?

— Ну, — сказал майор, — теперь у них есть шанс быть хорошими.

— Точно, — сказал Тристрам. — Это означает скорое возвращение либерализма. Я не думаю, будто Пелагианское Государство станет подтверждать согласие.

— Да? — без особого интереса сказал майор.

— Вы подписываете себе смертный приговор самым фактом своего существования.

— Для меня это слишком эпиграмматично, — сказал майор. — Слушайте, мне приятно беседовать, но я действительно довольно занят. Знаете, вам по правилам надо провести свою демобилизацию через соответствующие каналы. Если желаете, я подпишу увольнение, дам записочку в расчетный отдел. — Он начал писать. — Пособие в двадцать гиней за каждый месяц службы. Месяц *официального* отпуска по демобилизации с полным окладом. Хорошо. Детали для вас проработают. Вам заплатят наличными, видя, что вы такой подозрительный человек. — Он улыбнулся. — И, — добавил он, — не забудьте сдать пистолет. — Тристрам с потрясением обнаружил, что целится в майора. — Лучше мне отдайте. Знаете, мы вообще не любим насилия. Стрельба — для армии, а вы из армии теперь уволены, *мистер* Фокс. — Тристрам смиренно положил пистолет на стол майора. Теперь он понимал, что было бы, в конце концов, неправильно стрелять в Дерека. — Еще вопросы? — сказал майор.

— Только один. Что с мертвыми?

— С мертвыми? А, понятно. Когда солдат выбывает по смерти, забирают солдатскую платежную книжку, посылают письмо с соболезнованием его — или, конечно, ее — ближайшему родственнику. На этом Военное Министерство слагает с себя ответственность. В дело вступают штатские подрядчики. Знаете, мы из прошлого кое-чему

научились: мотовство до нужды доведет. Чем занимаются штатские подрядчики, это их личное дело. Но деньги очень кстати. Деньги дают корпорации жизнь. Понимаете, мы абсолютно независимы от Министерства Финансов. По-моему, этим можно гордиться. Еще вопросы?

Тристрам молчал.

— Хорошо. Ну, старина, удачи. Наверно, теперь начнете работу искать? Особого труда не составит с вашей квалификацией.

— И с опытом, — добавил Тристрам.

— Если угодно. — Сердечно улыбаясь, майор встал для рукопожатия.

Глава 3

Тристрам сел на следующий поезд подземки до Брайтона, твердя себе в ритм со стуком колес:

— Терпи, терпи, терпи, терпи.

Это слово включало в себя очень многое: терпение разных длин и весов, разную долготу терпения. Когда вокруг сплошь загромоздился Брайтон, мозг содрогнулся от воспоминаний, от ожиданий. Терпи. Еще просто немножечко держись подальше от моря. Делай, что следует.

Он нашел Министерство Образования там же, где оно было всегда: на Адкинс-стрит, сразу за Рострон-Плейс. В Отделе Кадров сидел Фрэнк Госпорт, как прежде. Даже узнал Тристрама.

— Вы хорошо выглядите, — сказал он, — по-настоящему хорошо. Как будто побывали в долгом отпуске. Чем мы вам можем помочь? — Это был приятный круглый мужчина, сияющий, с пушистыми, как утиный хохолок, волосами.

— Работой, — сказал Тристрам. — Хорошей работой.

— М-м-м. История, да? Гражданское право и прочее?

— У вас хорошая память, — сказал Тристрам.

— Да не так чтобы очень, — сказал Госпорт. — Имя не могу припомнить. Дерек, да? Нет, глупо с моей стороны, Дерек быть не может. Дерек Фокс — Координирующий Секретарь Министерства Плодородия. Конечно, конечно, он ваш брат. Припоминало. Ваше имя на «Т» начинается. — Он нажал кнопки в стене; на противоположной стене умеренно огненными письменами появились подробности о вакансиях, кадр за кадром, умеренно пламеневшие письменами. — Видите что-нибудь увлекательное?

— Южный Лондон (Канал), Общеобразовательная Школа (Для

Мальчиков), Четвертый Дивизион, — сказал Тристрам. — Кто там Ректор теперь?

— Тот же, Джослин. Знаете, он женился на истинном старом боевом мече. Умный мужчина. Плывет по волнам, понимаете.

— Как мой брат Дерек.

— Наверно. Хотите там что-нибудь?

— Нет, на самом деле. Слишком много дурных воспоминаний. Мне с виду нравятся вон те лекции в Техническом Колледже. История Войны. По-моему, я смогу.

— Это нечто новое. Вряд ли много соискателей. Записать вас?

— Пожалуй.

— В начале летнего семестра можете приступить. Знаете что-нибудь о войне? Мой сын только что получил повестку.

— Обрадовался?

— Юный оболтус. Армия должна вколотить в него какой-то здравый смысл. Хорошо. Лучше как-нибудь сходите, взгляните на Колледж. По-моему, очень симпатичное здание. Ректор в полном порядке. По фамилии Матер. По-моему, вы отлично поладите.

— Прекрасно. Спасибо.

На Рострон-Плейс Тристрам обнаружил контору жилищного агента. Ему предложили весьма респектабельную квартиру в Уинтроп-Мэншнс — две спальни, гостиная, кухня приличных размеров, оборудованная холодильником, стереотелеком и стенным шпинделем для *Дейли Ньюсдиска* или любого его конкурента. Посмотрев, он ее взял, подписав обычную форму соглашения, заплатив вперед за месяц. Потом занялся кое-какими покупками: кухонная утварь, провизия (довольно достойный выбор в новых магазинах при свободном предпринимательстве), немного белья, пижамы, халат.

А теперь. А теперь. А теперь. С колотившимся и трепетавшим, как птица в бумажном пакете, сердцем он шел, стараясь идти медленно, к берегу моря. Толпы народа под весенним солнцем, окутанные свежим морским воздухом, чайки трещат, как радиоглушители, каменное величие Правительственных офисов. Министерство Плодородия — барельефное треснувшее яйцо, откуда виднеются крылышки новорожденного, — с вывеской, которая гласила: *«Корпорация министерств Продовольствия, Сельского Хозяйства, Исследований Плодовитости, Религии, Ритуалов и Народной Культуры»*. Девиз: «ВСЯ ЖИЗНЬ ЕДИНА». И Тристрам, глаза, нервно улыбаясь, решил, что, в конце концов, он не хочет туда заходить, не может ничего стоящего сказать или сделать со своим братом. Повернулся в

последний раз, вросшие в землю ноги притормозили его. Ибо победа за ним, за Тристрамом, как покажет сегодняшний день. Самое дорогое для него, для Тристрама, он, Тристрам, вновь обретет, не пройдет девяноста минут, даже меньше. Окончательно. Бесповоротно. Ему требовалась только такая победа.

Высоко над Правительственным Зданием фигура с барочной бородой, в бронзовых одеждах с барочными складками, сурово смотрела на солнце в безветренный день, волосы и одежду развевал выдуманный скульптором барочный ветер. Кто это? Августин? Пелагий? Христос? Сатана? Тристрам воображал, будто улавливает сверкание крошечных рожек в шевелившейся массе каменных волос. Надо лишь обождать, всем надо обождать. Он почти убежден, что цикл снова начнется, фигура проповедует солнцу, морским облакам, что человек способен устроить хорошую жизнь, что ему не нужна благодать, что его наделил ей божественный разум. Пелагий, Морган. Морской Старик.

Он ждал.

Глава 4

— Море, — шепнула Беатрис-Джоанна, — научи нас уму-разуму. — Она стояла у перил променада, бормотавшие шерстяные розовые близнецы мягко тузили друг друга в коляске. Перед ней кругом простиралась беспрестанно бредившая, в шкуре барсовой, в хламиде рваной несчетных солнц, кумиров золотых, абсолютная гидра, опьяненная плотью синей, грызущая свой хвост, сверкающий в пучине безмолвия, где грозный гул затих. — Море, море, море.

За морем Роберт Старлинг, бывший Премьер-Министр Великобритании и Председатель Совета Премьер-Министров Англоязычного Союза, на средиземноморской вилле, в окружении своих сладких мальчиков, деликатно кушал, попивал фруктовый сок, читал классиков, задрав ноги, незаметно высчитывал срок окончания своего изгнания. На других берегах моря талассографы готовились к экспериментам над неизмеримым зеленым богатством, с новыми моторами, с хитрыми приборами. Нетронутая жизнь ныряла на мили вниз, на лиги вниз.

— Море, море. — Она молилась за кого-то, и на мольбу было сразу отвечено, но ответ пришел не с моря. Он пришел с теплой земли позади нее. Нежная рука на ее плече. Она обернулась, ошеломленная. И потом,

после мига безмолвного потрясения, у нее еще не было слов, только слезы. Она к нему приникла; огромный воздух, дарующее жизнь море, будущая история человечества в глубине, нынешний громоздившийся ввысь город, бородатый мужчина на вершине, — все исчезло в тепле его присутствия, в близости его объятий. Он стал морем, солнцем, башней. Близнецы ворковали. Слов еще не было.

Поднимается ветер... нам надо постараться жить. Бесконечный воздух открывает и закрывает мою книгу. Волна, распыленная, смело плещет и брызжет со скал. Улетайте, слепящие, ослепляющие страницы. Разбивайтесь, волны. Растекайтесь радостными водами...

---

notes

Примечания

1

Недовольную гримасу (*фр.*).

Принятое в Великобритании название Ла-Манша. (Здесь и далее примеч. перев.)

Пелагий (ок. 360 — после 418) — христианский монах из Британии, проповедовавший в Риме; создатель учения, которое отрицало наследственную силу греха, утверждало свободу воли, в противовес концепции благодати и предопределения Августина.

Политика невмешательства государства в экономику, свободная конкуренция (*фр.*).

Неудержимым (лат.).

Поль Валери, «Морское кладбище», пер. Б. Лившица.

Элиот Томас Стерн (1888–1965) — американский поэт, драматург, литературный критик; поэма «Бесплодная земля» принесла ему славу самобытного поэта-модерниста.

Фамилия Тристрама Фокс (Fохе) звучит так же, как «лис» (fox), хотя пишется чуть иначе.

Успокойтесь (*ит.*).

Поговорить... спокойно (*ит.*).

Кастрат (*um.*).

Миссис Шенди, будущая мать героя романа Лоренса Стерна (1713–1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», в критический момент в постели спросила мужа, не забыл ли он завести часы.

Компания «Данлоп» выпускает автомобильные шины.

Евангелие от Матфея, 26:74.

Праматеръ (*нем.*).

Хронологическая ошибка, отнесение того или иного события к более позднему времени.

Мясник, палач (*англ.*).

Продовольственной книжки.

Возлюбленную (ит.).

Убийство в состоянии аффекта (*фр.*).

Глиссандо (ит.).

В названии последней станции присутствует слог «пай» (pie) — пирог (англ.).

Похлебка (pottage) (англ.).

Древнее кельтское название северо-западной Галии (территория Бретани).

Убеждение в несущественности религиозных различий.

На закуску (*фр.*).

Канада.

Псалтирь 136:5–6.

Встреча Нового года, торжественно отмечаемая в Шотландии.

Герой исландской «Саги о Ньяле», знаток законов, сожженный врагами своих сыновей.

Вечеринка с пением и танцами в Шотландии и Ирландии.

Ибо мы согрешили (*лат.*).

Ибо мы согрешили (*лат.*).

Моя вина, моя вина, моя величайшая вина (*лат.*) — католическая формула покаяния и исповеди.

Смещение глазного яблока вперед с расширением глазной щели.

Монограмма Иисуса Христа.

Сие есть Тело его. Сие есть чаша крови его (лат.).

Английская секта хилиастов, приверженцев учения о тысячелетнем Царстве Божием на земле, существовавшая в XVII в.

В музыке — знак повторения (ит.).

Карнавал проводится на Масленице перед Великим постом.

Лоренс Д. Г. (1855–1930) — автор запрещенного в Англии за непристойность романа «Любовник леди Чаттерлей», провозгласивший чувственность и половое влечение созидательной и благотворной силой человеческой натуры.

В данном случае название города приобретает значение «трупное поле».

Приидите к алтарю Божию (*лат.*).

Народная игра, в которой с определенного расстояния выбивают битой глиняную трубку изо рта деревянной женской головы, установленной на столбе.

Ориген (ок. 185–254) — христианский теолог, философ, филолог, соединивший платонизм с христианским учением и осужденный как еретик.

В риторике — предвосхищение отрицательного ответа.

То есть легендарного короля Артура, учредителя «Круглого стола».

Одно из трех главных божеств индейцев Центральной Америки.

Приидем к алтарю Божию... Господу, Кто наполнил веселием юность мою (*лат.*).

Военное Министерство.

Обязательной формой одежды (*фр.*).

Полицейский (*разг.*).

Английский солдат (*разг.*).

Бакалавру искусств.

Сержанту-инструктору квартирмейстерской службы.

Приходский священник, который в XVII в. четырежды менял веру, дважды переходя из католиков в протестанты и обратно.

Страх (нем.).

Транспортное судно (Атлантика).

Сержант употребляет в буквальном смысле крылатую фразу из романа Рабле: «Плыви, галера!» (*фр.*).

Фельдмаршал Китченер командовал войсками в англо-бурской войне;
«арчи» — зенитный пулемет.

Служба снабжения.

Служба цензуры.

Под французским городком Лоо Близ Лилля англичане осенью 1915 г. предприняли неудачную попытку наступления, понеся большие потери.

Блайти — родина, Англия; в армии — ранение, обеспечивающее отправку домой.

Графства в Ирландии.

Мик — пренебрежительное прозвище ирландца.

Немец на сленге, особенно солдат.

Военное Министерство.

С трех струн до одной струны (*ит.*).

Трилистник — эмблема Ирландии.

Искаженное *coup de grace* — буквально «удар милосердия», последний удар палача (*фр.*)

«Принципы расовых исследований» — (нем.).